

16+

ISSN 2618-8775

ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1

2022

Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

АРМАВИР

ISSN 2618-8775

HERALD
OF ARMAVIR STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY

№ 1

2022

**The magazine is inscribed
by the Higher Certifying Commission
on the index of leading reviewing
scientific periodicals for publications
of main dissertation research results
for competition of academic degree
of Doctor and Candidate of Science**

ARMAVIR

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 1

2022

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Зеленко Наталия Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Изропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

**«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

2022 г.

№ 1

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский
край*

**УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО
«Армавирский
государственный
педагогический
университет»**

Web site:
<http://vestnik.agpu.net/>
E-mail:
vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК 378
ББК 74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Стирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракелянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Серсезаевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна, Армения

Ответственные редакторы

Гладченко Виктория Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Лоба Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технические редакторы

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Рубцов Игорь Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алдакимова О.В.

Структура и функции поликультурного образовательного пространства педагогического вуза 9

Аристова И.В.

Реализация контекстно-модульной технологии здоровьесберегающей подготовки студентов технического колледжа 16

Баранюк Н.М.

Реализация мероприятий военно-патриотического воспитания в урочной деятельности Московского суворовского военного училища путем применения исторического наследия полководцев ... 24

Бурцева Е.Д.

Изучение одаренности у обучающихся основной общеобразовательной школы с профильным обучением 33

Галустов А.Р., Карабахян С.К.

Образовательный технопарк как фактор развития социально-профессиональной мобильности студентов педагогического вуза 40

Зуев В.А.

Духовно-нравственное воспитание подростков в условиях модернизации отечественного образования 48

Рубан Д.А., Гладченко В.Е., Лоба В.Е., Абдулаева И.А.

Компетентностный подход в подготовке курсантов: проблемы и перспективы реализации в вузе 57

Федак Е.И., Дворников Г.С., Потяев П.Ю.

Дидактическое моделирование боевых действий в условиях Арктики на занятиях по тактической подготовке военнослужащих подразделений сухопутных войск 67

Федак Е.И., Костин А.А.

Историко-педагогический анализ использования компьютерных тренажерных комплексов в автомобильной подготовке курсантов вузов ВНГ РФ 80

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Багдасарян С.Д., Гришина Т.М.

Исторические корни местного самоуправления в России 89

Гараев И.А.

Бронзовые наконечники стрел из погребений «Грунтового могильника „Волна 1“» 98

Геворгян Г.А.

Историко-методологический аспект формирования этнокультуры армянской диаспоры Донской области и Степного Предкавказья 114

Головлёв А. А.

Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 4. Движение русских войск в Шатоевское общество (летняя экспедиция 1858 г.) 122

Готова Р.Р.

Производство промышленных товаров широкого потребления и уровень обеспеченности населения Кубани в 1956–1964 гг. 141

Дударев С.Л.

Польская эмиграция на Северо-Западном Кавказе в первой половине – середине XIX в. и ее место в формировании историко-культурного партнерства народов Кубани 149

Матвеев В.А.

Использование опыта организации казачества на российском Кавказе и в сопредельном зарубежье накануне и в период Первой мировой войны 161

Шнайдер В.Г.

Коренизация как составная часть национальной политики большевиков на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. 172

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Бакланова О.А., Бакланов И.С., Похилько А.Д.

Перспективы и проблемы технологического развития в России: социально-философский аспект 179

Бирюков И.Л.

Политическое содержание проповеди: философско-теологический аспект 185

Глечян Э.Р.

Инстинкт самосохранения как детерминант правового сознания 193

Равочкин Н.Н.

Методологическая роль социального конструктивизма для исследований политико-правовых институтов (часть 1) 201

Руденко А.М.

Философский анализ акмеологических основ достижения вершин самореализации личности в предпринимательской деятельности 212

Фомин В.Н.

Ценности в контексте взаимоотношений личности и общества 222

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 229

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала

«Вестник Армавирского государственного педагогического университета» 235

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Aldakimova O.V.</i> The Structure and Functions of the Multicultural Educational Space of a Pedagogical University	9
<i>Aristova I.V.</i> Implementing Context-Modular Technology of Health-Saving Training of Students of a Technical College	16
<i>Baranyuk N.M.</i> Implementation of Measures of Military-Patriotic Education in the Scheduled Activities of the Moscow Suvorov Military School Through the Use of the Historical Heritage of Commanders	24
<i>Burtseva E.D.</i> The Study of Talent Among Students of Basic Secondary Schools With Specialized Training	33
<i>Galustov A.R., Karabakhtsyan S.K.</i> Educational Technopark as a Factor in the Development of Socio-Professional Mobility of Pedagogical University Students	40
<i>Zuev V.A.</i> Spiritual and Moral education of Adolescents Under the Conditions of Modernization of National Education	48
<i>Ruban D.A., Gladchenko V.E., Loba V.E., Abdulaeva I.A.</i> The Competency-Based Approach in Cadet Training: Problems and Prospects for Implementation in the University	57
<i>Fedak Y.I., Dvornikov G.S., Potyaev P.Y.</i> Didactic Modeling of Combat Actions in Conditions of the Arctic, at the Classes of Tactical Training for Military Personnel of the Ground Forces Units	67
<i>Fedak E.I., Kostin A.A.</i> Historical and Pedagogical Analysis of the Use of Computer Training Complexes in the Automotive Training of Cadets of Universities of the VNG of the Russian Federation	80

HISTORICAL SCIENCES

<i>Bagdasaryan S.D., Grishina T.M.</i> Historical Roots of Local Self-Government in Russia	89
<i>Garaev I.A.</i> Bronze Arrowheads From the Burials of the "Ground Burial "Volna 1"	98
<i>Gevorgyan G.A.</i> The Historical Methodological Aspect of the Formation of Ethnoculture of the Armenian Diaspora of Don Oblast and the Steppe Pre-Caucasian Region	114

<i>Golovlyov A.A.</i>	
General Nikolay Ivanovich Evdokimov and Chechnya.	
Part 4. Movement of Russian Troops Into the Shatoevskoe Society (Summer Expedition 1858)	122
<i>Gotova R.R.</i>	
The Production of Industrial Consumer Goods and Population Security of Kuban in 1956–1964	141
<i>Dudarev S.L.</i>	
Polish Emigration in the Northwestern Caucasus in the First Half – Middle XIX Century and Its Place in the Formation of Historical and Cultural Partnerships of the Peoples of Kuban	149
<i>Matveev V.A.</i>	
Using the Experience of Organizing the Cossacks in the Russian Caucasus and Neighboring Countries on the Eve and During the First World War	161
<i>Schnaider V.G.</i>	
Korenizatsiya as a Component of the Bolshevik National Policy in the Northern Caucasus in the 1920–1930s	172

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Baklanova O.A., Baklanov I.S., Pokhilko A.D.</i>	
The Prospects and Problems of Technological Development in Russia: a Socio-Philosophical Aspect	179
<i>Biryukov I.L.</i>	
Political Content of Preaching: Philosophical and Theological Aspect	185
<i>Glechyay E.R.</i>	
The Instinct of Self-Preservation as a Determinant of Legal Consciousness	193
<i>Ravochkin N.N.</i>	
The Methodological Role of Social Constructivism in the Research of Political and Legal Institutions (Part 1)	201
<i>Rudenko A.M.</i>	
A Philosophical Analysis of the Acmeological Foundations of Achieving the Peaks of Personal Self-Realization in Entrepreneurial Activity	212
<i>Fomin V.N.</i>	
Values in the Context of the Relationship Between Personality and Society	222
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	229
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	235

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378.4

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

О.В. Алдакимова

THE STRUCTURE AND FUNCTIONS OF THE MULTICULTURAL EDUCATIONAL SPACE OF A PEDAGOGICAL UNIVERSITY

O.V. Aldakimova

Аннотация. Статья посвящена исследованию потенциала поликультурного образовательного пространства в подготовке будущих педагогов к успешной профессиональной деятельности в условиях культурного разнообразия. Проведен анализ имеющихся в научной литературе подходов к изучению поликультурного образовательного пространства. Основное внимание уделено характеристике социально-психологических, коммуникативных, когнитивных и педагогических аспектов поликультурного образовательного пространства. Представлена характеристика ценностно-ориентационной, мотивационно-познавательной, деятельностно-поведенческой, рефлексивно-оценочной функций поликультурного образовательного пространства, направлений, форм и методов их реализации в педагогическом вузе.

Abstract. The article is devoted to the study of the potential of multicultural educational space in the preparation of future teachers for successful professional activity under the conditions of cultural diversity. The analysis of the approaches available in the scientific literature to the study of the multicultural educational space is carried out. The main attention is paid to the characteristics of socio-psychological, communicative, cognitive and pedagogical aspects of the multicultural educational space. The article presents the characteristics of value-orientation, motivational-cognitive, activity-behavioral, reflexive-evaluative functions of the multicultural educational space, directions, forms and methods of their implementation in a pedagogical university.

Ключевые слова: педагогическое образование, образовательное пространство, поликультурное образовательное пространство, функции поликультурного образовательного пространства.

Keywords: pedagogical education, educational space, multicultural educational space, functions of the multicultural educational space.

К числу ведущих трендов, определяющих развитие педагогического образования, без сомнения, относится цифровизация, влияющая на изменение многих структурно-содержательных и технологических параметров.

В то же время цифровизация образования по-новому актуализирует проблему сохранения ценностно-смысловых характеристик особой миссии педагогических вузов [1].

В наиболее общем виде миссия университета рассматривается в научной литературе как перспективное видение его базовых ценностей, принципов деятельности в быстро меняющейся социокультурной среде [6; 7]. Мы разделяем позицию М.И. Алдошиной об особой роли университетов в формировании «...духовной, этнической и интеллектуальной идентичности личности» [2, с. 200].

Особым потенциалом в реализации новых задач и функций университета обладает поликультурное образовательное пространство педагогических вузов. В научной литературе образовательное пространство рассматривается как целостная система, включающая интеграцию разнородных подсистем, ориентированных на успешную реализацию обучающей, воспитательной и развивающей функций [3]. Для реализации данных функций образовательное пространство в педагогических вузах выстраивается на основе принципов культуросообразности и гуманистической направленности.

Нам представляется убедительной и обоснованной позиция исследователей, которые рассматривают образовательное пространство как сложную интегральную целостную систему, которая состоит из разнородных подсистем [3; 4]. Каждая из таких подсистем выполняет воспитательную, обучающую и развивающую функцию и характеризуется рядом качеств, к которым можно отнести культуросообразность, гуманистическую направленность, диалогический характер.

В ряде работ представлена достаточно детальная характеристика поликультурного образовательного пространства как ресурса воспитания у молодежи уважительного отношения к разнообразию культур, понимания их ценности в процессе профессионально-личностного взаимодействия в условиях открытых коммуникаций и интенсивных межкультурных обменов [3; 8].

Нам импонирует позиция О.В. Гукаленко, рассматривающей поликультурное образовательное пространство как территориально определенную среду [4]. Данная среда включает, с ее точки зрения, совокупность социальных систем, ориентированных, прежде всего, на создание особой культуросообразной атмосферы, обеспечивающей трансляцию и сохранение гуманистических ценностей. Следует особо отметить важность акцентов исследователей на роли поликультурного образовательного пространства как части глобального поликультурного информационного общества, что актуализирует важность проблемы безопасности, снижения рисков межкультурных конфликтов и социальной напряженности в молодежной среде [5].

Исследователи подчеркивают особую роль поликультурного образовательного пространства педагогических вузов, ориентированных на подготовку будущих педагогов к профессиональной деятельности в условиях культурного разнообразия, диалога культур [8]. Важнейшей задачей педагогических вузов

становится включение в образовательной и воспитательный процесс отдельных учебных дисциплин и модулей, обеспечивающих развитие межкультурных компетенций студентов, интереса к изучению достижений мировой и национальной культуры как фактора взаимного уважения и взаимопонимания в поликультурном обществе.

В контексте исследуемой проблемы заслуживает особого внимания акцент исследователей [4] на сложности структуры поликультурного образовательного пространства, в котором выделяются несколько основных аспектов:

- социально-психологические аспекты поликультурного образовательного пространства: нормы и правила межличностного взаимодействия с учетом культурного разнообразия; психологическое сопровождение профессионально-личностного развития субъектов образования; проектирование корпоративной культуры на принципах уважения культурного разнообразия как ценности;

- коммуникативные аспекты поликультурного образовательного пространства: целенаправленное обучение студентов и преподавателей навыкам межкультурной коммуникации;

- когнитивные аспекты поликультурного образовательного пространства: формирование у студентов системы междисциплинарных знаний о культурных ценностях, культурном разнообразии, принципах гармоничного взаимодействия с представителями других культур;

- педагогические аспекты поликультурного образовательного пространства: научно-методическое обеспечение программ поликультурного образования в вузе; повышение квалификации профессорско-преподавательского состава в области межкультурной коммуникации.

Обобщение результатов выполненных исследований позволяет нам выделить следующие функции поликультурного образовательного пространства педагогического вуза:

- ценностно-ориентационная функция поликультурного образовательного пространства: формирование осознанной готовности студентов к профессионально-педагогической деятельности в поликультурном социуме; осознание будущими педагогами воспитательного потенциала традиционных духовно-нравственных ценностей народной культуры;

- мотивационно-познавательная функция поликультурного образовательного пространства: мотивация студентов к изучению истории и традиций, региональных особенностей народной культуры как фактора воспитания патриотических чувств и этнической идентичности; интерес к изучению опыта межкультурного взаимодействия в регионе; понимание культуuroобразующей миссии педагогической деятельности, глубокое изучение современных форм и методов поликультурного образования;

- деятельностно-поведенческая функция поликультурного образовательного пространства: развитие межкультурных компетенций студентов как условия успешной профессионально-педагогической деятельности в поликультурном социуме; формирование установок гармоничного взаимодействия с представителями других культур; овладение обучающимися моделями бесконфликтного поведения в различных сферах жизнедеятельности;

- рефлексивно-оценочная функция поликультурного образовательного пространства: создание психолого-педагогических условий открытого обсуждения проблем межкультурного взаимодействия в вузе, рефлексивная оценка и коррекция используемых образовательно-воспитательных технологий по предупреждению этнической напряжённости в молодежной среде.

В таблице 1 в обобщённом виде представлена взаимосвязь функций поликультурного образовательного пространства, направлений, форм и методов их реализации в педагогическом вузе и ожидаемые результаты.

Таблица 1

**Функции поликультурного образовательного пространства,
направления, формы, методы реализации, ожидаемые результаты**

Функции поликультурного образовательного пространства	Направления, формы, методы реализации функций поликультурного образовательного пространства	Ожидаемые результаты
Ценностно-ориентационная функция	- диагностика ценностных ориентаций студентов; - диагностика уровня межкультурной компетенции субъектов образовательного процесса; - усиление культурологической направленности воспитательных событий; - интеграция социокультурных ресурсов региона в подготовку будущих педагогов к профессиональной деятельности в поликультурном социуме	- концептуализация поликультурной миссии и корпоративной культуры университета; - разработка целостной системы поликультурного образования в вузе
Мотивационно-познавательная функция	- включение в ООП вуза дисциплин культурологической и этнорегиональной направленности; - разработка и реализация культурно ориентированных образовательных технологий	- глубокие и прочные знания студентов о культурном многообразии в России и мире; - понимание студентами принципов межкультурного взаимодействия в различных областях жизнедеятельности
Деятельностно-поведенческая функция	- усиление практико-ориентированной направленности образовательного процесса в вузе, ориентации на развитие компетенций межкультурной коммуникации; - активное использование деятельностных воспитательных практик	- безопасное образовательное пространство: - снижение конфликтогенности в молодежной среде; - социокультурная адаптация обучающихся, в том числе из других российских регионов и зарубежных стран, к условиям региональной среды
Рефлексивно-оценочная функция	- разработка системы мониторинга развития межкультурных компетенций в вузе	- удовлетворенность студентов качеством образования в вузе; - создание научно обоснованной системы противодействия молодежному экстремизму

Проведенный анализ позволяет подчеркнуть многокомпонентную сложность поликультурного образовательного пространства педагогического университета, его особую миссию в системной подготовке будущих работников образования к осознанию гуманистической направленности национальной культуры, к сохранению и развитию традиционных культурных ценностей и традиций.

Таким образом, обобщая результаты проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы:

1. Поликультурное образовательное пространство как сложный научно-практический феномен включает в себя взаимосвязанную совокупность социально-психологических, коммуникативных, когнитивных и педагогических аспектов.

2. Поликультурное образовательное пространство обладает высоким потенциалом в подготовке будущих педагогов к успешной профессиональной деятельности в условиях культурного многообразия.

Поликультурное образовательное пространство в педагогическом вузе выполняет ценностно-ориентационную, мотивационно-познавательную, деятельностно-поведенческую, рефлексивно-оценочную функции, взаимосвязь между которыми обеспечивает системность, непрерывность и результативность реализуемых в вузе образовательных программ, воспитательно-социальных проектов культурологической направленности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алдакимова, О. В. О миссии педагогического университета в поликультурном регионе / О. В. Алдакимова. – Текст : непосредственный // Материалы международного научного форума «Образование. Наука. Культура» (20 ноября 2019 г.). В 5 ч. Ч. 2: Международная научно-практическая конференция «Педагогика и психология в современной системе образования» : сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Осипова. – Гжель : ГГУ, 2020. – С. 22–23.
2. Алдошина, М. И. Вызовы XXI века и функции современного университетского образования / М. И. Алдошина. – Текст : непосредственный // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 3 (80). – С. 196–201.
3. Горшенина, С. Н. Поликультурное образовательное пространство как педагогический феномен / С. Н. Горшенина, И. А. Неясова, Л. А. Серикова. – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 6 (22). – С. 64–69.
4. Гукаленко, О. В. Поликультурное образовательное пространство университета как социально-педагогический феномен / О. В. Гукаленко, В. П. Борисенков, Л. Д. Панова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. – 2020. – № 1. – С. 21–36.
5. Гукаленко, О. В. Безопасность детей и молодежи в поликультурном образовательном пространстве России: проблемы и перспективы / О. В. Гукаленко, В. Н. Пустовойтова. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2017. – Вып. 7. – С. 25–34.

6. Коротова, О. Г. Культуросоздающая функция университета в пространстве культуры / О. Г. Коротова. – Текст : непосредственный // Регионология. – 2013. – № 2 (83). – С. 132–140.

7. Ольшанникова, Н. А. Контент-анализ миссий современных университетов / Н. А. Ольшанникова. – Текст : непосредственный // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2. – Т. 2. – С. 100–112.

8. Чекалева, Н. В. Специфика подготовки будущего педагога в условиях поликультурного образования / Н. В. Чекалева. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 4. – С. 80–88.

REFERENCES

1. Aldakimova O.V. O missii pedagogicheskogo universiteta v polikul'turnom regione [About the mission of a pedagogical university in a multicultural region]. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo foruma «Obrazovanie. Nauka. Kul'tura» (20 noyabrya 2019 g.). Ch. 2. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Pedagogika i psihologiya v sovremennoy sisteme obrazovaniya»: sbornik nauchnykh statey = Materials of International Scientific Forum "Education. Science. Culture" (November 20, 2019). Part 2. International Scientific Practical Conference "Pedagogy and Psychology in the Modern Education System". A collection of scientific articles, Gzhel, 2020, pp. 22–23. (In Russian).

2. Aldoshina M.I. Vyzovy XXI veka i funkcii sovremennogo universitetskogo obrazovaniya [Challenges of the XXI century and functions of modern university education]. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Orel State University, 2018, No. 3 (80), pp. 196–201. (In Russian).

3. Gorshenina S.N. Polikul'turnoe obrazovatel'noe prostranstvo kak pedagogicheskiy fenomen [Multicultural educational space as a pedagogical phenomenon]. Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl = Historical and Socio-Educational Thought, 2013, No. 6 (22), pp. 64–69. (In Russian).

4. Gukalenko O.V., Borisenkov V.P., Panova L.D. Polikul'turnoe obrazovatel'noe prostranstvo universiteta kak social'no-pedagogicheskiy fenomen [Multicultural educational space of a University as a socio-pedagogical phenomenon]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie = Bulletin of Moscow University. Ser. 20. Pedagogical education, 2020, No. 1, pp. 21–36. (In Russian).

5. Gukalenko O.V., Pustovoytova V.N. Bezopasnost' detey i molodezhi v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Rossii: problemy i perspektivy [Safety of children and youth in the multicultural educational space of Russia: problems and prospects]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya = Bulletin of Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy, 2017, iss. 7, pp. 25–34. (In Russian).

6. Korotova O.G. Kul'turosozidayushhaya funkciya universiteta v prostranstve kul'tury [The culture-creating function of a university in the cultural space]. Regionologiya = Regional Studies, 2013, No. 2 (83), pp. 132–140. (In Russian).

7. Olshannikova N.A. Kontent-analiz missiy sovremennykh universitetov [Content analysis of the missions of modern universities]. Idei i idealy = Ideas and Ideals, 2018, No. 2, Vol. 2, pp. 100–112. (In Russian).

8. Chekaleva N.V. Specifika podgotovki budushhego pedagoga v usloviyakh polikul'turnogo obrazovaniya [The specifics of training a future teacher in the conditions of multicultural education]. Jaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 2018, No. 4. pp. 80–88. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Алдакимова, О. В. Структура и функции поликультурного образовательного пространства педагогического вуза / О. В. Алдакимова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 9–15.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Aldakimova O. V. The Structure and Functions of the Multicultural Educational Space of a Pedagogical University / O. V. Aldakimova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 9–15. (In Russian).

УДК 378

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНТЕКСТНО-МОДУЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ
ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ПОДГОТОВКИ
СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА**

И.В. Аристова

**IMPLEMENTING CONTEXT-MODULAR TECHNOLOGY
OF HEALTH-SAVING TRAINING
OF STUDENTS OF A TECHNICAL COLLEGE**

I.V. Aristova

Аннотация. Цель исследования – здоровьесберегающая подготовка студентов технического колледжа на основе контекстно-модульной технологии. Гипотеза исследования: здоровьесберегающая подготовка студентов колледжа будет эффективной, если уточнено понятие «здоровьесберегающая подготовка», разработана модель и выявлены педагогические условия здоровьесберегающей подготовки студентов технического колледжа. В соответствии с гипотезой сформированы задачи исследования: уточнить понятие «здоровьесберегающая подготовка»; определить структурные компоненты и разработать модель здоровьесберегающей подготовки студентов колледжа на основе контекстно-модульной технологии.

В статье обосновывается проблема здоровьесберегающей подготовки студентов технического колледжа, выбор контекстно-модульной технологии для моделирования процесса здоровьесберегающей подготовки студентов технического колледжа. Раскрывается содержательный контент (модуль 1, модуль 2, модуль 3) на основе собственной учебной деятельности студентов через квазипрофессиональную к собственно-профессиональной деятельности, выявляются индивидуальные особенности студентов колледжа в процессе здоровьесберегающей подготовки и организации их самостоятельной деятельности. В рамках контекстно-модульной технологии обосновываются этапы здоровьесберегающей подготовки студентов колледжа: этап 1 – теоретические знания о здоровьесберегающей подготовке; этап 2 – индивидуальные особенности студентов в процессе здоровьесберегающей деятельности; этап 3 – организация самостоятельной работы в процессе здоровьесберегающей подготовки, с использованием форм (лекции, практические занятия, семинары), средств (программа обучения, цифровые средства), методов (проблемно-поисковый, игровой) реализации контекстно-модульной технологии в процессе здоровьесберегающей подготовки студентов технического колледжа. Определены методы исследования: теоретические, эмпирические, диагностические.

Abstract. The aim of the research is health-preserving training of students of a technical college based on context-modular technology. Research hypothesis: health-preserving training of college students will be effective if the concept of "health-preserving training" is clarified, a model is developed and pedagogical conditions of health-preserving training of technical college students are identified. In accordance with the hypothesis, the following research objectives were formed: to clarify the concept of "health-preserving training"; to identify structural components and to develop a model of health-preserving training for college students based on context-modular technology.

The problem of health-preserving training of students of a technical college, the choice of context-modular technology for modeling the process of health-preserving training of students of a technical college are substantiated. The content component includes module 1, module 2, module 3 on the basis of students' own educational activities through quasi-professional to their own professional activities. The individual characteristics of college students in the process of health-preserving training and the organization of their independent activities are identified. Within the context of the context-modular technology, the stages of health-preserving training of college students are substantiated: stage 1 – theoretical knowledge about health-preserving training; stage 2 – individual characteristics of students in the process of health-preserving activity; stage 3 – organization of independent work in the process of health-preserving training, using forms (lectures, workshops, seminars), means (training program, digital means), methods (problem-search, games) for the implementation of context-modular technology in the process of health-preserving training of students of a technical college. The following research methods are determined: theoretical, empirical, diagnostic.

Ключевые слова: здоровьесберегающая подготовка, контекстно-модульная технология, формы, средства и методы.

Keywords: health-preserving training, context-modular technology, forms, means and methods.

В современном образовательном пространстве в связи с пандемией обозначилась проблема здоровьесберегающей подготовки студентов образовательных учреждений, от решения которой зависит не только уровень квалификации специалистов, получающих профессиональное образование, но и перспективы развития общества в целом. Важность решения данной проблемы отражается в законодательных документах, так в «Национальной доктрине развития образования на период до 2025 г.» здоровьесберегающая подготовка выступает основой для самообразования и профессионального саморазвития. В соответствии с требованиями ФГОС СПО здоровьесберегающая подготовка является одной из компетенций профессионального образования, направленная на сохранение и укрепление здоровья в процессе профессиональной деятельности и поддержание необходимого уровня физической подготовленности в течение жизни.

Внедрение цифровых технологий в образование ставит перед студентами новые задачи, среди которых способность определять приоритеты собственной деятельности, личностного развития и профессионального роста. Но, с другой стороны, увеличение времени работы за компьютером приводит к гиподинамии, снижению резервных возможностей организма, снижению физической и умственной активности, что приводит к обострению хронических заболеваний. Результаты анкетирования студентов с целью выявления мотивационной готовности к здоровьесберегающей подготовке показали, что высокий уровень мотивационной готовности к здоровьесберегающей подготовке имеют лишь 20,8 % студентов, 49,5 % имеют средний уровень мотивации, а 29,7 % имеют низкий уровень. Именно поэтому здоровьесберегающая подготовка студентов

колледжа направлена на способность планировать рабочее и свободное время для оптимального сочетания физической и умственной нагрузки.

Опираясь на исследования А.Г. Маджуги, В.И. Панова, В.В. Серикова, здоровьесберегающая подготовка определяется как интегральное качество личности студента, регламентирующее стиль поведения в вопросах сохранения и укрепления здоровья в единстве субъективных и объективных факторов при определяющей роли ценностных ориентаций и мировоззрения.

Переход к внедрению цифровых технологий в обучение обуславливает изменения в содержании учебной деятельности, в формах подачи материала, приводит к поиску новых эффективных способов сочетания форм, методов и технологий обучения, обеспечивающих здоровьесбережение участников образовательного процесса в контексте предметного содержания будущей профессиональной деятельности (А.А. Вербицкий).

Понятие «педагогическая технология» определяется учеными (В.П. Беспалько, А.А. Вербицкий, М.В. Клариным, В.В. Сериковым) как «построение образовательного процесса с заданными диагностируемыми результатами» [4]; «проект определенной педагогической системы, реализуемой на практике» [1]; «реализованный на практике проект взаимосвязанной деятельности субъектов образовательного процесса, разрабатываемый и осуществляемый в соответствии с закономерностями познавательной деятельности человека и педагогической деятельности и с учетом логики развертывания научного знания и логики его использования в качестве ориентировочной основы будущей практико-профессиональной деятельности» [2]; «блоки программ совместной деятельности, отражающие индивидуальные варианты развития детей» [10].

Особый интерес для нашего исследования представляют технологии контекстного образования, так как они в процессе предметной деятельности студентов формируют социальный, в том числе здоровьесберегающий контекст будущей профессиональной деятельности на основе обобщения и использования личного опыта студентов. Игнорирование личного опыта обучающихся выступает субъективным препятствием для овладения системой профессиональных знаний, умений в процессе получения профессионального образования [8; 10] (В.И. Панов, В.В. Сериков).

Концепция контекстного обучения, основанная на теории деятельности, предполагает, что усвоение социального опыта обучающимися осуществляется при включении студентов в режим «вынужденной активности», приводящей к эмоциональной включенности в процесс обучения, активизации мыслительной деятельности обучающихся, установлению субъект-субъектных отношений в образовательной среде.

Активизация познавательной деятельности позволяет вступать в резонансное взаимодействие, в результате которого возникает возможность качественных преобразований в системе взглядов и убеждений в области здоровьесберегающей подготовки. Совместное «проживание» образовательных ситуаций в процессе здоровьесберегающей подготовки развивает способность анализировать

сложные ситуации, выявлять причинно-следственные связи, проводить рефлексию своих достижений [7] (А.Г. Маджуга).

Рефлексивные технологии, являясь ключевыми в системе образования (ФЗ «Об образовании в РФ»), рассматриваются учеными как: «новая позиция деятеля, характеризующаяся относительно прежней позиции» [11]; «способность человека осознавать и переосмысливать свою жизнь для обеспечения адекватного поведения и эффективной деятельности» [6]. Возможность переосмысления элементов ценностно-смысловой сферы личности, развитие субъектности, выход на новые позиции обуславливают использование рефлексивных технологий в процессе здоровьесберегающей подготовки. Эффективность этого процесса обеспечивается поэтапным осмыслением и проживанием последовательно моделируемых условий профессиональной деятельности в процессе здоровьесберегающей подготовки студентов колледжа на основе контекстно-модульной технологии. Качество эмоционального отношения человека ко всем проявлениям в его жизни является показателем личностного развития, определяющего способность к самореализации [5] (Э.П. Комарова). Использование личного опыта студентов, эмоциональной вовлеченности и заинтересованности, резонансного субъект-субъектного взаимодействия, проживания в проблемных ситуациях, их осознание и осмысление являются «неалгоритмизируемыми элементами, связанными с аффективной стороной обучения» [3] (В.В. Гузеев) контекстно-модульной технологии.

Однако в рассмотренных технологиях не представлены формы, средства и методы цифровых технологий, не раскрыт содержательный контент здоровьесберегающей подготовки, направленный на моделирование будущей профессиональной деятельности от учебной через квазипрофессиональную к собственно профессиональной, не разработана модель здоровьесберегающей подготовки студентов колледжа.

В целом контекстно-модульная технология здоровьесберегающей подготовки студентов колледжа включает: целеполагание; выбор содержания материала; формы и методы организации процесса обучения; разработку критериев, показателей и диагностических методик определения здоровьесберегающей подготовки студентов; рефлексию достигнутых результатов.

Цель контекстно-модульной технологии – здоровьесберегающая подготовка студентов колледжа в процессе профессионального обучения с использованием содержательного контента учебных дисциплин технического колледжа.

Реализация контекстно-модульной технологии предполагает решение следующих задач:

1. Актуализация теоретических знаний о здоровьесберегающей подготовке студентов колледжа (модуль 1).
2. Выявление индивидуальных особенностей студентов колледжа в процессе здоровьесберегающей подготовки (модуль 2).

3. Организация самостоятельной деятельности студентов колледжа с использованием средств цифровых ресурсов с целью преодоления личностных барьеров здоровьесберегающей подготовки (модуль 3).

Обязательным элементом контекстно-модульной технологии является рефлексивная деятельность студентов, связанная с осмыслением и анализом своих достижений на предыдущих этапах процесса здоровьесберегающей подготовки. Рефлексивная деятельность, основанная на внутренней работе, приводит к осмыслению проблемной ситуации «к качественным изменениям ценностно-смысловых образований, формированию новых стратегий и способов внутреннего диалога, интеграции личности в новое, более целостное состояние» [9] (А.В. Россохин).

Здоровьесберегающая подготовка предполагает отношение студентов к здоровью, как ценностному ресурсу для успешной личностной и профессиональной самореализации с учетом индивидуальных и личностных особенностей. Характеристиками индивидуальной здоровьесберегающей подготовки выступили: наличие здоровья в системе ценностных ориентаций, принятие собственной ценности на основе адекватной самооценки, ведущие способы восприятия и переработки информации, уровень знаний в вопросах здоровьесбережения, способность к самоуправлению здоровьесберегающей подготовкой; уровень субъективного контроля поддержки здоровьесберегающей подготовки. Важными элементами здоровьесберегающей подготовки являются: интенсивность личностного отношения к здоровью и направленность личности к принятию ответственности за свое здоровье. Учет собственной индивидуальности дает возможность принять отличные от своих представления и стратегии действий окружающих. Были рассмотрены стратегии и тактики общения, различные стороны общения: коммуникативная, интерактивная и перцептивная, выявлены искажения во взаимодействии субъектов образования и барьеры в виде стереотипов и предубеждений. Также были изучены и индивидуальные особенности, обуславливающие возникновение конфликтов, исследованы способность к компромиссам и сотрудничеству, рассмотрены стратегии поведения в конфликте. Система ценностных ориентаций студентов формирует смысловое поле, в которое включены знания о здоровьесберегающей подготовке, определяющие социальное, психологическое и физическое здоровье [12].

Реализация контекстно-модульной технологии, здоровьесберегающей подготовки студентов колледжа включает три этапа:

Этап I – теоретические знания о здоровьесберегающей подготовке направлены на активизацию ценностно-мотивационной сферы студентов колледжа к здоровьесберегающей подготовке.

Этап II – определение индивидуальных особенностей студентов в области здоровьесберегающей подготовки, что приводит к установлению взаимосвязи между ценностно-смысловой сферой и личностными стратегиями здоровьесберегающего поведения.

Этап III – организация самостоятельной работы, поиск дополнительной информации, определение средств цифровых ресурсов и устранение барьеров здоровьесберегающей подготовки.

Реализация контекстно-модульной технологии, здоровьесберегающей подготовки студентов колледжа интегрирует в себе методы (проблемно-поисковый, эвристический и игровой), средства (программа обучения, видео-конференции и др.), формы (в режиме face-to-face и в режиме on-line семинары-дискуссии, деловые игры, анализ конкретных ситуаций).

Развертывание проблемности содержания здоровьесберегающей подготовки посредством содержательного контента учебных дисциплин дает возможность использовать игровые методы в проблемных ситуациях. Их эффективность определяется практикой новых социальных отношений, получаемых в результате игры. Реализация проблемных ситуаций дает возможность посмотреть на себя со стороны, провести рефлекссию, проявить терпимость к иной точке зрения, что носит еще и терапевтический характер, так как снижает эмоциональное напряжение и стабилизирует самооценку.

Игровые формы обучения (метод анализа конкретных ситуаций) обеспечивают способность к управлению и самоуправлению здоровьесберегающей подготовкой студентов в процессе взаимодействия субъектов образования, интегративное единство процессов обучения и воспитания с целью повышения мотивационно-ценностных ориентаций в процесс здоровьесберегающей подготовки студентов колледжа.

Таким образом, синергетическое взаимодействие субъектов образования с использованием методов, средств и форм контекстно-модульной технологии направлено на активное овладение новыми индивидуальными стратегиями здоровьесберегающей деятельности на основе личного опыта и усвоения навыков здоровьесберегающего поведения в процессе профессиональной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалько, В. П. Слагаемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – М. : Педагогика, 1989. – 190 с. – Текст : непосредственный.
2. Вербицкий, А. А. Теория и технологии контекстного образования : учебное пособие / А. А. Вербицкий. – М. : МПГУ, 2017. – 268 с. – Текст : непосредственный.
3. Гузеев, В. В. Системные основания образовательной технологии / В. В. Гузеев. – М. : Знание, 1995. – 135 с. – Текст : непосредственный.
4. Кларин, М. В. Педагогические технологии в учебном процессе / М. В. Кларин. – М. : Знание, 1989. – 80 с. – Текст : непосредственный.
5. Комарова, Э. П. Эмоциональный интеллект: понятие, роль и формы интеграции в социокультурном общении / Э. П. Комарова. – Текст : непосредственный // Вестник ВГТУ. – 2014. – Т. 10. – № 3–2. – С. 43–45.
6. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл, Академия, 2004. – 352 с. – Текст : непосредственный.

7. Маджуга, А. Г. Здоровьесозидающая педагогика: теория, методология, опыт, перспективы развития : монография / А. Г. Маджуга, И. А. Синицына. – М. : Логос, 2014. – 508 с. – Текст : непосредственный.

8. Панов, В. И. Образовательные технологии работы с одаренными детьми / В. И. Панов. – Текст : непосредственный // Опыт работы с одаренными детьми в современной России : материалы Всероссийской научно-практической конференции. (Москва, 6–8 февраля 2003 года) / науч. ред. Л. П. Дуганова. – М., 2003. – С. 67–81.

9. Россохин, А. В. Рефлексия и внутренний диалог в изменённых состояниях сознания: Интерсознание в психоанализе / А. В. Россохин. – М. : Когито-Центр, 2010. – С. 24. – Текст : непосредственный.

10. Сериков, В. В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии : монография / В. В. Сериков. – Волгоград : Перемена, 1994. – 152 с. – Текст : непосредственный.

11. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М., 1985. – 800 с. – Текст : непосредственный.

12. Aristova I.V. Teacher's Readiness Formation For Development Of Systems Thinking On The Basis Of Conceptual Pedagogical Model. E. Komarova, N. Sapozhkova, I. Aristova, I. Yartseva // Language and Culture. – № 51, 2020. – P. 119–128.

REFERENCES

1. Bepal'ko V.P. Slagaemye pedagogicheskoy tekhnologii [The components of pedagogical technology]. Moscow, Pedagogika, 1989. 190 p.

2. Verbitskiy A.A. Teoriya i tekhnologii kontekstnogo obrazovaniya: uchebnoe posobie [Theory and technologies of contextual education: textbook]. Moscow, MPSU, 2017. 268 p.

3. Guzeev V.V. Sistemnye osnovaniya obrazovatel'noy tekhnologii [System foundations of educational technology]. Moscow, Znanie, 1995. 135 p.

4. Klarin M.V. Pedagogicheskie tekhnologii v uchebnom processe [Pedagogical technologies in the educational process]. Moscow, Znanie, 1989. 80 p.

5. Komarova E.P. Emotsional'nyy intellekt: ponyatie, rol' i formy integratsii v sociokul'turnom obshchenii [Emotional intelligence: concept, role and forms of integration in sociocultural communication]. Vestnik VGTU = Bulletin of VSTU, 2014, vol. 10, No. 3-2, pp. 43-45. (In Russian).

6. Leontyev A.N. Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Smysl, Akademiya, 2004. 352 p.

7. Madzhuga A.G., Sinitsyna I.A. Zdoroviesozidayushchaya pedagogika: teoriya, metodologiya, opyt, perspektivy razvitiya: monografiya [Health-creating pedagogy: theory, methodology, experience, development prospects: monograph]. Moscow, Logos, 2014. 508 p.

8. Panov V.I. Obrazovatel'nye tekhnologii raboty s odarennymi det'mi [Educational technologies for working with gifted children]. Opyt raboty s odarennymi det'mi v sovremennoy Rossii: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii = Experience of Working with Talented Children in Modern Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow 2003 (6–9 February), pp. 67–81. (In Russian).

9. Rossokhin A.V. Refleksiya i vnutrenniy dialog v izmenyonnykh sostoyaniyakh soznaniya: Intersoznanie v psihoanalize [Reflection and internal dialogue in altered states of consciousness: Interconsciousness in psychoanalysis]. Moscow, "Kogito-Centr", 2010. P. 24.

10. Serikov V.V. Lichnostnyy podkhod v obrazovanii: koncepciya i tekhnologii: Monografiya [Personal approach in education: concept and technologies: Monograph]. Volgograd, Peremena, 1994. 152 p.

11. Shchedrovitskiy G.P. Izbrannye Trudy [Selected works]. Moscow, 1985. 800 p.

12. Aristova I.V., Komarova E., Sapozhkova N., Yartseva I. Teacher's readiness formation for Development of systems thinking on the basis of conceptual pedagogical model. Language and Culture, 2020, No. 51, pp. 119–128.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Аристова, И. В. Реализация контекстно-модульной технологии здоровьесберегающей подготовки студентов технического колледжа / И. В. Аристова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 16–23.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Aristova I. V. Implementing Context-Modular Technology of Health-Saving Training of Students of a Technical College / I. V. Aristova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 16–23. (In Russian).

УДК 378.016

**РЕАЛИЗАЦИЯ МЕРОПРИЯТИЙ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ В УРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО
СУВОРОВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА ПУТЕМ ПРИМЕНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПОЛКОВОДЦЕВ**

Н.М. Баранюк

**IMPLEMENTATION OF MEASURES OF MILITARY-PATRIOTIC
EDUCATION IN THE SCHEDULED ACTIVITIES OF THE MOSCOW
SUVOРОВ MILITARY SCHOOL THROUGH THE USE
OF THE HISTORICAL HERITAGE OF COMMANDERS**

N.M. Baranyuk

Аннотация. Включение военной составляющей в образование суворовцев с позиции воспитания гражданской идентичности одно из приоритетных направлений деятельности преподавателей довузовских образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации. В статье рассмотрены способы реализации воспитания суворовцев за счет применения героического наследия полководцев при изучении учебных дисциплин. Анализ тематического планирования по учебным дисциплинам показал, что включение в программный материал исторического наследия полководцев позволяет решать в ходе урочной деятельности задачи военно-патриотического воспитания.

Abstract. The inclusion of the military component in the education of Suvorov residents from the standpoint of civil identity education is one of the priorities of teachers of pre-university education of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The article discusses the ways to implement the education of the Moscow Suvorov Military School Students through the use of the heroic heritage of commanders in the study of academic disciplines. The analysis of thematic planning in academic disciplines has shown that the inclusion of the historical heritage of commanders in the program material allows solving the tasks of military-patriotic education in the course of regular activities.

Ключевые слова: историческое наследие, полководцы, образование, урочная деятельность, военно-патриотическое воспитание.

Keywords: historical heritage, commanders, education, military activity, military-patriotic education.

Включение в учебные дисциплины образовательных организаций Министерства обороны военной составляющей способствует эффективной подготовке к военной службе выпускников суворовских военных училищ и кадетских корпусов, формируя необходимые компетенции, знания, умения и навыки. В этой связи особую значимость приобретает обращение к историческому наследию, устоявшимся воинским ритуалам и ратным традициям отечественных полководцев, которые несут в себе фундаментальные основы военно-патриотического воспитания будущих офицеров. Своевременность

изучения данной проблемы позволит эффективно решать воспитательные задачи по формированию военного патриотизма в суворовских военных училищах и кадетских корпусах.

Изучение нормативно-правовых актов по теме исследования позволяет нам констатировать, что образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества, его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов, в укреплении социальной солидарности, в повышении уровня доверия человека к жизни в России, к согражданам, обществу, государству, настоящему и будущему своей страны. На уровне основного общего образования у обучающихся формируется система ценностей и установок поведения: подростки приобретают знания и умения для будущей самостоятельной жизни в обществе, а в довузовских образовательных организациях Министерства обороны – и для успешной и результативной профессиональной деятельности [6].

Основным документом в России, регламентирующим организацию и проведение мероприятий по патриотическому воспитанию, является государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации 2016–2020 гг.», в которой определены основные цели государственной политики в сфере патриотического воспитания: «создание условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, укрепление чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечение преемственности поколений россиян, воспитание гражданина, любящего свою Родину и семью» [5].

Образовательная деятельность в суворовских военных училищах является основным видом деятельности, цель которой подготовить суворовцев к военной или государственной службе. Эффективным средством реализации образовательных задач выступает урочная деятельность, направленная на усвоение образовательных программ, а также формирования у обучающихся государственно-патриотического сознания, воспитания суворовцев в духе верности России, гордости за принадлежность к Вооруженным Силам Российской Федерации. В процессе обучения преподаватель призван не только передавать суворовцам какое-либо количество информации, но и воспитывать в духе патриотизма, любви к своей Родине, Вооруженным Силам, своему воинскому коллективу, воинским традициям, ритуалам и бережному отношению к историческому наследию страны. Поэтому, наиболее эффективным средством для решения воспитательных задач на уроке является внедрение в урочную деятельность исторического наследия.

Под использованием исторического наследия следует понимать освящение героического прошлого России, внедрение в образовательный процесс, вклада полководцев в строительство Вооруженных Сил, создания военной мощи России, пропаганду патриотических идей и взглядов, а также исторических фактов связанных с биографией военачальников. Особым воспитательным потенциалом на уроке является применение исторического

наследия выдающихся отечественных полководцев: Петра I, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, М.И. Кутузова, А.П. Ермолова, П.С. Нахимова, М.И. Драгомирова, М.Д. Скобелева, С.О. Макарова, М.В. Фрунзе, К.К. Рокоссовского, Г.К. Жукова и др. Военные заветы и традиции полководцев – основа военно-патриотического воспитания и военного образования суворовцев.

Большой воспитательный потенциал несет образ великого русского полководца Александра Васильевича Суворова, который стоял у истоков зарождения патриотизма: «быть верным России, служить ей победоносно, храбро и искусно, развивать патриотические и духовные качества, искать «естественность» в Отечестве» [1, с. 14]. Павел Степанович Нахимов подчеркивал, что «...воспитание молодых только личным примером и непосредственно в тех условиях и там, где в будущем должна проходить служба офицера. А старший должен постоянно контролировать и совершенствовать полученные знания» [4, с. 7]. Георгий Константинович Жуков уделял большое внимание дисциплине и исполнительности своих подчиненных, увековечив свои мысли в мемуарах «Воспоминания и размышления»: «Без знания истории своего времени, прошлого своего народа нельзя воспитать гражданина», «Чуткость, такт, предупредительность начальника в отношениях с подчиненными, сочетающиеся с деловитостью и требовательностью» [2, с. 212].

Реализацию воспитательных задач военно-патриотического воспитания с использованием исторического наследия полководцев в урочной деятельности суворовских военных училищ рассмотрим на примере одного из старейших суворовских военных училищ – Московского (Горьковского) суворовского военного училища, история которого начинается с 1944 г. Сейчас Московское суворовское военное училище является одной из ведущих довузовских образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации, успешно выполняющей задачи по образованию будущих офицеров. Следует отметить, что военно-патриотическое воспитание в суворовских военных училищах – составная часть воспитательного процесса, важный компонент подготовки суворовцев, направленный на формирование патриотических чувств, верности своему Отечеству, готовности защищать интересы страны.

В результате анализа рабочих программ по дисциплинам гуманитарного цикла (история, литература, обществознание, география и др.) выявлено, что задача военно-патриотического воспитания суворовцев заложена в личностные результаты изучения предмета: «воспитание российской гражданской идентичности: патриотизма, уважения к Отечеству, прошлому и настоящему многонационального народа России; осознание своей этнической принадлежности, знание истории, языка, культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия народов России и человечества; усвоение гуманистических, демократических и традиционных ценностей многонационального российского общества; воспитание чувства ответственности и долга перед Родиной» [7].

Приведем несколько тем уроков по различным дисциплинам, в содержании которых возможно использование исторического наследия:

1. Изобразительное искусство: «Древние корни народного искусства», «Связь времен в народном искусстве», «Оружие и амуниция защитников Древней Руси», выполнение коллективного выставочного проекта – «Дружина защитников Отечества», «Военная символика и эмблемы в форме армии ВС РФ», «Выполнение эскиза индивидуального герба для выставочного творческого проекта «Наши гербы и девизы». При проведении уроков изобразительного искусства суворовцы моделируют свои идеи в рисунках, изучают историю России, Вооруженных сил, знакомятся с военной формой одежды, воспроизводят через рисунок военно-исторические события, битвы, развивающие чувство гордости за свою страну.

2. История: «Эпоха Великих географических открытий», «Российское общество в Петровскую эпоху», «Отечественная война 1812 года», «Заграничные походы русской армии», «Основные события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и др. При проведении уроков истории, преподаватель должен активно использовать примеры исторического наследия России. Для активизации познавательной деятельности суворовцев на уроках уместно рассказать о роли отечественных полководцев в укреплении оборонной мощи нашей страны во время Великой Отечественной войны и после нее.

3. Литература: «Русские народные сказки», «Бородино – проблематика и поэтика», «Л.Н. Толстой. Краткий рассказ о писателе. «Кавказский пленник»: русский офицер в плену у горцев», «Творчество А.С. Пушкина, А.А. Фета, И.С. Тургенева», «Русские поэты XIX века о родине, родной природе и о себе» и др. Возможности уроков литературы для воспитания патриотизма безграничны. Суворовцы видят подвиги защитника Родины через сказки, былины, сопоставляют духовные и профессиональные качества русских воинов. Яркие образы военачальников в литературных произведениях формируют эмоциональный мир суворовца. Метапредметность уроков, посвященных историческим летописям, дают возможность суворовцам продемонстрировать знания по истории, географии.

4. Математика: использование задач с военным содержанием в преподавании курса математики предоставляет возможность: приблизить уровень подготовленности суворовцев, к требованиям их будущей военно-профессиональной деятельности; воспитывать чувство патриотизма; повысить научность общего образования, укрепить связи с жизнью и практикой. Возможность включения задач с военным содержанием в математическое образование суворовцев рассмотрим на примере введения военной составляющей в раздел школьного курса математики «Комбинаторика и теория вероятностей». Приведем примеры некоторых математических задач, с военной составляющей:

1) Из двух отрядов разведчиков (численностью 10 и 12 человек соответственно) необходимо выбрать для боевого задания по одному бойцу. Сколько способов решения этой задачи существует?

2) В соревнованиях по армейскому рукопашному бою участвует 10 команд. Сколько существует способов распределения трех призовых мест?

3) В соревнованиях по стрельбе участвуют 4 спортсмена из Ставропольского ПКУ, 9 – из Краснодарского ПКУ, 7 – из Тюменского ПКУ и 5 – из Кызыльского ПКУ. Порядок, в котором выступают спортсмены, определяется жребием. Найдите вероятность того, что спортсмен, который выступает последним, окажется из Тюменского ПКУ.

4) Биатлонист пять раз стреляет по мишеням. Вероятность попадания в мишень при одном выстреле равна 0,8. Найдите вероятность того, что он первые три раза попал в мишени, а последние два – промахнулся.

5) Порядок выступления 7 участников конкурса строевой песни определяется жребием. Сколько различных вариантов жеребьевки при этом возможно?

6) Радиолокационная станция ведет наблюдение за шестью объектами, в течение некоторого времени. Контакт с каждым из них может быть потерян с вероятностью 0,2. Найти вероятность того, что хотя бы с тремя объектами контакт будет поддерживаться в течение всего времени.

Для активизации познавательной деятельности суворовцев на уроках поданному разделу уместно рассказать о роли математиков в укреплении оборонной мощи нашей страны во время Великой Отечественной войны и после нее. Так, коллективом математиков под руководством академика С.Н. Бернштейна в 1942 г. были разработаны таблицы для определения местоположения судна по радиопеленгам, которые ускоряли штурманские расчеты примерно в 10 раз.

5. География: «Человек и природа», «Воздействие человека на природу», «Как сберечь природу? Практическая работа № 3. Составление карты стихийных природных явлений» и др. Перечисленные темы по дисциплине «География», несут в себе возможности для военно-патриотического воспитания будущих офицеров, прививая любовь к Родине, чувство ответственности и причастности к безопасности и сохранению природных ресурсов Земли. Для достижения наиболее длительного эффекта воспитательных задач преподаватель должен вести повествование ярко, эмоционально, приводя интересные факты и постоянно обращаясь и включая в беседу суворовцев. Следует рассказывать суворовцам о стихийных бедствиях (землетрясениях, лесных пожарах, наводнениях). Переживания трагических последствий природных катаклизмов способствует формированию у суворовцев сопереживания, желания прийти на помощь, отзывчивости и чувства гордости за то, что наша сплоченная и единая страна всегда объединяется и приходит на помощь, как к своим гражданам, так и к другим народам.

Примеры исторического наследия полководцев, для включения в урочную деятельность:

1) показ научно-образовательные фильмов о жизни и военной деятельности полководцев;

2) оформление патриотических стендов, военно-мемуарных книжных выставок в кабинетах;

- 3) создание «воспитательной среды» на уроках;
- 4) проведение уроков в форме экскурсий в музеи, памятные места, посещение исторических памятников;
- 5) подготовка докладов о детстве полководцев, семье, обучении военному делу, становлении как военачальников;
- 6) проведение викторин, тестов по знанию суворовцев памятных дат, биографии полководцев.

Включение исторического наследия военно-патриотического содержания в процессе урочной деятельности предоставляет возможность:

- приблизить уровень подготовленности суворовцев к требованиям их будущей военно-профессиональной деятельности;
- воспитывать чувство патриотизма;
- повысить научность общего образования, укрепить его связи с жизнью и практикой.

Используя историческое наследие России и примеры героических подвигов отечественных полководцев, преподаватель должен подготавливать дополнительные информационные и интерактивные средства: подбор научно-образовательных исторических фильмов, применение компьютерных технологий, создание «воспитательной среды», применение информационно-коммуникационных технологий, проблемного обучения и игровых технологий. Для достижения эффективного результата образовательной деятельности, следует подбирать исторические факты и события, учитывая некоторые факторы:

- соответствие исторического материала учебной программе конкретной дисциплины;
- соответствие информации возрасту обучающихся и отсутствие пояснений, заслоняющих тему урока;
- влияние исторического наследия на формирование мотивов будущей военно-профессиональной деятельности суворовца.

Насыщение образовательных дисциплин материалами военно-патриотической направленности является одним из приоритетных направлений работы преподавателя для воспитания патриота и гражданина на конкретном программном материале.

Особое место в Московском суворовском военном училище занимают уроки мужества. Они проводятся со всеми учебными курсами, в формате беседы с приглашенными ветеранами, действующими офицерами, выпускниками училища. В ходе мероприятия суворовцы узнают о жизни, героических подвигах выпускников училища, формируется чувство долга и отваги, гордости за историческое прошлое своей страны.

Использование военной составляющей в училище можно наблюдать, также в повседневной деятельности: порядок обращения суворовцев к преподавателям, воспитателям и друг к другу «товарищ преподаватель» или по воинскому званию «товарищ майор». Преподаватель также обращается к суворовцам только на «Вы»: «товарищи суворовцы», «суворовец Иванов»; доклад

преподавателю перед началом урока, приветствие, проведение вечерней проверки, исполнение гимна, подъем флага и др. Представленный порядок регламентирован Уставом суворовского военного училища и служит формой исторического наследия в выполнении воинских традиций и ритуалов.

Таким образом, проблема военно-патриотического воспитания – одна из самых важных в нашем государстве. Обучение и воспитание на героических образах, традициях полководцев, изучение и внедрение военной истории России в урочную деятельность суворовских военных училищ является наиболее эффективным средством, направленным на решение воспитательных задач и выступает важным этапом формирования у суворовцев начальных военно-патриотических знаний и профессионально-прикладных навыков.

Как показало изучение научных источников по теме исследования, включение исторического наследия полководцев в образовательный процесс, рабочие программы по предметам, формируют блоки тем военно-патриотической направленности. Образовательный потенциал урока станет наиболее успешным, если включение героического наследия полководцев не будет носить случайный характер, а найдет место в каждой дисциплине и будет сопровождаться красочными иллюстрациями, и, главное, подкреплен историческими фактами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агура, Н. Народные герои Русской армии и флота / Н. Агура. – К., 1914. – 92 с. – Текст : непосредственный.
2. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления / Г. К. Жуков. – М. : Изд-во АПН, 1972. – 640 с. – Текст : непосредственный.
3. Матвейчук, Н. М. Сущность, содержание и структура военно-патриотического воспитания суворовцев на идеях отечественных полководцев / Н. М. Матвейчук. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 67–4. – С. 257–261.
4. Тарле, Е. В. Нахимов / Е. В. Тарле. – М. : Воениздат. 1940. – 21 с. – Текст : непосредственный.
5. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» : постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362833/ (дата обращения: 18.11.2020). – Текст : электронный.
6. Приказ Министра обороны РФ от 21.07.2014 г. № 515 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности в федеральных государственных образовательных организациях со специальными наименованиями «президентское суворовское училище», «суворовское военное училище», «нахимовское военно-морское училище», «суворовский (морской) корпус» и в профессиональных образовательных организациях со специальным наименованием «военно-музыкальное училище», и находящихся в ведении Министерства обороны РФ, приема в указанные образовательные организации». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110268/ (дата обращения: 01.12.2020). – Текст : электронный.

7. Рабочие программы по предметам на 5–9 классы. – URL: <http://msvu.mil.ru/Obrazovanie/Rabochie-programmy-na-5-9-klassy>. – Текст : электронный.

8. Head, Gay. Hi There, High School: how to make a success of your teen years / G. Head. – New York; Toronto; London: SBS Scholastic Book Services, 1969. – 92 p.

9. Thomas, Hywel. Financial Delegation and the Local Management of Schools: preparing for Practice / H. Thomas, G. Kirkpatrick, E. Nicholson. – London: Cassell Educational Ltd, 1989. – 181 p.

REFERENCES

1. Agura N. Narodnye geroi Russkoy armii i flota [Folk heroes of the Russian Army and Navy]. Kiev, 1914. 92 p.

2. Zhukov G.K. Vospominaniya i razmyshleniya [Memories and reflections]. Moscow, APN, 1972. 640 p.

3. Matveychuk N.M. Sushchnost, sodержanie i struktura voenno-patrioticheskogo vospitaniya suvorovtsev na ideyakh otechestvennykh polkovodtsev [The essence, content and structure of the military-patriotic education of Suvorov Cadets based on the ideas of Russian commanders]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education, 2020, No. 67–4, pp. 257–261. (In Russian).

4. Tarle E.V. Nakhimov [Nakhimov]. Moscow, Voenizdat, 1940. 21 p.

5. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 30 dekabrya 2015 g. № 1493 "O gosudarstvennoy programme "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federacii na 2016–2020 gody" [Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 No. 1493 "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2016-2020"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362833. (In Russian).

6. Prikaz Ministra oborony RF ot 21.07.2014 g. № 515 "Ob utverzhdenii Poryadka organizacii i osushchestvleniya obrazovatel'noy deyatel'nosti v federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh so special'nymi naimenovaniyami "prezidentskoe suvorovskoe uchilishche", "suvorovskoe voennoe uchilishche", "nakhimovskoe voenno-morskoe uchilishche", "suvorovskiy (morskoy) korpus" i v professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh so special'nym naimenovaniem "voenno-muzykal'noe uchilishche", i nakhodyashchihsya v vedenii Ministerstva oborony RF, priyoma v ukazannye obrazovatel'nye organizacii" [Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of July 21, 2014 No. 515 "On Approval of the Procedure of Organization and Implementation of Educational Activities in Federal State Educational Organizations with Special Names "Presidential Suvorov School", "Suvorov Military School", "Nakhimov Naval School", "Suvorov (Naval) Corpus" and in Professional Educational Organizations with a Special Name "Military Music School" and Administered By The Ministry Of Defense Of Russia, the Admission to These Educational Organization"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110268. (In Russian).

7. Rabochie programmy po predmetam na 5–9 klassy [Work programs on subjects for grades 5–9]. Available at: <http://msvu.mil.ru/Obrazovanie/Rabochie-programmy-na-5-9-klassy>. (In Russian).

8. Head G. Hi There, High School: how to make a success of your teen years. New York; Toronto; London, SBS Scholastic Book Services, 1969. 92 p.

9. Hywel Th. Financial Delegation and the Local Management of Schools: preparing for Practice. London, Cassell Educational Ltd, 1989. 181 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Баранюк, Н. М. Реализация мероприятий военно-патриотического воспитания в урочной деятельности Московского суворовского военного училища путем применения исторического наследия полководцев / Н. М. Баранюк. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 24–32.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Baranyuk N. M. Implementation of Measures of Military-Patriotic Education in the Scheduled Activities of the Moscow Suvorov Military School Through the Use of the Historical Heritage of Commanders / N. M. Baranyuk // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 24–32. (In Russian).

УДК 376

**ИЗУЧЕНИЕ ОДАРЕННОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ
ОСНОВНОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ
С ПРОФИЛЬНЫМ ОБУЧЕНИЕМ**

Е.Д. Бурцева

**THE STUDY OF TALENT AMONG STUDENTS
OF BASIC SECONDARY SCHOOLS
WITH SPECIALIZED TRAINING**

E.D. Burtseva

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема изучения одаренности у обучающихся основной общеобразовательной школы с профильным обучением, описываются цель, задачи, методы, направления и результаты опытно-экспериментального исследования по данной теме. По результатам опытно-экспериментального исследования методом статистической обработки данных было выявлено общее количество одаренных обучающихся среди всех классов (165 обучающихся), которое составило 55 (33 %) обучающихся. Результаты опытно-экспериментального исследования подтверждают необходимость проектирования системы педагогического сопровождения развития одаренности у обучающихся основной общеобразовательной школы с профильным обучением.

Abstract. This article discusses the problem of studying talent among students of basic secondary schools with specialized training, describes the purpose, objectives, methods, directions and results of experimental research on this topic. According to the results of the experimental study using statistical data processing, the total number of gifted students among all classes (165 students) was revealed, which amounted to 55 (33 %) students. The results of the experimental study confirm the need to design a system of pedagogical support for the development of talent among students of basic secondary schools with specialized training.

Ключевые слова: одаренность, виды одаренности, обучающиеся основной ступени общего образования, профильное обучение.

Keywords: talent, types of talent, students of the main stage of general education, specialized training.

Исторически сложившаяся высокая потребность социума в людях, обладающих различными видами одаренности, отличается актуальностью и на сегодняшний день. Кроме того, с развитием научно-технического прогресса востребованность общества в одаренных людях становится все более значимой и неоднородной по своей сути. Это обусловлено социальным заказом общества, его потребностью в действительно способных специалистах, работниках, культурных и общественных деятелях, лидерах и талантливых личностях в любых сферах деятельности [4, с. 4].

Наиболее важными из всех социальных институтов, способных успешно и эффективно развивать одаренность, являются образовательные учреждения, включающие в себя различные уровни образования: дошкольное, начальное,

общее, среднее профессиональное и высшее образование. Однако именно в процессе обучения в общеобразовательном учреждении, обучающимся предоставляется наибольшая возможность в развитии их одаренности, что обусловлено благоприятным для этого периодом, его значительной длительностью и ранним началом педагогического сопровождения одаренных учащихся [7].

Для осмысления проблемы изучения одаренности у обучающихся основной общеобразовательной школы с профильным обучением в статье применяются следующие методы исследования:

1) теоретические: анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация, статистический метод обработки данных;

2) эмпирические: наблюдение, беседа, метод анализа продуктов деятельности, анкетирование, тестирование, социометрия, метод экспертных оценок [3, с. 63].

Практическая значимость исследования заключается в описании результатов опытно-экспериментальной работы: среди обучающихся основной ступени общего образования было выявлено больше всего детей с творческим видом одаренности. Методом статистической обработки данных получилось общее количество одаренных обучающихся среди всех классов (165 обучающихся), которое составило 55 (33 %) обучающихся.

С целью изучения одаренности у обучающихся основной общеобразовательной школы с профильным обучением было организовано и проведено опытно-экспериментальное исследование.

Для реализации поставленной цели были решены следующие задачи: изучение научно-педагогической литературы по теме исследования; проведение опытно-экспериментальное исследование по изучению одаренности у обучающихся основной общеобразовательной школы с профильным обучением; обобщение результатов проведенного опытно-экспериментального исследования.

Изучение одаренных обучающихся основной общеобразовательной школы с профильным обучением проходило на базе МАОУ СОШ № 10 ст. Петропавловской Курганинского района Краснодарского края – школы с профильным обучением.

В опытно-экспериментальном исследовании приняли участие все субъекты образовательного процесса: обучающиеся, их родители и педагоги.

Работа с управляющим составом школы, родителями и учителями. В рамках данного направления были использованы такие методы исследования, как наблюдение, беседа, анкетирование и метод экспертных оценок. Кроме того, в работе с родителями и учителями проводилась диагностика одаренности у обучающихся в различных сферах деятельности. Для того чтобы выявить детей с различными видами одаренности была предложена составленная нами анкета для родителей и учителей, выявляющая одаренность у учащихся, в которой требовалось отвечать на вопросы и утверждения, связанные с проявлениями различных способностей у обучающихся. Кроме того, родителям и учителям была предложена методика «Диагностика нравственной воспитанности М.И. Шиловой» для выявления учащихся с духовно-ценностной одаренностью [8].

В рамках данного направления были использованы такие методы исследования, как наблюдение, беседа, метод анализа продуктов деятельности, социометрия и тестирование.

Нами были выделены направления изучения одаренных обучающихся основной общеобразовательной школы с профильным обучением в зависимости от исследуемых видов одаренности [4, с. 12].

Исследование интеллектуальной и академической одаренности. В ходе беседы с учителями-предметниками (по математике, физике, русскому и английскому языку, химии и т. д.) удалось выявить обучающихся с академической одаренностью, которые легко и успешно справляются со всеми дисциплинами на отлично, а также обучающихся с математическими и лингвистическими способностями. Кроме того, в процессе беседы с учителями удалось узнать, что одаренные обучающиеся старших классов в определенных дисциплинах сами выбирали в какой профильный класс им идти. Поэтому в классе с социально-гуманитарным направлением большинство учащихся имеют высокие способности по гуманитарным дисциплинам, а в классе с социально-экономическим направлением – по точным и социальным.

Для младших школьников был подобран Тест на IQ для детей младшего школьного возраста (сокращенный тест структуры интеллекта Амтхауэра), а для подростков и старшеклассников – «Тест структуры интеллекта Амтхауэра», включающий в себя 9 субтестов, направленных на изучение различных познавательных процессов [6, с. 96].

Исследование творческой одаренности. Она проявляется в нестандартном видении мира и в нешаблонном (креативном) мышлении. В процессе выявления обучающихся с данным видом одаренности для наиболее эффективного исследования учащихся вся выборка была разделена на три возрастные категории: младших школьников (учащихся 3-го класса), подростков (учащихся 8-го класса) и старшеклассников (учащихся 11-го класса), поскольку все выбранные методики специализируются по различным возрастам.

С целью выявления младших школьников с творческой одаренностью нами был предложен «Тест творческого мышления Торренса» [1, с. 88].

Исследование художественной одаренности. В процессе выявления обучающихся с художественной одаренностью одним из основных методов исследования был метод анализа продуктов деятельности, заключающийся в оценке творческих работ учащихся (сочинений, стихов, рисунков, поделок), предоставленных нам учителями рисования, литературы и труда. Кроме того, удалось посетить выставку детских рисунков и праздничный концерт, который включал в себя театрализованное представление и музыкальные выступления учащихся разных классов, что позволило выявить учащихся с музыкальной и актерской одаренностью. В процессе беседы с руководителями различных творческих кружков (рисования, вышивания, «мягкой игрушки», музыки) нам удалось познакомиться со списками детей, посещающих их, а также с теми обучающимися, которые наиболее ярко проявляют себя в подобных видах деятельности. Также, в результате беседы с руководителем хореографического

кружка были выявлены обучающиеся, занимающиеся танцами различных направлений: балльными, народными, современными (брейк-данс, хип-хоп).

Исследование социальной (лидерской, коммуникативной, аттрактивной) одаренности. Для младших школьников была подобрана социометрическая методика Дж. Морено [2, с. 244].

Для подростков и старшекласников также была проведена социометрическая методика Дж. Морено, но с вопросами, адаптированными под их возраст. Кроме того, была предложена методика «Диагностика лидерских способностей» (Е. Жариков, Е. Крушельницкий). Учащимся предлагалось 50 высказываний, на которые требуется дать ответ «да» или «нет». Среднего значения в ответах не предусмотрено [5, с. 317].

Исследование двигательной (психомоторной) одаренности. Для выявления обучающихся, проявляющих высокие психомоторные способности, мы посетили три открытых урока по физической культуре. В процессе наблюдения нам удалось выявить детей с данным видом одаренности по следующим признакам: некоторые учащиеся более успешно играли в командные игры (баскетбол, футбол, волейбол), чем их одноклассники, активно и слаженно двигались в процессе игры, во время проведения эстафет и бега на короткие и средние дистанции выигрывали остальных сверстников. С целью получения дополнительной информации о спортивных учащих, была проведена беседа с учителями физкультуры и тренерами спортивных секций, которые перечислили детей с ярко выраженной двигательной одаренностью.

Исследование духовно-ценностной одаренности, связанной с моральными качествами и альтруизмом. Она проявляется в создании новых духовных ценностей и служении людям. Для выявления обучающихся с данным видом одаренности была подобрана методика «Диагностика нравственной воспитанности М.И. Шиловой», предназначенная для родителей и учителей [4].

Опытно-экспериментальное исследование проводилось в естественных условиях учебно-воспитательного процесса в МАОУ СОШ № 10 ст. Петропавловской Курганинского района Краснодарского края – школы с профильным обучением. Выборка составила 165 обучающихся из разных возрастных категорий. Половозрастной состав испытуемых отражен в таблице 1.

По результатам проведенного исследования одаренных детей разделили на 6 групп (по видам одаренности): интеллектуальная (академические и специальные способности), творческая, художественная, социальная (лидерская, коммуникативная, аттрактивная), двигательная (психомоторная) и духовно-ценностная одаренность.

Диагностические методики по определению одаренности подбирались с учетом возрастных особенностей обучающихся. Распределение обучающихся по видам одаренности представлено в таблице 2. Следует отметить, что были обучающиеся, у которых диагностирована одаренность по двум и более видам деятельности.

Таблица 1

**Половозрастной состав одаренных обучающихся
одной из общеобразовательных школ с профильным обучением**

Возраст / класс	Девочки	Мальчики	Общее кол-во испытуемых
Начальное образование:			
10 лет/ 4 «А» класс	13	12	25
Основное общее образование:			
11 лет/ 5 «А» класс	13	13	26
12 лет/ 6 «А» класс	14	12	26
13 лет/ 7 «А» класс	12	11	23
14 лет/ 8 «А» класс	12	14	26
15 лет/ 9 «А» класс	13	12	25
Среднее общее образование:			
17 лет/ 11 «А» класс с социально-гуманитарным профилем	9	5	14
	86	79	165

Таблица 2

**Изучение одаренности у обучающихся
основной общеобразовательной школы с профильным обучением**

Виды одаренности	Кол-во уч-ся 4 класса (25 уч.)	Кол-во уч-ся 5 класса (26 уч.)	Кол-во уч-ся 6 класса (26 уч.)	Кол-во уч-ся 7 класса (23 уч.)	Кол-во уч-ся 8 класса (26 уч.)	Кол-во уч-ся 9 класса (25 уч.)	Кол-во уч-ся 11 класса (14 уч.)
1. Художественная:	3	2	2	1	2	2	3
изобразительная	1	1	1			1	
музыкальная	1		1				
литературная					1	1	
хореографическая				1	1		
техническая							
актерская							1
способности к рукоделию	1	1					2
2. Творческая	5	2	3	1	2	2	2
3. Социальная:	2	2	1	1	2	2	2
лидерская	2			1	2	1	1
коммуникативная	2	2	1		2	1	1
аттрактивная	2				2	1	1

Виды одаренности	Кол-во уч-ся 4 класса (25 уч.)	Кол-во уч-ся 5 класса (26 уч.)	Кол-во уч-ся 6 класса (26 уч.)	Кол-во уч-ся 7 класса (23 уч.)	Кол-во уч-ся 8 класса (26 уч.)	Кол-во уч-ся 9 класса (25 уч.)	Кол-во уч-ся 11 класса (14 уч.)
4. Интеллектуальная	1	2	2	1	3	2	3
специальные способности		2	1		2	1	3
академические (общие) способности	1		1	1	1	1	
5. Психомоторная	2	2	1	1	2	1	2
6. Духовно-ценностная	0	0	1	1	1	1	2
Всего одаренных уч-ся (%)	10 (40 %)	9 (35 %)	8 (31 %)	6 (26 %)	8 (31 %)	7 (28 %)	7 (50 %)

Из таблицы видно, что среди обучающихся основной ступени общего образования больше всего детей с творческим видом одаренности.

Методом статистической обработки данных получилось общее количество одаренных обучающихся среди всех классов (165 обучающихся), которое составило 55 (33 %) обучающихся.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что наряду с обучающимися с так называемой актуальной одаренностью, то есть со сложившимися, уже проявившимися способностями, есть еще и обучающиеся с так называемой потенциальной одаренностью – особой, очень яркой мотивацией к развитию, неплохими, но пока не вполне развитыми способностями. Следовательно, если им предоставить нужные для их развития образовательные условия, они не просто станут одаренными обучающимися, но еще и вероятность их творческих достижений в будущем окажется существенно выше, чем у обучающихся, уже актуализировавших свои способности. Следовательно, необходимо проектировать систему педагогического сопровождения развития одаренности у обучающихся основной общеобразовательной школы с профильным обучением. Только при успешном внедрении данного направления работы основной общеобразовательной школы с профильным обучением можно наиболее эффективно заниматься выявлением и развитием одаренности обучающихся по различным направлениям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева, И. В. Практикум по психодиагностике : учебное пособие / И. В. Васильева. – Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2014. – 376 с. – Текст : непосредственный.
2. Морено, Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Я. Л. Морено ; пер. с англ. А. Боковой. – М. : Академический Проект, 2001. – 384 с. – Текст : непосредственный.

3. Образцов, П. И. Методология, методы и методика педагогического исследования : учебное пособие / П. И. Образцов. – Орел : Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2016. – 134 с. – Текст : непосредственный.
4. Осипова, М. Б. Одаренные дети: проблемы выявления, развития и психолого-педагогического сопровождения в системе общего образования : методические рекомендации / авт.-сост. М. Б. Осипова ; Нижнетагильский филиал. – Нижний Тагил : НТФ ГАОУ ДПО СО «ИРО», 2019. – 62 с. – Текст : непосредственный.
5. Сиротюк, А. С. Диагностика одаренности : учебное пособие / А. С. Сиротюк. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. – Ч. 2. – 498 с. – Текст : непосредственный.
6. Столяренко, Л. Д. Основы психологии. Практикум : учебное пособие / Л. Д. Столяренко. – М. : Академия, 2006. – 695 с. – Текст : непосредственный.
7. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. – Текст : электронный.
8. Шилова, М. И. Диагностика нравственной воспитанности / М. И. Шилова. – URL: www.74213np.edusite.ru/p169aa1.html. – Текст : электронный.

REFERENCES

1. Vasilieva I.V. Praktikum po psikhodiagnostike: uchebnoe posobie [Workshop on psychodiagnostics: a study guide]. Tyumen, Tyumen State University, 2014. 376 p.
2. Moreno J.L. Sotsiometriya: Eksperimental'nyy metod i nauka ob obshchestve [Sociometry, experimental method and the science of society]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2001. 384 p.
3. Obraztsov P.I. Metodologiya, metody i metodika pedagogicheskogo issledovaniya: Uchebnoe posobie [Methodology and methods of pedagogical research: a study guide]. Orel, FSBEI VO "Orel State University named after I.S. Turgenev", 2016. 134 p.
4. Osipova M.B. Odarennye deti: problemy vyyavleniya, razvitiya i psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya v sisteme obshchego obrazovaniya: metodicheskie rekomendatsii [Gifted children: problems of identification, development and psychological and pedagogical support in the system of general education: guidelines]. Nizhniy Tagil, IDE, 2019. 62 p.
5. Sirotyuk A.S. Diagnostika odarennosti: uchebnoe posobie [Diagnosis of giftedness: a study guide]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2014, part 2. 498 p.
6. Stolyarenko L.D. Osnovy psihologii. Praktikum: uchebnoe posobie [Fundamentals of psychology. Workshop: study guide]. Moscow, Akademia, 2006. 695 p.
7. Federal'nyy zakon «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federacii» ot 29.12.2012 N 273-FZ [Federal Law "On Education in the Russian Federation" of December 29, 2012 No. 273-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. (In Russian).
8. Shilova M.I. Diagnostika нравstvennoy vospitannosti [Diagnostics of moral upbringing]. Available at: www.74213np.edusite.ru/p169aa1.html. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бурцева, Е. Д. Изучение одаренности у обучающихся основной общеобразовательной школы с профильным обучением / Е. Д. Бурцева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 33–39.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Burtseva E. D. The Study of Talent Among Students of Basic Secondary Schools With Specialized Training / E. D. Burtseva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 33–39. (In Russian).

УДК 378.4

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТЕХНОПАРК КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА**

А.Р. Галустов, С.К. Карабахцян

**EDUCATIONAL TECHNOPARK AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT
OF SOCIO-PROFESSIONAL MOBILITY
OF PEDAGOGICAL UNIVERSITY STUDENTS**

A.R. Galustov, S.K. Karabakhtsyan

Аннотация. В статье рассматривается влияние кардинальных социально-культурных трансформаций на появление новых образовательных концепций и моделей, детерминирующих развитие социально-профессиональной мобильности студентов педагогического вуза. Основное внимание уделено анализу потенциала образовательного технопарка как нового организационно-содержательного механизма подготовки студентов к профессиональной деятельности в цифровой образовательной среде.

Новизна полученных результатов заключается в обосновании роли Технопарка универсальных педагогических компетенций в развитии социально-профессиональной мобильности студентов на основе решения образовательно-развивающих задач. Прогностический характер полученных результатов проявляется в обосновании перспективных направлений исследования полифункциональности Технопарка универсальных педагогических компетенций.

Abstract. The article examines the impact of cardinal socio-cultural transformations on the emergence of new educational concepts and models that determine the development of socio-professional mobility of pedagogical university students. The main attention is paid to the analysis of the potential of an educational technopark as a new organizational and content mechanism for preparing students for professional activity in the digital educational environment.

The novelty of the obtained results lies in the substantiation of the role of the Technopark of universal pedagogical competencies in the development of socio-professional mobility of students based on the solution of educational and developmental tasks. The prognostic nature of the obtained results is manifested in the substantiation of the promising areas of research on the multifunctionality of the Technopark of universal pedagogical competencies.

Ключевые слова: социально-профессиональная мобильность, образовательный технопарк, образовательный коворкинг, технопарк универсальных педагогических компетенций.

Keywords: social and professional mobility, educational technopark, educational coworking, technopark of universal pedagogical competencies.

Динамичные социокультурные изменения в мире и в России детерминируют появление и активное распространение новых образовательных моделей и концепций, внедрение которых в массовую практику способно

обеспечить опережающую подготовку студентов к профессиональной деятельности в современных условиях. Среди перспективных тенденций развития педагогического образования особое место занимает его цифровизация, предполагающая глубокое научное обоснование, апробацию и внедрение инновационных образовательных технологий подготовки нового поколения педагогов, готовых к активному и осознанному участию в реализации прорывных идей и подходов.

Современные вузы в числе важнейших управленческих решений рассматривают необходимость развития студенческой мобильности, в частности профессиональной как интегрального качества субъекта образования [3].

С нашей точки зрения, целесообразно стимулировать студентов педагогического вуза к развитию социально-профессиональной мобильности, так как профессионально-педагогическая деятельность тесно вплетена в контекст социальной жизнедеятельности региона присутствия. Педагогические вузы и их выпускники выполняют особую социальную миссию сохранения и трансляции традиционных российских ценностей, достижений многонациональной российской культуры.

Мы полностью разделяем позицию В.В. Сдобнякова, отмечающего важную роль тесного сотрудничества региональных педагогических вузов и региональной системы образования в подготовке студентов как будущих высококвалифицированных педагогов, готовых к успешной профессионально-педагогической деятельности в образовательных организациях, непрерывному профессиональному развитию и самосовершенствованию.

Для стимулирования социально-профессиональной мобильности студентов педагогического вуза необходимо создание системы научно-методических, организационно-педагогических и психолого-педагогических условий, обеспечивающих развитие их субъектных качеств, инновационного стиля мышления и поведения, стремления к постоянному профессионально-личностному развитию и совершенствованию [1].

Особую роль в развитии социально-профессиональной мобильности студентов педагогического вуза могут выполнить образовательные технопарки.

Проблема технопарков рассматривается, как правило, в контексте социально-экономических аспектов инновационной деятельности, интеграции образования, науки и производства при переходе к экономике знаний [8].

В зарубежных исследованиях проблема технопарков анализируется как структурный элемент университетских комплексов, ориентированных на коммерциализацию результатов научных исследований. Ряд отечественных экспертов, рассматривая технопарки как ведущий элемент национальных инновационных систем в таких странах, как Германия, Китай, США, Франция подчеркивают острую необходимость опережающего развития отечественных технопарков как важнейшего условия инновационно-технологического прорыва в условиях глобальной конкуренции.

Постепенно проблема содержания и технологий деятельности технопарков становится предметом и педагогических исследований. В центр

исследовательского внимания попадают вопросы профессиональной подготовки студентов вуза в условиях технопарка; организационные и содержательно-технологические особенности деятельности детских технопарков, обоснование принципов деятельности образовательного технопарка

Следует согласиться с мнением О.В. Мишутиной, подчеркивающей значимость социальных, психолого-педагогических и личностных аспектов в деятельности технопарков как фактора повышения качества профессионального образования.

Деятельность детских технопарков «Кванториум» вызывает активный исследовательский интерес как специфическая инновационно-образовательная модель персонифицированного дополнительного образования детей преимущественно в естественно-научной и инженерной сферах [2].

Заслуживает внимания акцент исследователей на включенность детских технопарков в социально-культурный контекст, на необходимость целенаправленного развития социальных компетенций, гибких навыков (т. н. softskills) школьников для их активного включения в решение задач социального развития региона [7].

Задачи регионального образовательного технопарка рассматриваются в работе ученых, посвященных научно-теоретическому обоснованию принципов организации его деятельности [5, с. 148].

Особое внимание уделено таким принципам деятельности образовательных технопарков, как:

- гибкость и разнообразия форм и методов государственной поддержки технопарка;
- высокая степень коммерциализации инновационных идей и технологических решений;
- целевая ориентация образовательного технопарка на приоритетные направления регионального развития;
- стимулирования творческой и деловой активности субъектов технопарка;
- разработка и реализация в технопарке современных образовательных программ;
- сетевое взаимодействие с широким кругом образовательных и научных организаций региона.

Следует отметить многофункциональность регионального образовательного технопарка, предполагающего реализацию нескольких стратегий, связанных с развитием кадрового потенциала региональной экономики и социальной сферы; разработкой и реализацией инновационных разработок в соответствии с потребностями региона; опережающей направленностью на профессиональное самоопределение школьников, расширение их представлений о траекториях личностно-профессионального развития в вузах и колледжах региона.

В контексте исследуемой проблемы следует специально подчеркнуть, что успешная деятельность образовательных технопарков предполагает

не только структурные и организационно-управленческие изменения в вузе, но и обоснование и активное внедрение новых форм профессионально-личностных коммуникаций, межличностного и профессионального взаимодействия. Исследователи отмечают, что современный этап развития технопарков заключается в их трансформации в площадки для коммуникаций.

Проведенный нами анализ научной литературы позволил выявить описание такого нового формата профессиональных коммуникаций как образовательный коворкинг [4, с. 142–143].

В понимании образовательного коворкинга выделяют несколько ведущих аспектов:

- особая сюжетно-деятельностная технология;
- способ деятельностного освоения нового содержания;
- фактор опережающего инновационного развития образования;
- организация деятельностной проектно-сетевой кооперации различных субъектов образования;
- интеграция интеллектуальных, нравственно-волевых, антропологических ресурсов [4, с. 146].

Относят к основным особенностям образовательного коворкинга в системе дополнительного профессионального образования:

- открытость пространства;
- сценарный подход к освоению деятельностного содержания обучения;
- вариативность образовательных траекторий и технологий их индивидуального сопровождения
- сетевой характер организации профессиональных проб и стажировочных практик.

Как новую нелинейную форму сопровождения образовательного процесса рассматривают коворкинг [6, с. 49]

Авторы отмечают не только необходимость разработки нового научно-методического обеспечения инновационных образовательных модулей, но и необходимость развития новых профессионально-педагогических компетенций, готовности к сопровождению индивидуальных запросов обучающихся, гибкости в использовании средств горизонтального профессионально-педагогического взаимодействия на основе принципов равенства, сотрудничества и командной работы.

Проведённый нами анализ научной литературы позволяет нам рассмотреть образовательный технопарк как комплекс организационно-управленческих и педагогических структур, ориентированных на создание оптимальных условий для развития социально-профессиональной мобильности будущих педагогов, их готовности к успешной педагогической деятельности в высокотехнологичной цифровой образовательной среде.

Центральным структурным элементом образовательного технопарка педагогического вуза может выступить Технопарк универсальных педагогических

компетенций «Учитель будущего поколения России». Полифункциональность Технопарка универсальных педагогических компетенций может стать предметом специальных педагогических исследований.

В контексте развития социально-профессиональной мобильности будущих педагогов можно выделить следующие основные задачи Технопарка универсальных педагогических компетенций:

- усиление прикладного, практико-ориентированного характера образовательного процесса в вузе как фактора мотивации студентов к осознанному овладению и развитию цифровых педагогических компетенций;
- апробация цифровых технологий педагогического образования;
- реализация индивидуальных образовательных стратегий студентов на основе ресурсов образовательного технопарка;
- генерация новых идей развития регионального образовательного комплекса;
- организация межфакультетского взаимодействия в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов;
- активное включение студентов в междисциплинарные исследования образовательных проблем, включая цифровую дидактику;
- организация открытого коммуникативного пространства свободного обсуждения образовательных проблем с участием вузовского и педагогического сообщества региона;
- апробация новых форм социального партнерства и сетевого взаимодействия вуза и региональных образовательных организаций;
- мотивация выпускников вуза к профессионально-педагогической деятельности, реализации прорывных педагогических идей на основе новейших технологических решений в образовательных организациях региона;
- укрепление деловой репутации вуза как научно-инновационно-образовательного центра региона.

Направления дальнейших исследований потенциала образовательного технопарка в развитии социально-профессиональной мобильности студентов включают:

- научное обоснование структуры и функций образовательного технопарка вуза как инновационной пространственно-образовательной среды профессионально-личностного развития студентов;
- научно-методическое сопровождение интеграции Технопарка универсальных педагогических компетенций и других структурных подразделений вуза в развитии социально-профессиональной мобильности студентов;
- разработку дополнительных образовательных программ по опережающей подготовке профессорско-преподавательского состава вуза к эффективному использованию ресурсов Технопарка универсальных педагогических компетенций в проектировании вариативных образовательно-карьерных траекторий студентов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галустов, А. Р. Педагогические условия развития социально-профессиональной мобильности обучающихся при переходе к цифровой экономике / А. Р. Галустов, С. К. Карабахян. – Текст : непосредственный // Вестник СКФУ. – 2021. – № 3 (84). – С. 191–196.
2. Григорьев, Д. В. Детские технопарки: старт нового образовательного формата / Д. В. Григорьев. – Текст : непосредственный // Народное образование. – 2016. – № 7–8. – С. 57–64.
3. Емельянова, И. Н. Мобильность студентов российских вузов как явление и управленческая проблема / И. Н. Емельянова, О. А. Теплякова, Д. О. Тепляков. – Текст : непосредственный // Университетское управление: практика и анализ. – 2020. – Т. 24. – № 2. – С. 131–144.
4. Игнатъева, Г. А. Образовательный коворкинг как новый формат организации образовательного пространства дополнительного профессионального образования / Г. А. Игнатъева, О. В. Тулупова, А. С. Мольков. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2016. – № 5 (134). – С. 139–157.
5. Критерии сформированности образовательного технопарка и основные принципы организации его деятельности / Д. Ф. Ильясов, В. Н. Кеспилов, М. И. Солодкова [и др.]. – Текст : непосредственный // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 10. – С. 147–151.
6. Лужецкая, И. Г. Образовательный коворкинг в контексте сетевых организационных решений и управления процессами развития образовательной сети / И. Г. Лужецкая, Г. О. Матина, Л. Н. Олефир. – Текст : непосредственный // Академический вестник. Вестник Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования. – 2019. – № 1 (43). – С. 47–52.
7. Луфференко, У. С. Становление и развитие образовательных технопарков / У. С. Луфференко, Т. А. Ромм. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2021. – № 4. – С. 128–137.
8. Лытаева Н. Н. Факторы успехов российских технопарков: экономическая модель / Н. Н. Лытаева, В. С. Липатников. – Текст : непосредственный // Инновации. – 2018. – № 4 (234). – С. 85–95.
9. Мишутина, О. В. Особенности профессиональной подготовки студентов вуза к профессиональной деятельности в условиях технопарка / О. В. Мишутина. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 212–223.
10. Технопарки России: проблемы и пути их решения / М. А. Романович, П. И. Оспищев, Л. Г. Романович, И. А. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Наука Красноярья. – 2020. – Т. 9. – № 2. – С. 206–223.
11. Сдобняков, В. В. Педагогический университет – драйвер развития кадрового потенциала системы образования региона / В. В. Сдобняков. – Текст : непосредственный // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 12. – С. 97–102.
12. Farhan J., Kamariah I., Nasir M. A Review of Commercialization Tools: University Incubators and Technology Parks // International Journal of Economics and Financial Issues. – 2015. – № 5. – С. 223–228.
13. Spinuzzi C. Working Alone Together: Coworking as Emergent Collaborative Activity // Journal of Business and Technical Communication. 2012. № 26 (4). P. 399–441.

REFERENCES

1. Galustov A.R., Karabahcyan S.K. Pedagogicheskie usloviya razvitiya social'no-professional'noy mobil'nosti obuchayushchikhsya pri perekhode k tsifrovoy ekonomike [Pedagogical conditions for the development of socio-professional mobility of students in the transition to a digital economy]. Vestnik SKFU = Bulletin of North-Caucasus Federal University, 2021, No. 3 (84), pp. 191–196. (In Russian).
2. Grigoriev D.V. Detskie tekhnoparki: start novogo obrazovatel'nogo formata [Technoparks for children: launch of a new educational format]. Narodnoe obrazovanie = Public Education. 2016, No. 7–8, pp. 57–64. (In Russian).
3. Emelyanova I.N., Teplyakova O.A., Teplyakov D.O. Mobilnost studentov rossiyskikh vuzov kak yavlenie i upravlencheskaya problema [Mobility of Russian university students as a phenomenon and a management problem]. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis, 2020, vol. 24, No. 2, pp. 131–144. (In Russian).
4. Ignatieva G.A., Tulupova O.V., Molkov A.S. Obrazovatel'nyy kovorking kak novyy format organizatsii obrazovatel'nogo prostranstva dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [Educational coworking as a new format for organizing the educational space of continuing professional education]. Obrazovanie i nauka = Education and Science, 2016, No. 5 (134), pp. 139–157. (In Russian).
5. Ilyasov D.F., Kespikov V.N., Solodkova M.I., Zueva F.A., Ilina A.V., Kislyakov A.V. Kriterii sformirovannosti obrazovatel'nogo tekhnoparka i osnovnye principy organizatsii ego deyatel'nosti [Criteria for the formation of an educational technopark and the basic principles for organizing its activities]. Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern High Technologies, 2016, No. 10, pp. 147–151. (In Russian).
6. Luzheckaya I.G., Matina G.O., Olefir L.N. Obrazovatel'nyy kovorking v kontekste setevykh organizatsionnykh resheniy i upravleniya protsessami razvitiya obrazovatel'noy seti [Educational coworking in the context of network organizational solutions and management of educational network development processes]. Akademicheskyy vestnik. Vestnik Sankt-Peterburgskoy akademii postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Academic Bulletin. Bulletin of St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, 2019, No. 1 (43), pp. 47–52. (In Russian).
7. Luferenko U.S., Romm T.A. Stanovlenie i razvitie obrazovatel'nykh tekhnoparkov [Formation and development of educational technoparks]. Sibirskiy pedagogicheskyy zhurnal = Siberian Pedagogical Journal, 2021, No. 4, pp. 128–137. (In Russian).
8. Lytaeva N.N., Lipatnikov V.S. Faktory uspekhov Rossiyskikh tekhnoparkov: ekonomicheskaya model [Success factors of Russian technoparks: an economic model]. Innovatsii = Innovations, 2018, No. 4 (234), pp. 85–95. (In Russian).
9. Mishutina O.V. Osobennosti professional'noy podgotovki studentov vuza k professional'noy deyatel'nosti v usloviyakh tekhnoparka [Features of professional training of university students for professional activities in a technopark]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanities, 2013, No. 3 (27), pp. 212–223. (In Russian).
10. Romanovich M.A., Ospishchev P.I., Romanovich L.G., Kuznetsova I.A. Tekhnoparki Rossii: problem i puti ikh resheniya [Technoparks of Russia: problems and solutions]. Nauka Krasnoyars'ya = Krasnoyarsk Science, 2020, vol. 9, No. 2, pp. 206–223. (In Russian).

11. Sdobnyakov V.V. Pedagogicheskiy universitet – drayver razvitiya kadrovogo potentsiala sistemy obrazovaniya regiona [Pedagogical university as a driver for the development of personnel potential in the education system of the region]. Gumanitarnyy nauchnyy vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin, 2021, No. 12, pp. 97–102. (In Russian).

12. Farhan J., Kamariah I., Nasir M. A Review of Commercialization Tools: University Incubators and Technology Parks. International Journal of Economics and Financial Issues, 2015, No. 5, pp. 223–228.

13. Spinuzzi C. Working Alone Together: Coworking as Emergent Collaborative Activity. Journal of Business and Technical Communication, 2012, No. 26 (4), pp. 399–441.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Галустов, А. Р. Образовательный технопарк как фактор развития социально-профессиональной мобильности студентов педагогического вуза / А. Р. Галустов, С. К. Карабахцян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 40–47.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Galustov A. R., Karabakhtsyan S. K. Educational Technopark as a Factor in the Development of Socio-Professional Mobility of Pedagogical University Students / A. R. Galustov, S. K. Karabakhtsyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 40–47. (In Russian).

УДК 37.011.33

**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ПОДРОСТКОВ
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

В.А. Зув

**SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF ADOLESCENTS
UNDER THE CONDITIONS OF MODERNIZATION
OF NATIONAL EDUCATION**

V.A. Zuev

Аннотация. В статье рассматривается проблема возвращения духовно-нравственного воспитания в основное общее образование в контексте его модернизации. Модернизация заключается в переформатировании отечественного образования в онтологический процесс, понимаемый как смысложизненное развитие. Отмечается недостаточная разработанность содержания учебно-воспитательных комплексов (УМК) и методического сопровождения. Духовно-нравственные принципы, усваиваемые подростками в процессе воспитания, трансформируются во внутреннее чувство нравственного порядка и способствуют формированию целостной личности.

Abstract. The article deals with the problem of the return of spiritual and moral education to basic general education in the context of its modernization. Modernization consists in transforming national education into an ontological process that is understood as meaningful development. Insufficient elaboration of the content of educational manuals and methodological support is noted. The spiritual and moral principles assimilated by adolescents in the process of education are transformed into an inner sense of moral order and contribute to the formation of an integral personality.

Ключевые слова: модернизация образования, духовно-нравственное воспитание, организационно-педагогическое сопровождение.

Keywords: modernization of education, spiritual and moral education, organizational and pedagogical support.

Необходимость модернизации основного общего образования в нашей стране, создание условий для духовно-нравственного воспитания подростков, становится частью российской образовательной политики. Модернизация основана на приоритетных направлениях организации образовательной среды: развитии информационных и цифровых технологий и, не теряющих своей актуальности, идеях возрождения духовно-нравственного воспитания подростков. Воспитание в культурной традиции России, это процесс личностного становления, понимаемого как развитие единой культурно-духовной целостности сформировавшейся под влиянием фундаментальных идей российской тысячелетней истории [1].

Необходимость возвращения в школу духовно-нравственного воспитания отметил Председатель Государственной Думы В.В. Володин: «Президент [В.В. Путин] предлагает сделать воспитание детей и молодежи обязательной

частью образовательного процесса», а образование «должно включать не только знания и навыки, но и духовные, моральные ценности, которые формируют личность» [2]. Создание системы духовно-нравственного воспитания – приоритетная задача государства, которая требует формирования нормативно-правовой базы, включая разработку и доработку образовательных стандартов. На сегодняшний день, для внедрения в общеобразовательное пространство духовно-нравственного воспитания, утверждена целая система законодательных актов. Перечислим основные инициативы. С принятием поправок в Конституцию Российской Федерации, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года, законодательно закрепляется (ст. 67), система стратегических приоритетов, «сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога», государство создает условия, «способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей». Внесены изменения в Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации», одобренные 24.07.2021 года. В нем (ст. 2, п. 2), воспитание обозначено, как «деятельность, направленная на развитие личности обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей». Приказом Министерства просвещения Российской Федерации 31.05.2021 (№ 287) утвержден новый ФГОС (Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования), ориентированный на изучение обучающимися основ духовно-нравственных культур народов Российской Федерации (п. 2). В «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» сказано, что «стратегия опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России» [3]. В «Стратегических приоритетах в сфере реализации государственной программы РФ "Развитие образования" до 2030 года», сказано, что целями новых федеральных образовательных стандартов общего образования являются обеспечение качества общего образования, «повышение роли школы в воспитании молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» [4]. В ежегодном докладе Правительства РФ Федеральному Собранию РФ «О реализации государственной политики в сфере образования» (Москва, 2021) декларируется, что приоритеты деятельности системы образования осуществляются на основании проекта Единого плана по достижению национальных целей развития на период до 2030 года, принятого за основу по итогам совместного заседания Государственного Совета РФ и Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (23.12.2020), которое будет обеспечиваться в рамках национального проекта «Образование». На данный период «предпринимаются меры по совершенствованию воспитательного потенциала образовательных организаций, направленные на развитие духовно-нравственного... воспитания учащихся» [5].

Социологические замеры общественного мнения свидетельствуют, что против модернизации не возражает и педагогическое сообщество. Опрос российских учителей (2021 г.) показал, что большинство педагогов считают

систему школьного образования устаревшей. Такого мнения придерживается 71 % педагогов: 55 % из них полагают, что школьное образование устарело частично, еще 16 % – что полностью. Лишь треть опрошенных (29 %) полагают, что школьная образовательная система соответствует запросам учеников. Руководитель образовательного центра «Сириус» Е.В. Шмелева заявляет, что школе нужна новая реформа: «Речь идет о модернизации, которая включает... стандарт новой школы, в котором учтены требования современных образовательных программ» [6].

Е.В. Бондаревская отмечала, что духовно-нравственное воспитание, как одно из главных смыслообразующих звеньев, выпало из практики современного образования, но именно оно, делает образование человекосозидательным, культуротворческим процессом [7, с. 46]. Современные ученые (Е.П. Белозерцев, С.Ю. Дивногорцева, Н.В. Маслов, В.И. Слободчиков, Т.В. Скларова) считают, что модернизация современного отечественного образования заключается в переформатировании образования в онтологический процесс, понимаемый как смысложизненное развитие. Образование, по мнению Е.П. Белозерцева, это историко-культурный феномен, являющийся условием культурной жизни определенного народа. Обучающийся получает образование в конкретном поле смысловых ценностей, значений, идеалов, нравов, носящих, в первую очередь, национальный характер, который присущ народу, его истории и мироощущению. Особенность онтологического взгляда на образование заключается в том, что оно по содержанию национально выстроено [8, с. 22].

По нашему мнению, процесс духовно-нравственного воспитания в общем образовании, наиболее эффективно будет осуществляться, начиная с периода раннего подросткового возраста (11–12 лет). Психологическим критерием в этот возрастной период является осознание необходимости смены образа жизни, при этом, подростки не могут объективно оценить подлинный объем своих знаний и умений. Проявляется стремление осуществлять все самостоятельно, не имея соответствующих навыков, отсюда происходит требование свободы действий [9, с. 100–101]. Кроме того, в этом возрасте начинается гормональная перестройка детского организма, так называемый пубертатный период. Духовно-нравственное воспитание в это время необходимо для становления системы внутренних ценностных координат, осознания личностной ответственности, баланса реального и воображаемого, что позволит реалистично оценивать себя и свое место в окружающей действительности [10, с. 60–63].

Основная проблема модернизации образования заключается в недостаточной разработанности содержания учебно-методических комплексов (УМК) и методического сопровождения духовно-нравственного воспитания школьников. Кроме того, для реализации поставленных задач, необходимо обеспечить организационно-педагогическое сопровождение, позволяющее максимально эффективно осуществлять обучение которое мы рассматриваем как процесс, как метод и как систему профессиональной деятельности. Духовно-нравственное воспитание

и развитие подразумевает сложное интегрирование традиций, норм, обычаев и обрядов: государственных, общественных, национальных, этнических, культурных и религиозных. Причиной противоречий не позволяющих внедрить в современный образовательный процесс комплексную систему духовно-нравственного воспитания, по замечанию архимандрита Георгия (Шестуна), является неразработанность систематизированной теории «духовно-нравственного становления личности как единого, неразрывно совершающегося в различных сферах жизнедеятельности» [11, с. 8–9]. Обоснование и внедрение такого комплекса становится возможным при рассмотрении непрерывности процесса с формированием каждого из элементов. При создании теоретической и практической системы духовно-нравственного воспитания, считает Шестун, существуют следующие противоречия: 1) противоречие между традиционно-религиозным взглядом на жизнь как вечную и фрагментарным образовательным взглядом на жизнь, как единственного и самоценного отрезка; 2) противоречие проектирования образовательного процесса без учета семейного воспитания, которое часто организовано в традиционно-культурных воззрениях; 3) противоречие между идеализацией взглядов на природу личности, что искажает спроектированные образовательно-воспитательные модели и традиционно-религиозного взгляда на природу личности, требующую не только развития, но и исправления; 4) противоречие между гуманистическими (антропоцентрическими) общепринятыми взглядами на образовательный процесс, когда вместо духовно-нравственного воспитания, способствующего личностному развитию, ребенок «обожается» и находится в эпицентре педагогического процесса и культурно-традиционной (христоцентрической) моделью, соответствующей онтологическому восприятию бытия, с использованием этого подхода в структуре российского образования и воспитания; 5) противоречие, возникающее при целенаправленном воспитательном процессе в образовательной организации, когда в возрастной периодизации не учитывается взаимозависимость психофизической и духовной функций в развитии подростка, что отражается на правильном духовном становлении личности.

Для эффективности организационно-педагогического сопровождения духовно-нравственного воспитания обучающихся в образовательном учреждении, необходимо раскрыть содержание таких терминов, как нравственность и духовность. Они определяются средствами понятийного аппарата философской, педагогической, психологической, богословской наук и дисциплин. Само понятие «духовно-нравственное воспитание» выходит за рамки общего определения воспитания и, по мнению С.Ю. Дивногорцевой, нужно рассматривать его в традициях российской культуры. В таком случае, определение воспитания необходимо расширить, выстроив иерархическое главенство целей и определить его, как «специально организованное, управляемое и контролируемое взаимодействие воспитателей и воспитанников, конечной своей целью имеющее освящение и преобразование личности воспитанника, ее обожение, освобождение от пороков» [12, с. 41–44].

Модернизация общего образования воспринимается как набор директивных инструментов, формирование новых стереотипов и норм поведения,

но осуществится на практике она только тогда, когда станет живой личностной реакцией на события. По мнению Л.В. Суровой, личность, в условиях общего образования, развивается полноценно, если усваивает три направления: получает качественные знания, духовное развитие «со всей полнотой души» и нравственные идеалы [13, с. 12, 15].

Важным свойством духовно-нравственного воспитания, по мнению С.Н. Лукаша, является синтез личностных знаний и ценностей прошлых поколений. В организации педагогического процесса, задача педагога не только дать знания, но и направить подростка на экстраполяцию полученного образования в будущее. Содержательное понимание основ, обозначающих идеалы-цели, личность обретает сама, аккумулирует и трансформирует существующие нормы, как «первообраз, образец-мечта, к которому стремится человек в своем личностном онтогенезе» [14, с. 140–141].

Цель духовно-нравственного воспитания, основанного на традиционных культурных принципах, – исполнение экзистенциальных потребностей нравственного долга и стремление к совершенству. Основные составляющие категории «нравственность»: добро и зло и умение их различать, закон совести, долг и ответственность, в секулярном и духовном содержании имеют разную интенцию. Нравственности присуща регулятивная функция, заключающаяся в формировании у подростков ценностного отношения к окружающему миру. Практическая деятельность нравственно ориентированного человека находится в семантической связи с его взглядами и представлениями. Нравственность – характеризуется внутренней ориентированностью на абсолютные ценности, которые определяют способ практической направленности действий [15, с. 114]. В.М. Пустовалов выделяет четыре функциональных признака нравственности: 1) нравственность, – это конкретные ценности определяющие отношение человека к обществу; 2) нравственность, присуща только человеку и отражает активность его сознания; 3) нравственность является совокупностью взглядов и представлений человека, проецируемыми в практическую деятельность; 4) нравственное требование, означающее «ты должен независимо от своих интересов», является способом моральных отношений. Нравственность представляет собой, считает он, субъективно-заинтересованное отношение к миру [16, с. 103]. Прогрессируя в эволюционном развитии от стадии первобытнообщинного строя, человечество, через созданную им систему иерархических правовых кодексов и моральных норм, совершенствует и нравственные установки. По мнению С.И. Гессена, нравственность автономна: ее суть, подчинение закону, «который человек сам на себя возложил». Степень достигнутой личностью внутренней свободы, взаимосвязана с нравственным уровнем развития человека. Уровень нравственного развития зависит от субъективной силы воли личности (центростремительные силы личности) и культурной среды окружающей личность (центробежные внешние силы), которые предстоит усвоить человеку и применить к себе [17, с. 83, 90–91].

И.А. Ильин подробно исследовал дихотомию «дух – духовность» в структуре личности и пришел к выводу, что духовность для личности не является инстинктивным или рационалистическим «осознанием состояний своего тела и своей души». Духовность – воля к совершенству и совершенствованию, внутренняя ответственность, бескорыстная любовь к ближнему, способность самоотверженно служить другим, свобода данная человеку от природы как дар. Человек, не осознавший своего личностного достоинства, не раскрывший своей «самосуты, в ее предстоянии к Богу», не раскрыл своего духа [18, с. 30].

В.И. Слободчиков так же считает, что фундаментальной основой бытия для человека, является духовность, а ее проводником во внешней сфере – психическая и телесная сущность личности. В целостности человека, стержнем является его духовность [19]. Исходя из концепции духовной свободы личности, мы определяем теорию духовно-нравственного воспитания.

Т.И. Петракова утверждает, что между понятиями «духовность» и «нравственность» существует не только семантическая, но и онтологическая связь: «Нормы и принципы нравственности получают идейное обоснование и выражение в идеалах добра и зла, являющимися категориями духовности... Если духовность характеризует высшие, «вертикальные» устремления личности, то нравственность – это сфера «горизонтальных» устремлений: отношений с людьми и обществом» [20, с. 63–65]. Существует прямая зависимость между нравственным состоянием человека и его духовным ростом. В христианском восприятии мира «дух творит себе формы», что означает его первичность. Такое соподчинение имеет принципиальное значение для построения многомерной системы духовно-нравственного воспитания, поскольку программа воспитания, основанная на первичности духовного развития, может рассматривать духовность как составляющую нравственной жизни, выраженную в реальных поступках, произведениях отечественной культуры (храмах, иконах, песнопениях, духовной литературе), в высших эмоциональных переживаниях (например, переживания по поводу своего несовершенства, раскаянии, молитве). Современная светская педагогика, особенно при онтологическом подходе, не отрицает наличие духовной сферы личности, в силу чего не отрицает понятие «духовно-нравственное воспитание».

Духовно-нравственное воспитание, как и любая развивающая личностная деятельность, невозможно без отношений субъект–субъект (ученик–учитель) и эффективна при условии правильного контролируемого процесса воспитания. Нравственность – это ступень к духовности, способность человека осмысленно действовать в соответствии с заложенными принципами, не полученными раз и навсегда, а свободно развивающимися в личности. При отсутствии нравственных принципов, утрате духовной составляющей, происходит как личностный, так и социально-общественный распад. Утрачивается возможность четкого различения понятий добра и зла, долга, ответственности и совести. Потеря стержневой роли духовно-нравственного

воспитания в образовании, семье и обществе, переформатировании понимания сути духовности, подмена культурного наследия массовой культурой, приводят к возникновению кризиса в обществе. Духовно-нравственные принципы, усваиваемые подростками в процессе воспитания, трансформируются во внутреннее чувство нравственного порядка и способствуют формированию целостной личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Финагина, О. В. Отечественные традиции духовно-нравственного воспитания (историко-теоретический аспект) / О. В. Финагина, О. В. Архипова, Ю. Б. Ильина. – Текст : электронный // Концепт. – 2014. – Т. 20. – С. 4276–4280. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/55120.htm>.
2. Тарабукина, И. И. Инициатива Президента: Воспитание детей – обязательная часть образовательного процесса / И. И. Тарабукина. – URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777936735/>. – Текст : электронный.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>. – Текст : электронный.
4. Постановление Правительства РФ от 7 октября 2021 г. № 1701 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации „Развитие образования“». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402807035/>. – Текст : электронный.
5. Доклад Правительства РФ Федеральному Собранию РФ «О реализации государственной политики в сфере образования». – М., 2021. – 219 с. – Текст : непосредственный.
6. Савицкая, Н. Школьную систему опять готовят к модернизации / Н. Савицкая. – URL: https://www.ng.ru/education/2021-08-25/8_8234_education1.html. – Текст : электронный.
7. Бондаревская, Е. В. Концепция и опережающая стратегия системной модернизации педагогического образования в федеральном университете. Образовательный метапроект : монография / Е. В. Бондаревская ; Южный федеральный университет. – Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2015. – 216 с. – Текст : непосредственный.
8. Белозерцев, Е. П. Образование: историко-культурный феномен : курс лекций / Е. П. Белозерцев. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 704 с. – Текст : непосредственный.
9. Скларова, Т. В. Возрастная педагогика и психология : учебное пособие для студентов педагогических вузов / Т. В. Скларова, О. Л. Янушквичене. – М. : Покров, 2004. – 144 с. – Текст : непосредственный.
10. Скларова, Т. В. Возрастная психология и педагогика : учебное пособие / Т. В. Скларова. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2005. – 128 с. – Текст : непосредственный.
11. Шестун Евгений, протоиерей. Православная педагогика / Евгений Шестун. – М. : Православная педагогика, 2001. – 560 с. – Текст : непосредственный.
12. Дивногорцева, С. Ю. Теоретическая педагогика : учебное пособие / С. Ю. Дивногорцева. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2004. – 195 с. – Текст : непосредственный.
13. Сукова, Л. В. Методика православной педагогики. Ч. 1: Педагогика. Школа. Человек. / Л. В. Сукова. – 2-е изд. – Клин, 2002. – 64 с. – Текст : непосредственный.

14. Лукаш, С. Н. Казачество Юга России: от традиций к инновациям : монография / С. Н. Лукаш. – Майкоп : Полиграф-Юг, 2012. – 480 с. – Текст : непосредственный.
15. Дивногорцева, С. Ю. Духовно-нравственное воспитание в теории и опыте православной педагогической культуры / С. Ю. Дивногорцева. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. – 240 с. – Текст : непосредственный.
16. Зеньковский, В. В. Педагогические сочинения / В. В. Зеньковский ; сост.: Е. Г. Осовский, О. Е. Осовский. – Саранск, 2003. – Педагогическая библиотека российского зарубежья. Т. 2. – 808 с. – Текст : непосредственный.
17. Гессен, С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен ; отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 448 с. – Текст : непосредственный.
18. Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – Мн. : Минская фабрика цветной печати, 2006. – 591 с. – Текст : непосредственный.
19. Слободчиков, В. И. Реальность субъективного духа / В. И. Слободчиков. – Текст : непосредственный // Психология личности в трудах отечественных психологов. – 2-е изд. – СПб., 2000. – С. 240–248.
20. Петракова, Т. И. Гуманистические ценности образования в процессе духовно-нравственного воспитания подростков : дис. ... д-ра пед. наук / Т. И. Петракова. – М., 1999. – 440 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Finagina O.V., Arkhipova O.V., Ilyina Yu.B. Otechestvennyye traditsii dukhovno-nravstvennogo vospitaniya (istoriko-teoreticheskiyaspekt) [National traditions of spiritual and moral education (historical and theoretical aspect)]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Concept" = Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, 2014, vol. 20, p. 4276–4280. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/55120.htm>. (In Russian).
2. *Initiativa Prezidenta: Vospitaniye detey – obyazatel'naya chast' obrazovatel'nogo protsessa* [The President's initiative: Raising children is an obligatory part of the educational process]. Available at: <https://www.9111.ru/questions/77777777936735/>. (In Russian).
3. Rossiyskaya Gazeta. Available at: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>. (In Russian).
4. *Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 7 oktyabrya 2021 g. N 1701 "O vnesenii izmeneniy v gosudarstvennuyu programmu Rossiyskoy Federatsii "Razvitiye obrazovaniya"* [Resolution of the Government of the Russian Federation of October 7, 2021 No. 1701 "On Amendments to the State Program of the Russian Federation "Development of Education""]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402807035/>. (In Russian).
5. *Doklad Pravitel'stva RF Federalnomu Sobraniyu RF "O realizatsii gosudarstvennoy politiki v sfere obrazovaniya"* [Report of the Government of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation "On the Implementation of State Policy in Education"]. Moscow, 2021. 219 p.
6. *Shkolnuyu sistemu opyat gotovyat k modernizatsii* [The school system is being prepared for modernization again]. Available at: https://www.ng.ru/education/2021-08-25/8_8234_education1.html. (In Russian).
7. Bondarevskaya E.V. *Kontseptsiya i operezhayushchaya strategiya sistemnoy modernizatsii pedagogicheskogo obrazovaniya v federal'nom universitete. Obrazovatel'nyy metaproyekt: monografiya* [The concept and advanced strategy of systematic modernization of pedagogical education at a Federal University. Educational meta-project: monograph]. Rostov-on-Don, SFU Publishing House, 2015. 216 p.

8. Belozertsev E.P. *Obrazovaniye: istoriko-kulturnyy fenomen. Kurs lektsiy* [Education: a historical and cultural phenomenon. A course of lectures]. St. Petersburg, Publishing House of R. Aslanov "Law Center Press", 2004. 704 p.
9. Sklyarova T.V., Yanushkevichene O.L. *Vozrastnaya pedagogika i psikhologiya: Uchebnoye posobiye dlya studentov pedagogicheskikh vuzov* [Age pedagogy and psychology: A textbook for students of pedagogical universities]. Moscow, Publishing House "Pokrov", 2004. 144 p.
10. Sklyarova T.V. *Vozrastnaya psikhologiya i pedagogika: ucheb. posobiye* [Age psychology and pedagogy: A textbook]. Moscow, Publishing House of Orthodox St. Tikhon University of Humanities, 2005. 128 p.
11. Evgeny Shestun, Archpriest. *Pravoslavnaya pedagogika* [Orthodox pedagogy]. Moscow, Pravoslavnaya pedagogika, 2001. 560 p.
12. Divnogortseva S.Yu. *Teoreticheskaya pedagogika: uchebnoye posobiye* [Theoretical pedagogy: A textbook]. Moscow, Publishing House of Orthodox St. Tikhon University of Humanities, 2004. 195 p.
13. Surova L.V. *Metodika pravoslavnoy pedagogiki. Chast 1. Pedagogika. Shkola. Chelovek* [Methodology of Orthodox pedagogy. Part 1. Pedagogy. School. Human]. Klin, 2002. 64 p.
14. Lukash S.N. *Kazachestvo Yuga Rossii: ot traditsiy k innovatsiyam. Monografiya* [Cossacks of the South of Russia: from tradition to innovation. Monograph]. Maykop, Polygraph-Yug, 2012. 480 p.
15. Divnogortseva S.Yu. *Dukhovno-nravstvennoye vospitaniye v teorii i opyte pravoslavnoy pedagogicheskoy kultury* [Spiritual and moral education in the theory and experience of Orthodox pedagogical culture]. Moscow, Publishing House of Orthodox St. Tikhon University of Humanities, 2008. 240 p.
16. Zenkovsky V.V. *Pedagogicheskiye sochineniya* [Pedagogical works]. Comp. by E.G. Osovsky, O.E. Osovsky. Saransk, Pedagogical Library of the Russian abroad, 2003, vol. 2. 808 p.
17. Gessen S.I. *Osnovy pedagogiki. Vvedeniye v prikladnuyu filosofiyu* [Fundamentals of pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Ed. by P.V. Alekseev. Moscow, Shkola-Press, 1995. 448 p.
18. Ilyin I.A. *Aksiomy religioznogo opyta* [Axioms of religious experience]. Minsk, Minsk Color Printing Factory, 2006. 591 p.
19. Slobodchikov V.I. *Realnost subyektivnogo dukha* [Reality of the subjective spirit]. *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov = Psychology of Personality in the Works of Russian Psychologists*, St. Petersburg, 2000, pp. 240–248. (In Russian).
20. Petrakova T.I. *Gumanisticheskiye tsennosti obrazovaniya v protsesse dukhovno-nravstvennogo vospitaniya podrostkov: Dis. d-ra ped. nauk* [Humanistic values of education in the process of spiritual and moral education of adolescents: Diss. Doctor of Pedagogical Sciences]. M., 1999. 440 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Зуев, В. А. Духовно-нравственное воспитание подростков в условиях модернизации отечественного образования / В. А. Зуев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 48–56.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zuev V. A. Spiritual and Moral Education of Adolescents Under the Conditions of Modernization of National Education / V. A. Zuev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 48–56. (In Russian).

УДК 355.233

**КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РЕАЛИЗАЦИИ В ВУЗЕ**

Д.А. Рубан, В.Е. Гладченко, В.Е. Лоба, И.А. Абдулаева

**THE COMPETENCY-BASED APPROACH IN CADET TRAINING:
PROBLEMS AND PROSPECTS
FOR IMPLEMENTATION IN THE UNIVERSITY**

D.A. Ruban, V.E. Gladchenko, V.E. Loba, I.A. Abdulaeva

Аннотация. В статье говорится о проблемах и перспективах реализации компетентностного подхода в подготовке курсантов. Представлены различные подходы к понятиям «компетентность» и «компетенция». Сформулированы основные выводы изучения научно-педагогических трудов, посвященных теме применения компетентностного принципа при обучении курсантов.

Abstract. The article refers to the problems and prospects of implementing the competency-based approach in the training of cadets. Different approaches to the concepts of "competence" and "competency" are presented. The main conclusions of the study of scientific and pedagogical works on the topic of the application of the competency principle in the training of cadets are formulated.

Ключевые слова: компетентность, компетенция, компетентностный подход, подготовка курсантов.

Keywords: competence, competency, competency-based approach, training of cadets.

Современные тенденции развития многоуровневого отечественного образования во многом связаны с поиском путей преодоления кризиса, который поразил общество в целом, и систему российского образования в частности: «отечественное образование ищет новые пути преодоления кризиса и, прежде чем рассматривать возможности и направления выхода из этого кризиса, необходимо разобраться в его причинах» [1, с. 8].

Следует отметить, что подготовка курсантов переживает те же самые проблемы, что и вся система многоуровневого образования, которая в нормативных документах и психолого-педагогической литературе рассматривается как комплекс государственных и иных образовательных учреждений, обеспечивающий организационное и содержательное единство и преемственную взаимосвязь всех звеньев образования, совместно и скоординировано решающих задачи воспитания, общеобразовательной, политехнической и профессиональной подготовки, и нормативно закреплена законом «Об образовании».

С.П. Иваненков, проведя исследование по глобальным проблемам социализации молодежи, говорит о том, что в системе многоуровневого образования возникают неразрешимые проблемы:

- несоизмеримость темпов экономического развития с рамками имеющихся образовательных циклов, их информационным и деятельностным пространством;

- проблемы экологизации образования, информационный бум и границы его ассимиляции, недостаточность базы в вузе (технологической, материально-технической, финансовой, кадровой и т. д.);

- расширение масштабов мирового производства, современная геополитическая борьба стран, разрушение традиций в ходе современных модернизаций, урбанизация городов, социально-профессиональная мобильность групп и слоев общества, кризис техницизма и сциентизма [2, с. 264–265].

Кризис имеет международный характер и многие зарубежные авторы, в том числе М. Скилбек, отмечают, что кризис высшего образования в мире связан с тремя группами причин:

- неуверенность в долгосрочных целях общества помимо удовлетворения материальных потребностей и желания обучающихся участвовать наравне с взрослыми в определении судьбы университетов и нового общества;

- озабоченность студентов профессиональными перспективами и возможностями продвижения по службе после завершения обучения, особенно по дисциплинам, не имеющим жесткой ориентации на какую-либо профессию;

- неудовлетворенность и во многих случаях абсолютное неприятие существующей внутренней структуры, организации, содержания и методов преподавания, принятых в системе высшего профессионального образования [3, с. 22].

Названные кризисные факторы формируются из современных реалий и определяют вектор развития обучения курсантов во всей системе российского образования. Складывающиеся социальные аспекты в российском обществе зависят от постепенной трансформации модели образования. Вышедшие на первое место в распространенной практике знаниевые и репродуктивно-авторитарные критерии образовательной парадигмы, стали преградой на пути перестроения общественного сознания и культуры современной России. В этой обстановке приобретает ценность человеко-центрированная модель образования как социальный инструмент, являющийся связующим звеном и необходимым балансиrom между личностью и обществом, человеком и окружающим миром, человека с самим собой [4]. Исходя из этого, кризис в образовании связан со специфическим перестроением в развитии российской культуры – замещением ориентиров образования, переходом от образовательной модели, знаниевой парадигмы к культуротворческой, от «человека образованного» к «человеку культуры» по В.С. Библеру [5].

Среди основных парадигмальных концепций, которые наблюдаются сегодня в многоуровневом российском образовании, следует выделять компетентностную концепцию, которая по своему применяемому характеру не может идти вразрез со знаниевой парадигмой, так как придает значение приобретенному опыту, сформированным навыкам, умению использовать знания по делу на практике.

В целом изучение компетентностной концепции как фундамента методологической модели отечественного образования требует освещения ряда важнейших вопросов, которые не могут оставаться без внимания. В частности, И.А. Зимняя обозначила названные вопросы следующим образом:

- что повлияло на необходимость внедрения компетентностной концепции в педагогическую науку и образовательную практику;
- аналогичны ли термины «компетенция» и «компетентность» и, если нет, то какие выводы можно сделать, исходя из их неаналогичности при определении концепции как компетентностной;
- на чем основываются выделения и классификации вариаций компетентностей и каковы их принципиальные критерии;
- способен ли единственный, в данном случае компетентностный, подход быть одним доминирующим в образовательной модели основой его формирования, и каким образом понятия «компетентность» и «компетенция» в категориально-смысловом понимании зависят от иных общепринятых понятий педагогической науки? [6]

Важно обратить внимание, что современная педагогика пока не дает единственно верные ответы на сформулированные выше вопросы.

И.А. Зимняя говорит, что опора на компетентностную идею отечественного образования исходит из единства общеевропейской и мировой парадигмы в системе образования, глобализации мировой экономики и, в частности, постоянно развивающимися подходами гармонизации «архитектуры европейской системы высшего образования» [6].

А.Г. Бермус обозначает два совершенно разных мнения на раскрытие содержания компетентностной идеи в образовании. В первом случае определение компетентности не имеет в себе каких-либо принципиально новых подходов, не являющихся частью понятия «умение», следовательно, все точки зрения по поводу компетентности и компетенции выглядят созданными искусственно, необходимыми только для маскировки имеющихся проблем [7].

Мнение противоположного характера основывается на интуитивном понимании того, что именно компетентностная идея во всех своих выражениях и характеристиках более детально показывает основные моменты пути обновления российского образования. Исходя из таких «прогрессистских» определений выявляются итоговые показатели:

- компетентностный принцип отвечает на запросы производственной области;
- компетентностный принцип выражается в трансформации содержания образования в ответ на современную социально-экономическую картину;
- компетентностный принцип является обобщенным условием умений личности позитивно проявляться за границами образовательных сценариев и образовательных алгоритмов;
- компетентность определяется радикальными методами прогрессивного перехода;

- компетентность выражается в возможности применения определенных навыков в условия, расходящиеся с теми, в которых первоначально эта компетентность проявилась;

- компетентность характеризуется способностью специалиста подстроиться под конкретную ситуацию или как признак подготовки к дальнейшему профессиональному пути. Содержание компетентности проявляется в том, что зародившись в момент обучения, она не исходит из него напрямую, а формируется на основании саморазвития личности, его не столько психологического, сколько личностного прогресса, следствием самоорганизации и обобщения деятельностного и личностного опыта.

С актуальностью будущего научного и практического исследования компетентностной идеи соглашался А.Г. Бермус, но он обозначал собственные аспекты, на которых, на его взгляд, основывается названная идея, формирует суть и необходимость подхода как механизма, способного вызвать модернизацию отечественного образования:

- В какой социокультурной сфере эффективно может проявляться компетентностная идея образования и какие результаты можно спрогнозировать по итогу?

- На каких содержательных, фундаментальных подходах основывается применение компетентностной модели образования и какие инструменты использовать для поиска решений?

- В каких организационно-управленческих сценариях компетентностный подход российской парадигмы проявит себя наиболее плодотворно? [7].

Необходимо выделить, что на сегодняшний день образовательная практика твердо опирается на итоговые показатели подготовки курсанта в виде его сформированных профессиональных навыков, проявляющихся в традиционных и непредвиденных ситуациях в социальной жизни и профессиональной деятельности. В данном случае имеются в виду специфические образовательные показатели системы подготовки курсантов, в рамках которой знания являются важнейшим звеном, но их не хватает для достижения заложенного успеха. К ним относится профессиональная сформированность и такие ее неотъемлемые части, как общекультурные (ключевые), специальные профессиональные навыки. Компетентностный принцип нацелен на такие проявления образования, как обучаемость, самоопределение (самодетерминация), самоактуализация, социализация и формирование индивидуальных качеств. Для достижения поставленных целей используются принципиально новые инструменты образовательной парадигмы: компетентности, компетенции и метапрофессиональные характеристики. Компетентностный принцип обучения освещает следующие проблемы: формирует ли подготовка курсанта его профессиональный стержень, жизненную позицию, влияет ли на выражение субъектности, активности, связанных с его смысло-жизненной и профессиональной внутренней визуализацией.

Наша точка зрения совпадает с мнением И.А. Зимней, что в компетентностном принципе акценты расставлены на практическое использование полученных знаний, наработку операциональной, технологической компетентностей, а не только на сами знания (не только «ЧТО», но и «КАК»); на сложную, интегративную (когнитивно-эмоциональную, ценностно-мотивационную, регулятивную) природу результата образования; развитость личностного качества как многоаспектного новообразования [6].

Изучение научно-педагогических трудов, посвященных теме применения компетентностного принципа при обучении курсантов, позволяет нам сформулировать следующие выводы. Во-первых, на компетентностном принципе основывается целостность российского образования и его внедрение в общеевропейскую среду. Во-вторых, компетентностный принцип начал впервые использоваться в европейской парадигме как ответ на запросы рынка труда при обучении специалистов. В-третьих, компетентностный принцип на вершину пирамиды ставит развитие профессиональных качеств, являющиеся надпредметными и надпрофессиональными критериями, и которые помогают человеку в полной мере проявить свои компетенции в профессиональной среде. В-четвертых, компетентностный принцип не расходится с актуальными и развивающимися в российской педагогике иными принципами обучения, реагируя на множественные попытки объединить образовательную модель с практической областью и сделать обучение более личностно значимым и культуросообразным.

В целом компетентностный подход ставит во главу угла не знания специалистов, а придает значимость их навыкам реализоваться в различных проблемных ситуациях: 1) в познании и научном объяснении явлений окружающей среды; 2) при освоении современной техники и технологии; 3) во взаимоотношении людей, в нравственных и культурных проявлениях, при анализе своих действий; 4) в практической жизни при выполнении социальных ролей гражданина, члена семьи и т. д.; 5) в правовых нормах и административных структурах, в потребительских и эстетических оценках; 6) при необходимости отвечать на собственные вопросы: жизненного самоопределения, выбора стиля и образа жизни, способов выхода из спорных ситуаций [8].

Нужно понимать, что компетентностный принцип опирается на фундаментальные смыслы «компетентности» и «компетенции», с помощью которых определяются итоговые показатели процесса обучения и условия, сформированные социумом к результату обучения.

Считаем важным остановиться на названных двух понятиях для более подробного их разбора и детализации их составляющих, а также исследовать их суть и структуру. Исследование различных научно-педагогических трудов позволяют сделать вывод, что проблема соотношения данных понятий до сих пор остается актуальной и не нашла эффективных решений. Одна группа исследователей (Н. Соснин и др.) определяют данные понятия как тождественные лексемы, вторая группа считает их родственными, но все-таки не аналогичными [9].

И.А. Зимняя считает, что смысл компетентностной модели заключается в центральном понятии «компетентность» [10]. Помимо этого, по мнению исследователя, если компетентностный принцип будет складываться из семантических структур понятия «компетенция», то он будет полностью совпадать с концепцией стандартной, знаниевой [10].

Многие исследователи определяют понятие «компетенция» целостно, как структуру, состоящую из различных фрагментов. Российские ученые склоняются к тому, что компетенция – это динамичная структура, и она напрямую влияет на развитие личности в образовании.

Европейская образовательная парадигма определяет компетенцию как целостную структуру, под которой понимается умение специалиста в конкретной ситуации находить и применять знания и умения фрагментарно, но с учетом требуемых условий. В европейских документах описывается содержание компетенции. Она состоит из: 1) когнитивной компетенции, предполагающей применение теоретических знаний и терминов, а также «скрытые» знания, наработанные в жизненных и профессиональных ситуациях; 2) функциональной компетенции (умения и нововведения), а именно то, какие компетенции должен проявлять индивид в профессиональном плане, в области образования или социальной деятельности; 3) личностной компетенции, предполагающей проявление поведенческих черт в определенной ситуации; 4) этической компетенции, предполагающей наличие определенных личностных и профессиональных ценностей» [11].

В ходе исследования мы столкнулись с множеством определений понятия «компетенция», но в каждом определении находились общие смыслы, из которых складывается принципиальное понимание данного подхода. В различных научных трудах в самом общем виде компетенция понимается как:

- предметная область, в которой специалист хорошо ориентируется, и в которой он полностью готов реализоваться в различных ситуациях;
- базовая характеристика личности, содержательная и устойчивая часть личности, по которой можно спрогнозировать действия человека в широком спектре жизненных и профессиональных поведенческих моделей;
- некоторые внутренние, потенциальные психологические новообразования (знания, представления, алгоритмы действий, системы ценностей и отношений), которые впоследствии выражаются в профессиональных чертах специалиста, его поступках на практике.

Можно заметить, что одни определения компетенции больше ориентированы на внешнее действие, другие – на внутренние особенности, где знания обозначены как предпосылка навыков; третьи – на некоторые определения, которые включают такой элемент, как система ценностей и отношений.

Таким образом, компетенция понимается нами как свойство личности, потенциальная способность индивида справляться с различными задачами, как совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления конкретной профессиональной деятельности. При этом наблюдается

взаимодействие когнитивных и аффективных навыков, наличие мотивации и соответствующих ценностных установок.

Для определения сущности компетентности курсанта обратимся к анализу диалектики взаимосвязи между этими двумя понятиями «компетенция» и «компетентность».

Анализ исследований показывает, что существует множество определений дефиниций понятия «компетентность»:

- единство теоретической и практической готовности к осуществлению деятельности (В.А. Сластенин);
- готовность и способность профессионально выполнять необходимые функции (И.А. Колесникова);
- целостный опыт решения определенных проблем (В.В. Сериков);
- комплексный личностный ресурс, обеспечивающий возможность взаимодействия с окружающим миром в той или иной области и зависящий от необходимых для этого компетенций (Н.П. Мильруд);
- личностное свойство, основывающееся на знаниях, как личностно и интеллектуально обусловленное проявление социально-профессиональной жизнедеятельности человека в его поведении (Н.В. Кузьмина, И.А. Зимняя);
- мера включенности человека в деятельность (Б.Д. Эльконин).

Расширяет понятийное поле компетентности А.К. Маркова, которая определяет компетентность как психическое состояние, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно (действенная компетентность), как обладание человеком способностью и умением выполнять определенные трудовые функции [12].

Как показывает анализ, под «компетентностью» чаще понимается интегральное качество личности, проявляющееся в общей способности и готовности ее к деятельности, основанной на знаниях и опыте, которые приобретены в процессе обучения и социализации и ориентированы на самостоятельное и успешное участие в деятельности. Иначе говоря, компетентность есть комплексный личностный ресурс, обеспечивающий возможность эффективного взаимодействия с окружающим миром с помощью соответствующих компетенций.

По мнению Э.Ф. Зеера, компетентность предполагает не столько наличие у специалиста значительного объема знаний и опыта, сколько умение актуализировать накопленные знания и умения в нужный момент использовать их в процессе реализации своих профессиональных функций, тем самым подчеркивает практическую направленность всех сформированных компонентов [13].

Компетентность – это не просто совокупность компетенций, а совокупность компетенций, актуализированных в определенных видах деятельности. Компетентность есть мера актуализации компетенций в процессе их развития, связанная с самоактуализацией личности выпускника в соответствующих видах деятельности, считает А.И. Субетто [11, с. 19–20]. Автор подчеркивает, что не следует противопоставлять компетентность знаниям или умениям

и навыкам. Понятие компетентности шире понятия знания, или умения, или навыка, оно включает их в себя. «Компетенция является формой бытия знания, в том плане, что компетенция является моделью поведения человека при решении определенного класса задач, осуществления ролей или функций в определенных ситуациях профессиональной деятельности» [11, с. 51].

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что компетентность есть динамическое качество человека-профессионала, которое «движется» от начального уровня, заложенного в системе высшего профессионального образования, к мастерству, как высшей форме компетентности. Пара категорией «компетенция» – «компетентность» призвана отразить диалектику потенциального и актуального в жизненном цикле профессионализма, т. е. выразить диалектический процесс развертывания принципа внешне-внутренней обусловленности профессионального качества курсанта.

Из сказанного следует, что если в самом обобщенном виде мы определим компетенцию как свойство (качество), то компетентность может рассматриваться как обладание этим свойством, проявляющееся в профессиональной деятельности. Покидая стены вуза, выпускник должен обладать определенными компетенциями – профессионально-релевантными качествами, тем потенциалом, который будет актуализирован в процессе осуществления профессиональной деятельности и свидетельствовать о его компетентности.

Таким образом, под компетентностью мы понимаем интегральное качество личности, проявленное в мотивированной деятельности на основе ценностного отношения к ней и к получаемому осознанному опыту, определяющее успех деятельности и ответственность за её результаты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никандров, Н. Д. Россия: Социализация и воспитание на рубеже тысячелетий / Н. Д. Никандров. – М., 2000. – 304 с. – Текст : непосредственный.
2. Иваненков, С. П. Проблемы социализации современной молодежи / С. П. Иваненков. – СПб., 2003. – 418 с. – Текст : непосредственный.
3. Реан, А. А. Социальная педагогическая психология / А. А. Реан, Я. Л. Коломинский. – СПб., 2007. – 576 с. – Текст : непосредственный.
4. Татур, Ю. Г. О возможности использования профессиональных связей при реализации контекстного обучения и компетентностного подхода: теория и практика / Ю. Г. Татур. – Текст : непосредственный // Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. – М., 2005.
5. Библер, В. С. Две культуры. Диалог культур (Опыт определения) / В. С. Библер. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 31–42.
6. Зимняя, И. А. Компетентностный подход. Каково его место в системе подходов к проблемам образования / И. А. Зимняя. – Текст : непосредственный // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 8. – С. 20–26.
7. Бермус, А. Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании / А. Г. Бермус. – Текст : электронный // Эйдос. – 2005. – № 4. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41134590>.

8. Болотов, В. А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В. А. Болотов, В. В. Сериков. – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8–14.
9. Соснин, Н. Компетентностный подход: проблемы освоения / Н. Соснин // Высшее образование в России. – 2007. – № 6. – С. 42–45. – Текст : непосредственный.
10. Зимняя, И. А. Социально-профессиональная компетентность как целостный результат профессионального образования / И. А. Зимняя. – Текст : непосредственный // Материалы XV Всероссийской научно-методической конференции «Актуальные проблемы качества образования и пути их решения в контексте европейских и мировых тенденций». – М., 2005. – С. 10–19.
11. Субетто, А. И. Онтология и эпистемология компетентностного подхода, классификация и квалиметрия компетенций / А. И. Субетто. – М., 2006. – 72 с. – Текст : непосредственный.
12. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М., 1996. – 308 с. – Текст : непосредственный.
13. Зеер, Э. Ф. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования / Э. Ф. Зеер, Э. Сыманюк. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2005. – № 4. – С. 23–30.

REFERENCES

1. Nikandrov N.D. Rossiya: Socializatsiya i vospitanie na rubezhe tysyacheletiy [Russia: socialization and education at the turn of the millennium]. Moscow, 2000. 304 p.
2. Ivanenkov S.P. Problemy socializatsii sovremennoy molodezhi [The problems of socialization of modern youth]. St. Petersburg, 2003. 418 p.
3. Rean A.A., Kolominskiy Ya.L. Socialnaya pedagogicheskaya psihologiya [Social educational psychology]. St. Petersburg, 2007. 576 p.
4. Tatur Yu.G. O vozmozhnosti ispol'zovaniya professional'nyh svyazey pri realizatsii kontekstnogo obucheniya i kompetentnostnogo podhoda: teoriya i praktika [On the possibility of using professional connections in the implementation of contextual learning and the competency-based approach: theory and practice]. Mezhhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov = Interuniversity Collection of Scientific Papers, Moscow, 2005, iss. 2.
5. Bibler V.S. Dve kultury. Dialog kultur (Opyt opredeleniya) [Two cultures. Dialogue of cultures (Experience of definition)]. Voprosy filosofii = Issues of Philosophy, 1990, No. 4, pp. 31–42. (In Russian).
6. Zimnyaya I.A. Kompetentnostnyy podhod. Kakovo ego mesto v sisteme podhodov k problemam obrazovaniya [The competency-based approach. Its place in the system of approaches to the problems of education]. Vysshee obrazovanie segodnya = Higher Education Today, 2006, No. 8, pp. 20–26. (In Russian).
7. Bermus A.G. Problemy i perspektivy realizatsii kompetentnostnogo podhoda v obrazovanii [Problems and prospects for the implementation of the competency-based approach in education]. Internet-zhurnal "Eidos" = Internet Journale "Eidos", 2005, No. 4. Available at: <http://www.eidos.ru/conf/>. (In Russian).
8. Bolotov V.A., Serikov V.V. Kompetentnostnaya model: ot idei k obrazovatelnoy programme [The competency-based model: from an idea to an educational program]. Pedagogika = Pedagogy, 2003, No. 10, pp. 8–14. (In Russian).
9. Sosnin N. Kompetentnostnyy podhod: problemy osvoeniya [The competency-based approach: problems of mastering]. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia, 2007, No. 6, pp. 42–45. (In Russian).

10. Zimnyaya I.A. Socialno-professionalnaya kompetentnost kak celostnyj rezul'tat professionalnogo obrazovaniya [Socio-professional competence as a holistic result of professional education]. Materialy XV Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferencii "Aktualnye problemy kachestva obrazovaniya i puti ikh resheniya v kontekste evropejskih i mirovykh tendenciy" = Proceedings of the XV All-Russian Scientific and Methodological Conference "Actual Problems of the Quality of Education and Ways to Solve them in the Context of European and World Trends", Moscow, 2005, pp. 10–19. (In Russian).

11. Subetto A.I. Ontologiya i epistemologiya kompetentnostnogo podhoda, klassifikaciya i kvalimetriya kompetency [Ontology and epistemology of the competency-based approach, classification and qualimetry of competencies]. Moscow, 2006. 72 p.

12. Markova A.K. Psihologiya professionalizma [Psychology of professionalism]. Moscow, 1996. 308 p.

13. Zeer E.F., Symanyuk E. Kompetentnostnyy podhod k modernizacii professionalnogo obrazovaniya [The competency-based approach to the modernization of vocational education]. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia, 2005, No. 4, pp. 23–30. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Компетентностный подход в подготовке курсантов: проблемы и перспективы реализации в вузе / Д. А. Рубан, В. Е. Гладченко, В. Е. Лоба, И. А. Абдулаева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 57–66.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ruban D. A., Gladchenko V. E., Loba V. E., Abdulaeva I. A. The Competency-Based Approach in Cadet Training: Problems and Prospects for Implementation in the University / D. A. Ruban, V. E. Gladchenko, V. E. Loba, I. A. Abdulaeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 57–66. (In Russian).

УДК 37.01

**ДИДАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
В УСЛОВИЯХ АРКТИКИ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО ТАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК**

Е.И. Федак, Г.С. Дворников, П.Ю. Потяев

**DIDACTIC MODELING OF COMBAT ACTIONS
IN CONDITIONS OF THE ARCTIC, AT THE CLASSES
OF TACTICAL TRAINING FOR MILITARY PERSONNEL
OF THE GROUND FORCES UNITS**

Y.I. Fedak, G.S. Dvornikov, P.Y. Potyaev

Аннотация. Развитие военного искусства и опыт современных локальных конфликтов требует постоянного совершенствования системы подготовки и развития методики тактической подготовки военнослужащих для получения высоких результатов действий в арктических условиях. Цель данного исследования заключается в анализе учебно-методического комплекса по тактической подготовке военнослужащих подразделений Сухопутных войск на основе дидактического моделирования боевых действий в условиях Арктики.

Abstract. The development of military art and the experience of modern local conflicts require constant improvement of the training system and development of tactical training methods for military personnel in order to obtain high results in operations in conditions of the Arctic. The purpose of this study is to analyze the educational and methodological complex for the tactical training of military personnel of the Ground Forces units on the basis of didactic modeling of combat operations in the Arctic.

Ключевые слова: дидактическое моделирование, боевые действия, имитация, общевойсковой бой, Арктическая зона.

Keywords: didactic modeling, combat operations, imitation, combined arms combat, Arctic zone.

В настоящее время Вооружённые силы Российской Федерации (далее ВС РФ) проводят комплексную модернизацию национальной обороны и армии, чтобы лучше реагировать на текущие и будущие угрозы и вызовы.

Освоение арктических рубежей на сегодняшний день является одной из главных политических и экономических задач нашей страны [1, с. 6]. Вследствие этого одной из важнейших особенностей обеспечения защиты интересов на арктическом направлении будет эффективное проведение реформирования в рамках подготовки военнослужащих ведению боевых действий в условиях Арктики.

Для эффективного выполнения боевых задач подразделений Сухопутных войск в Арктике необходимы знания, умения и навыки ведения общевойскового боя в условиях низких температур, которые они приобретают на полигонах

и учебных центрах Сухопутных войск, дислоцированных в Арктической зоне. При этом проведённый анализ процесса тактической подготовки военнослужащих свидетельствует, что она требует совершенствования.

В процессе подготовки к действиям в арктических условиях необходимо учитывать специфику условий Арктики, обучение ведению тактических действий подразделения при низких температурах, сильных ветрах и ограниченной видимости. Одним из путей формирования и развития военно-профессиональных компетенций, необходимых в Арктической зоне, является внедрение дидактического моделирования боевых действий в планы боевой подготовки Сухопутных войск.

Одним из первых дидактических моделирований боевых действий были имитированные военные игры, которые проводили с целью подготовки к возможным войнам [2, с. 76].

В Российском государстве в 1680-х годах были созданы военизированные отряды из придворных слуг и их детей для юного Петра I, которые в игровой форме имитировали боевые действия с использованием натуральных условий – местности, оружия, погоды.

Александр Васильевич Суворов применил моделирование боевых действий при взятии неприступной крепости Измаил. Суворов приказал своим войскам воссоздать точную копию своего рода инженерных ограждений крепости (ров и вал), а также высоту стен Измаила. Войска оттачивали имитированный штурм до автоматизма, при этом каждый воин был готов к любой возникшей ситуации [3, с. 203].

В начале Первой мировой войны вводится в качестве научного объяснение поведения людей во время боевых действий через математические модели, появляются попытки поиска приемлемых решений в боевых операциях. В своих научных работах Ф. Ланчестер [4] и Т. Эдисон [5] предлагали математическую теорию конфликтов на основе оценки боевой эффективности войск и стоящих на вооружении армий оружия и военной техники, вырабатывали модель развития боевых действий.

В Советском периоде один из первых идеологов Красной армии А.А. Свечин писал: «В Красной армии военная игра, как метод тактической и оперативной подготовки командного состава, находит, по-видимому, значительно более широкое распространение, чем в дореволюционной русской армии. Нам, однако, представляется, что в нашем сознании нет ещё полной ясности о достоинствах этого метода, и имеются большие противоречия в самом его понимании» [6, с. 54].

Перед началом наступлений фашистской Германии на Советский Союз А. Гитлер смоделировал военно-стратегическую игру, соответствующую плану «Барбаросса» [7]. Победоносный полководец Великой Отечественной войны маршал Г.К. Жуков в своих мемуарах также высоко оценивал влияние военных игр при принятии своих тактических решений в исходе важных стратегических операций [8, с. 259].

На основе анализа проведённых исследований А.Г. Шабанова [9], А.В. Гладкова [10] и др. можно с уверенностью сказать, что современные достижения педагогики подошли к рубежу, на котором появляется возможность в процессе подготовки моделировать те или иные условия, позволяющие качественно формировать компетенции, необходимые в военно-профессиональной деятельности военнослужащих.

Моделирование – это целенаправленный информационный процесс, обеспечивающий получение новой информации об объекте, его свойствах и поведении при помощи модели [11, с. 4].

Изучение научных работ А.Г. Караяни [12], Д.П. Рыжих [13], С.А. Жданова [14], А.Ф. Набиуллина [15], С.В. Киселёва [16] и др., направленных на подготовку военнослужащих к общевойсковому бою, показало, что в подготовке к боевым действиям необходимо учитывать специфику будущих условий (пустынные, горно-лесистые, арктические и др.).

При этом под боевыми действиями в арктических условиях понимается: организованное применение сил и средств для выполнения боевых задач военнослужащими на основе осмысления особенности продолжительных действий под воздействием низких температур и ветров; устойчивость к условиям полярной ночи и полярного дня; готовность к обслуживанию и эксплуатации боевой техники в условиях низких температур; умение сохранять самообладание во внештатных ситуациях (разлом торосов, встреча с дикими зверями и др.) и др.

Дидактическое моделирование – это вид профессионально-педагогической деятельности, в структуре которой педагог строит определённый идеальный образец какого-либо явления или процедуры, процесса или механизма, условия или тенденции, ресурса или системы, педагогического средства или метода, формы или детерминации, системно позволяющего изучить, измерить, определить, дополнить, систематизировать, классифицировать, адаптировать, детализировать и пр. материал или продукт изучения или исследования в системе поставленных образовательных или профессионально-педагогических особенностей подготовки личности обучающегося [17].

Дидактическое моделирование боевых действий в условиях Арктики на занятиях по тактической подготовке развивает у военнослужащих навыки действий для решения задач в условиях, приближенных к боевым, ориентированные на динамическое взаимодействие между военнослужащими во время боевой подготовки подразделений Сухопутных войск.

На основе анализа проведённых исследований Ю.О. Овакимяна [18], А.Г. Шабановой [19], Н.Г. Тихонкиной [20], Е.С. Евстропова [21], В.Ю. Кудрявцевой [22], Ю.В. Григорьева [23] и др. выделены группы методов обучения по своим характеристикам, наиболее приемлемых для реализации дидактического моделирования боевых действий по тактической подготовке в системе боевой подготовки Сухопутных войск.

Под методами дидактического моделирования боевых действий во время проведения учебных занятий по тактической подготовке понимается

совокупность способов учебно-познавательной деятельности военнослужащих, основанная на проведении имитационных моделей в системе боевой подготовки, к ним относятся имитационные упражнения, анализ конкретных ситуаций, решение военно-профессиональных задач, метод разыгрывания ролей, деловые игры, разработка обучающих компьютерных программ и некоторые другие методы обучения [24, с. 51].

Указанные методы дидактического моделирования добавляют в тактическую подготовку особенности ведения боевых действий, что позволяет воспроизводить имитацию военной службы, описание функций, сущности и структуры военно-профессиональной деятельности военнослужащих; приближение тактической обстановки к реальным условиям общевойскового боя в условиях Арктики, военнослужащие на практических занятиях применяют полученные ранее теоретические знания, что создаёт условия для личной активности обучающихся.

При этом к основным формам дидактического моделирования относятся учения, тактико-специальные, командно-штабные учения, штабные тренировки, военные игры, групповые занятия, групповые упражнения, тактические (тактико-специальные) занятия.

Дидактическое моделирование и внедрение в систему боевой подготовки имитационного моделирования боевых действий на основе системного подхода исследовались в научных работах военных учёных Н.П. Педенко, С.А. Батюшкина, П.А. Дульнева, А.В. Котова [25], где авторы сформулировали методологические основы боевой эффективности общевойсковых формирований [26, с. 78].

В дидактической модели по тактические подготовки важным элементом является обучение военнослужащих видам тактических действий: обороне и наступлению.

Учитывая физико-климатические особенности Арктики, моделирование подготовки военнослужащих к ведению обороны и наступления необходимо проводить в полевых условиях.

Полевые занятия, выходы с военнослужащими необходимо планировать поздней осенью, когда погода близка к арктическому лету, или зимой, когда температурный режим наиболее подходит и максимально приближен к условиям и к образу жизни в северных районах. Разворачивать лагерь, полевую кухню, создавать оборонительные сооружения вокруг лагеря необходимо с учётом местности, характерной Арктическому региону: рельефом, почвогрунтами, растительным покровом, отсутствием населённых пунктов, лесисто-болотистой, горной и пустынной местностью [27].

Моделирование огневых засад необходимо отрабатывать на дорогах, перевалах, в ущельях, в лесу, в ложине, возле брода, переправы или низководных мостов, с применением элементов маскировки (кустарник, высокая густая трава, камни и валуны), с обеспечением внезапного нападения и возможностью стремительного отхода с занимаемой позиции.

В имитированных населённых пунктах и в горно-холмистой местности военнослужащих необходимо обучать установке взрывных устройств, которые приводятся в действие с различного рода растяжек (лески, ветвей деревьев, кустарника и др.). Моделирование минирования дорог, маршрутов выдвижения войск боевиков в местах, где затруднён манёвр транспорта, и др.

Особенности ведения наступательных действий в условиях Арктики

Практические занятия с применением моделирования предстоящих действий необходимо проводить в ночных условиях, тем самым создавая условия полярной ночи, военнослужащие должны уяснить с первых занятий, что скрытность и внезапность обеспечивают максимальную эффективность действий. Внезапность наступления в тёмное время суток часто вызывала у противника растерянность и панику, которые дают возможность добиться успеха над преобладающими силами противника. Занятия необходимо проводить на учебных центрах с различными физико-географическими условиями района: пересечённая местность; горно-холмистая, песчаная, заснеженная и др. Характерными особенностями дидактического моделирования боевых действий являются: проведение учебных занятий с применением холостой стрельбы на учебных местах, воспроизводящих населённые пункты, промышленные объекты.

К районам Крайнего Севера относятся не только полярная и Арктическая зоны, но и примыкающие к ним акватории. Это огромное пространство, на котором имеются районы с абсолютно разным, порой нетипичным климатом и местными условиями. Однако, несмотря на это, основная часть территорий имеет схожие черты: суровый климат, пустынная или горная (холмистая) местность, относительно высокая влажность воздуха, плохо развитые пути дорожного сообщения, малая заселённость и др. Именно эти особенности значительно усложняют выполнение практически любой задачи. Пребывание человека в таких условиях в течение длительного времени значительно снижает его моральную готовность, влияет на его физическое состояние. Районы Арктической зоны пересекаются большим количеством полноводных рек, которые являются серьёзным препятствием для передвижения подразделений. Немаловажную роль играет естественный снежный покров: метели, циклоны, бураны заносят все дороги, тропы, пути сообщения, засыпают опорные пункты подразделений и другие фортификационные сооружения; снег забивается в карманы, головные уборы, разгрузочные жилеты, вооружение, прицельные приспособления и др. Всё это вынуждает военнослужащих предпринимать дополнительные меры при подготовке и ведении наступления.

Холодный климат, сильные ветры и ряд других факторов создают необходимость в обеспечении личного состава дополнительным оборудованием и зимней одеждой, что в определённой мере влияет на быстроедействие личного состава, особенно это касается военнослужащих, которые работают с вооружением и военно-специальной техникой, а также увеличивает срок на подготовку, в том числе вооружения и военной техники, усложняет её

эксплуатацию. В этих условиях приходится прибегать к неординарным решениям, таким как использование собачьих упряжек, так как порой это единственный способ передвижения в этих условиях. Помимо этого, необходимо принимать дополнительные меры против обморожения личного состава, для профилактики серьёзных заболеваний. Для приготовления пищи необходимо выдавать сухой спирт, загущенный бензин, портативные газовые горелки и др. средства.

В связи с этим необходимо в несколько раз увеличить количество подготовительных действий (мероприятий), которые проводятся для оборудования нужных оборонительных сооружений, рубежей и районов. Возможно широкое применение различных инженерных боеприпасов ввиду того, что снег легче поддаётся воздействию инструмента, чем обычная земля, но не нужно забывать и о тех зонах, где поверхность слабо покрыта снегом и под ней находится пласт так называемой многолетней мерзлоты, которая сложно поддаётся обычному воздействию ручных инструментов. Ещё один немаловажный фактор – это оснащение личного состава удобной и одновременно тёплой экипировкой, что довольно проблематично. Также необходимо оснащение подразделений техникой боевого и транспортного назначения, имеющей высокую проходимость, а также создавать дополнительные запасы горючего и смазочных материалов, продовольствия и других необходимых материальных средств для выполнения поставленных задач.

При наступлении в условиях Крайнего Севера все действия привязаны к дорогам или поймам рек, так как по ним проще пройти как технике, так и личному составу, и из-за этого темпы наступления постепенно снижаются.

При ведении наступления по доступным направлениям подразделения действуют на значительных интервалах, организуя при этом дополнительную разведку и боевое охранение на флангах, особенно в период полярной ночи и в других условиях недостаточной видимости. При глубоком снежном покрове и в других сложных условиях атака мотострелковых подразделений обычно осуществляется в пешем порядке (на лыжах) с обходом флангов и выходом в тыл опорных пунктов противника.

В ходе планирования системы огня и способов поражения противника стоит учесть, что ввиду низких температур будет затруднена работа частей и механизмов, возможно попадание снежных масс в канал ствола, что может привести к преждевременному его раздутию. Попадание снега на технику и таяние его может привести к преждевременному выходу из строя прицельных приспособлений, приборов наблюдения и разведки. Также возможно налипание снега на антенны и локаторы, что может привести к потере связи, ориентирования.

При наступлении из непосредственного соприкосновения с противником военнослужащие должны принять меры к заблаговременной подготовке исходного района, уделить при этом особое внимание устройству окопов и траншей для огневых позиций, а также убежищ для обогрева личного состава,

используя при этом имеющиеся ресурсы для строительства и последующей маскировки, зимой – снег.

Очень серьёзные и неприятные проблемы могут возникнуть из-за обильного выпадения осадков (естественного снежного покрова), которые в разных Арктических зонах варьируются от полуметра до трёх метров, и это не предел. Именно поэтому при ведении наступления по глубоким снежным покровам передвижение подразделений осуществляется в пешем порядке (в отдельных случаях с помощью собачьих упряжек) [28, с. 128].

Мотострелковые подразделения, действующие в пешем порядке, передвигаются на лыжах, возможно передвижение в составе упряжек. Действия боевых машин также возможны по снежному насту и ледовому покрову.

Особенности ведения оборонительных действий в условиях Арктики

В ходе ведения оборонительных действий военнослужащие вынуждены бороться с рядом угроз для их здоровья и боеспособности. Воздействие минусовых температур значительно затрудняет работу головного мозга, а соответственно ухудшает процесс принятия решения. Усталость у солдат наступает гораздо быстрее, поскольку выполнение даже элементарных задач требует значительных усилий. Основной защитой военнослужащего в данных условиях становится его одежда. Командиры подразделений в условиях низких температур обязаны требовать строгого соблюдения формы одежды. Обязательно ношение перчаток, которые защищают руки от обморожения и прилипания к металлическим частям вооружения и военной техники, а также головных уборов, поскольку большая часть тепла выходит именно через голову, также необходимо следить за состоянием обуви, тщательно и часто просушивать её, вовремя ремонтировать.

Как правило, переход подразделений к обороне обусловлен активными и особо инициативными действиями противника, однако зимой или же в Арктической зоне это может быть вызвано неблагоприятным влиянием сурового климата и ряда других климатических условий на личный состав, вооружение и военную технику. Именно из-за влияния этих условий мотострелковые и танковые подразделения могут быть вынуждены приостановить наступление и перейти к оборонительным действиям на достигнутом рубеже или на ранее занятом районе. Из-за длительного бурана, метели, пурги, а также возможного резкого понижения температуры воздуха или, напротив, возникновения сильной оттепели и превращения снежного покрова в непроходимые болота, темпы дальнейшего наступления могут существенно снизиться или наступление может вовсе остановиться.

В большинстве случаев именно из-за глубокого снежного покрова подразделения переходят к вынужденным оборонительным действиям, ведь именно сложности передвижения в значительной мере снижают скорость и темп наступления. Именно этот фактор необходимо учитывать военнослужащим, действующим в условиях Арктической зоны. Просто необходимо заставить противника действовать на невыгодных для него рубежах и плацдармах,

наступать на местности с глубоким снежным покровом или покровом с образовавшимся наледями, который имеет естественные препятствия: ямы, валы, овраги; по узким проходам, дефиле, через заснеженные перевалы, холмы, насыпи и даже горы.

С целью обогрева личного состава, укрытия раненых, а также защиты материальных средств целесообразно произвести установку палаток (палаточных городков), создание землянок или строений из льда и снега [29, с. 74].

Самым оптимальным способом ведения боевых действий в арктических условиях является позиционная оборона, так как природные условия не позволяют крупным силам вести себя манёвренно даже на своей территории. С целью прикрытия доступных направлений, дорог, побережий рек, потеря которых может привести к уничтожению подразделений и объектов особой важности, оборона организуется на широком фронте.

Глубокий снежный покров зачастую способствует созданию эффективной и прочной обороны весьма большой площади куда меньшими силами, чем в обычных условиях, поскольку создаёт естественные укрепления и укрытия для обороняющихся подразделений, а также труднопроходимые участки на пути наступления противника. Вследствие этого оборона выстраивается отдельными опорными пунктами, которые, разумеется, заранее подготовлены к ведению круговой обороны и находятся на важных для дальнейших действий противника направлениях. Межпозиционное пространство и открытые стыки прикрываются заранее подготовленными лёгкими инженерными и минными заграждениями, минно-взрывными завалами, а также постановкой сосредоточенных огней артиллерии, миномётной батареи, средств, выделенных для стрельбы прямой наводкой, и других огневых средств.

Одна из новых форм дидактического моделирования подготовки военнослужащих к действиям в условиях Арктики заключается в необходимости включения в тактическую подготовку занятий на современных компьютерных тренажёрах, которые способны моделировать боевую обстановку в арктических условиях (особенности местности, физико-климатических условий, инженерное оборудование позиций, маскировки и др.). Помимо абсолютной безопасности при проведении тренировок, использование тренажёров позволяет значительно экономить боеприпасы и сократить нагрузку на пулеулавливатель в тире [30, с. 74].

В широком смысле применение имитационного моделирования на современных компьютерных тренажёрах – это способ проектирования на ЭВМ модели сложной реальной системы, имитирующих условия общевойскового боя [31].

Моделируя условия Арктики, при использовании на занятиях компьютерных тренажёров, военнослужащие развивают в себе качества, необходимые для будущей профессии, такие как наблюдательность, творческое мышление, пространственное воображение, зрительную и слуховую память, умение быстро принимать решения в сложных ситуациях с учётом минимального времени, самообладание, стойкость и смелость.

Таким образом, современные условия и особенности совершенствования тактической подготовки подразделений Сухопутных войск в Арктике требуют дальнейшего исследования дидактических возможностей моделирования. Систематическое внедрение дидактического моделирования боевых действий в условиях Арктики на занятиях по тактической подготовке улучшит качество подготовки военнослужащих к действиям общевойскового боя, разовьёт военно-профессиональные качества предстоящей военно-профессиональной деятельности в Арктике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штыров, В. А. Арктика и Дальний Восток / В. А. Штыров. – М. : Книжный мир, 2018. – С. 6–9. – Текст : непосредственный.
2. Геранимус, Ю. В. Игра. Модель. Экономика / Ю. В. Геранимус. – М. : Знание, 1989. – С. 76–80. – Текст : непосредственный.
3. Емалетдинова, Г. Э. Взятие турецкой крепости Измаил А.В. Суворовым / Г. Э. Емалетдинова, Н. О. Вязовцева. – Текст : непосредственный // Интеграция наук. – 2017. – № 6 (10). – С. 203–206.
4. Hiller, F. Introduction to Operations Research / F. Hiller, G. Lieberman. – 8th ed. – Boston : McGraw-Hill, 2005. – 1061 p.
5. Taha, H. Operations Research: An Introduction / H. Taha. – 9th ed. – N. Y. : Prentice Hall, 2011. – 813 p.
6. Свечин, А. А. Военная игра / А. А. Свечин. – Текст : непосредственный // Военная мысль. – 1988. – № 10. – С. 54.
7. Мельтюхов, М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1940 годы / М. И. Мельтюхов. – URL: wcrj.narod.ru/meltyukhov/12.html (дата обращения: 12.02.2022). – Текст : электронный.
8. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1 / Г. К. Жуков. – М. : АПН, 1987. – С. 259. – Текст : непосредственный.
9. Шабанов, А. Г. Педагогические основы учебного моделирования военно-профессиональной деятельности в процессе обучения курсантов высших военно-политических училищ : дис. ... канд. пед. наук / Шабанов Анатолий Григорьевич. – М., 1991. – 267 с. – Текст : непосредственный.
10. Гладков, А. В. Моделирование профессионального обучения курсантов в условиях военно-инженерного вуза : дис. ... канд. пед. наук / Гладков Алексей Владимирович. – Н. Новгород, 2006. – 147 с. – Текст : непосредственный.
11. Овчинникова, К. Р. Педагогическое моделирование как современная технология исследования процесса информатизации образования / К. Р. Овчинникова. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2006. – № 4 (40). – С. 3–12.
12. Караяни, А. Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах : диссертация ... д-ра психол. наук : 19.00.14 / Караяни Александр Григорьевич. – М., 1998. – 355 с. – Текст : непосредственный.
13. Рыжих, Д. П. Подготовка курсантов военно-учебных заведений на боевом опыте: в особых условиях : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Рыжих Дмитрий Павлович. – Казань, 2006. – 182 с. – Текст : непосредственный.
14. Жданов, С. А. Повышение эффективности формирования морально-боевых качеств у военнослужащих-контрактников частей и подразделений сухопутных войск : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Жданов Сергей Александрович. – М., 2006. – 278 с. – Текст : непосредственный.

15. Набиуллин, А. Ф. Повышение эффективности формирования морально-боевых качеств у курсантов вузов сухопутных войск : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Набиуллин Альберт Файзрахманович. – Казань, 2011. – 270 с. – Текст : непосредственный.
16. Киселёв, С. В. Формирование компетенции боевого слаживания у будущих офицеров в военном вузе ВДВ : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Киселёв Сергей Викторович. – Рязань, 2021. – 250 с. – Текст : непосредственный.
17. Козырев, Н. А. Педагогическое моделирование как продукт и метод научно-педагогического исследования / Н. А. Козырев, О. А. Козырева. – Текст : электронный // Современная педагогика. – 2015. – № 8. – URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2015/08/4791> (дата обращения: 12.02.2022).
18. Овакимян, Ю. О. Теория и практика моделирования обучения : дис. ... д-ра пед. наук / Овакимян Юрий Оганесович. – М. : МГПИ, 1990. – 286 с. – Текст : непосредственный.
19. Шабанов, А. Г. Моделирование в системе подготовки курсантов высших военно-учебных заведений : монография / А. Г. Шабанов. – Новосибирск : Изд-во НВИ, 1998. – 158 с. – Текст : непосредственный.
20. Тихонкина, Н. Г. Моделирование процесса интеграции психолого-педагогической составляющей в содержание высшего технического образования : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Тихонкина Наталья Геннадьевна. – Новосибирск, 2000. – 172 с. – Текст : непосредственный.
21. Евстропов, Е. С. Моделирование системы патриотического воспитания курсантов высших военно-учебных заведений : дис. ... канд. пед. наук / Евстропов Евгений Сергеевич. – Новокузнецк, 2005. – 185 с. – Текст : непосредственный.
22. Кудрявцева, В. Ю. Военно-профессиональная подготовка курсантов высших военно-учебных заведений к педагогической деятельности в войсках : дис. ... канд. пед. наук / Кудрявцева Виктория Юрьевна. – Казань, 2010. – 202 с. – Текст : непосредственный.
23. Григорьев, Ю. В. Моделирование процесса дистанционного группового обучения студентов вуза : дис. ... канд. пед. наук / Григорьев Юрий Владиславович. – Чебоксары, 2012. – 204 с. – Текст : непосредственный.
24. Снигирев, А. Л. Учебное моделирование в процессе формирования военно-профессиональных компетенций будущих офицеров : монография / А. Л. Снигирев, Е. Ю. Суховецкая, И. Д. Хомяков. – Новосибирск : Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, 2014. – 124 с. – Текст : непосредственный.
25. Педенко, Н. П. Основы теории боевой эффективности общевойсковых соединений : монография / Н. П. Педенко. – М. : ВАФ, 1994. – Текст : непосредственный.
26. Иванов, С. С. Методологические основы описания процессов общевойскового боя при имитационном моделировании / С. С. Иванов, Н. П. Педенко, О. С. Таненя. – Текст : непосредственный // Военная мысль. – 2020. – № 3. – С. 74–83.
27. Чибриков, О. Н. Обоснование модели обучения курсантов военно-физкультурного вуза выживанию в полевых условиях : дис. ... канд. пед. наук / Чибриков Олег Николаевич. – СПб. : ВИФК, 2012. – 174 с. – Текст : непосредственный.
28. Федак, Е. И. Совершенствование методики обучения курсантов применению ездовых собак и упряжек для действий в Арктических районах / Е. И. Федак, П. Ю. Потяев. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2 (81). – С. 125–128.

29. Потяев, П. Ю. Методические особенности обучения военнослужащих мотострелковых подразделений (арктических) сооружению снежных укрытий для действий в арктических условиях / П. Ю. Потяев, К. А. Пшеничников – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4 (83). – С. 73–76.

30. Грищенко, В. В. Информационные технологии в управлении, обучении, правоохранительной деятельности / В. В. Грищенко // Использование электронных тренажеров в обучении курсантов ФСИН России приемам и правилам стрельбы из боевого оружия : сборник материалов V Международной электронной научной конференции. – Вологда, 2018. – С. 71–74. – Текст : непосредственный.

31. Имитационное моделирование систем – искусство и наука : [Пер. с англ.] / под ред. Е. К. Масловского. – М. : Мир, 1978. – 418 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Shtyrov V.A. *Arktika i Dalniy Vostok* [The Arctic and the Far East]. Moscow, Knizhny Mir, 2018. Pp. 6–9.

2. Geranimus Yu.V. *Igra. Model. Ekonomika* [Game. Model. Economics]. Moscow, Znaniye, 1989. Pp. 76–80.

3. Emaletdinova G.E., Vyazovtseva N.O. *Vztyatiye turetskoy kreposti Izmail A.V. Suvorovym* [The capture of the Turkish fortress Izmail by A.V. Suvorov]. *Integratsiya nauk = Integration of Sciences*, 2017, No. 6 (10), pp. 203–206. (In Russian).

4. Hiller F., Lieberman G. *Introduction to Operations Research*. Boston, McGraw-Hill, 2005. 1061 p.

5. Taha H. *Operations Research: An Introduction*. N.Y., Prentice Hall, 2011. 813 p.

6. Svechin A.A. *Voennaya igra* [War game]. *Voennaya Mysl = Military Thought*, 1988, No. 10, p. 54. (In Russian).

7. Meltyukhov M.I. *Upushchenny shans Stalina. Sovetskiy Soyuz i bor'ba za Yevropu: 1939–1940 gody* [Stalin's missed chance. The Soviet Union and the struggle for Europe: 1939–1940]. Available at: URL: wry.narod.ru/meltyukhov/12.html. (In Russian).

8. Zhukov G.K. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memories and Reflections]. Moscow, APN, 1987, vol. 1. P. 259.

9. Shabanov A.G., *Pedagogicheskiye osnovy uchebnogo modelirovaniya voyenno-professional'noy deyatel'nosti v protsesse obucheniya kursantov vysshikh voyenno-politicheskikh uchilishch* [Pedagogical foundations of educational modeling of military-professional activity in the process of training cadets of higher military-political schools]. Cand. diss. Moscow, 1991. 267 p.

10. Gladkov A.V. *Modelirovaniye professional'nogo obucheniya kursantov v usloviyakh voyenno-inzhenerenogo vuza* [Modeling of professional training of cadets in the conditions of a military engineering university]. Cand. diss. Nizhny Novgorod, 2006. 147 p.

11. Ovchinnikova K.R. *Pedagogicheskoye modelirovaniye kak sovremennaya tekhnologiya issledovaniya protsessa informatizatsii obrazovaniya* [Pedagogical modeling as a modern technology for studying the process of informatization of education], *Obrazovaniye i nauka = Education and Science*, 2006, No. 4 (40), pp. 3–12. (In Russian).

12. Karayani A.G. *Psikhologicheskoye obespecheniye boyevykhdeystviy lichnogo sostava chastey Sukhoputnykh voysk v lokal'nykh voyennykh konfliktakh* [Psychological maintenance of fighting of personnel of parts of Ground forces in local military conflicts]. Doct. diss. Moscow, 1998. 355 p.

13. Ryzhykh D.P. *Podgotovka kursantov voyenno-uchebnykh zavedeniy na boyevom opyte: v osobykh usloviyakh* [Training of cadets of military educational institutions basing on combat experience in special conditions]: Cand. diss. Kazan, 2006. 182 p.

14. Zhdanov S.A. Povysheniye effektivnosti formirovaniya moral'no-boyevykh kachestv u voyennosluzhashchikh-kontraktnikov chastey i podrazdeleniy sukhoputnykh voysk [Increasing the effectiveness of the formation of morale-combat qualities among contract servicemen of units and divisions of the ground forces]. Cand. diss. Moscow, 2006. 278 p.

15. Nabiullin A.F. Povysheniye effektivnosti formirovaniya moral'no-boyevykh kachestv u kursantov vuzov sukhoputnykh voysk [Increasing the effectiveness of the formation of moral-combat qualities among cadets of higher educational institutions of the ground forces]: Cand. diss. Kazan, 2011. 270 p.

16. Kiselev S.V. Formirovaniye kompetentsii boyevogo slazhivaniya u budushchikh ofitserov v voyennom vuze VDV [Formation of the competence of combat coordination among future officers in a military university of the Airborne Forces]: Cand. diss. Ryazan, 2021. 250 p.

17. Kozyrev, N.A., Kozyreva O.A. Pedagogicheskoye modelirovaniye kak produkt i metod nauchno-pedagogicheskogo issledovaniya [Pedagogical modeling as a product and method of scientific and pedagogical research]. *Sovremennaya pedagogika = Modern Pedagogy*, 2015. No. 8. Available at: <http://pedagogika.snauka.ru/2015/08/4791>. (In Russian).

18. Ovakimyan, Yu.O. Teoriya i praktika modelirovaniya obucheniya [Theory and practice of teaching modeling]. Doct. diss. Moscow, MSPI, 1990. 286 p.

19. Shabanov A.G. Modelirovaniye v sisteme podgotovki kursantov vysshikh voyenno-uchebnykh zavedeniy: monografiya [Modeling in the system of training cadets of higher military educational institutions: monograph]. Novosibirsk: NMI, 1998. 158 p.

20. Tikhonkina N.G. Modelirovaniye protsessa integratsii psikhologo-pedagogicheskoy sostavlyayushchey v sodержaniye vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya [Modeling of the process of integration of the psychological and pedagogical component into the content of higher technical education]. Cand. diss. Novosibirsk, 2000. 172 p.

21. Evstropov E.S. Modelirovaniye sistemy patrioticheskogo vospitaniya kursantov vysshikh voyenno-uchebnykh zavedeniy [Modeling the system of patriotic education of cadets of higher military educational institutions]. Cand. diss. Novokuznetsk, 2005. 185 p.

22. Kudryavtseva V.Yu. Voyenno-professional'naya podgotovka kursantov vysshikh voyenno-uchebnykh zavedeniy k pedagogicheskoy deyatel'nosti v voyskakh [Military-professional training of cadets of higher military educational institutions for pedagogical activity in the troops]. Cand. diss. Kazan, 2010. 202 p.

23. Grigoriev Yu.V. Modelirovaniye protsessa distantsionnogo gruppovogo obucheniya studentov vuza [Modeling the process of distance group learning of university students]. Cand. diss. Cheboksary, 2012. 204 p.

24. Snigirev A.L., Sukhovetskaya E.Yu., Khomyakov I.D. Uchebnoye modelirovaniye v protsesse formirovaniya voyenno-professional'nykh kompetentsiy budushchikh ofitserov: monografiya [Educational modeling in the process of formation of military-professional competencies of future officers: monograph]. Novosibirsk, Novosibirsk Military Institute of Internal Troops named after General of the Army I.K. Yakovlev of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 124 p.

25. Pedenko N.P. Osnovy teorii boyevoy effektivnosti obshchevoyskovykh soyedineniy. Monografiya [Fundamentals of the theory of combat effectiveness of combined arms formations. Monograph]. Moscow, VAF, 1994.

26. Ivanov S.S., Pedenko N.P., Tanenya O.S. Metodologicheskiye osnovy opisaniya protsessov obshchevoyskovogo boya pri imitatsionnom modelirovanii [Methodological bases for describing the processes of combined arms combat in simulation modeling]. Voennaya mysl = Military Thought, 2020, No. 3, pp. 74–83. (In Russian).

27. Chibrikov O.N. Obosnovaniye modeli obucheniya kursantov voyenno-fizkul'turnogo VUZa vyzhivaniyu v polevykh usloviyakh [Substantiation of the model of teaching cadets of a military physical education university to survive in the field]. Cand. diss. St. Petersburg, MIPC, 2012. 174 p.

28. Fedak E.I., Potyaev P.Yu. Sovershenstvovaniye metodiki obucheniya kursantov primeneniyu yezdovyykh sobak i upryazhek dlya deystviy v Arkticheskikh rayonakh [Improving the methodology for teaching cadets the use of sled dogs and teams for actions in the Arctic regions]. Mir nauki, kultury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education, 2020, No. 2 (81), pp. 125–128. (In Russian).

29. Potyaev P.Yu., Pshenichnikov K.A. Metodicheskiye osobennosti obucheniya voyennosluzhashchikh motostrelkovyykh podrazdeleniy (arkticheskikh) sooruzheniyu snezhnykh ukrytiy dlya deystviy v arkticheskikh usloviyakh [Methodological features of training military personnel of motorized rifle units (arctic) in the construction of snow shelters for operations in arctic conditions]. Mir nauki, kultury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education, 2020, No. 4 (83), pp. 73–76. (In Russian).

30. Grishchenko V.V. Informatsionnyye tekhnologii v upravlenii, obuchenii, pravookhranitel'noy deyatel'nosti [Information technologies in management, training, law enforcement]. Sbornik materialov V mezhdunarodnoy elektronnoy nauchnoy konferentsii. Ispol'zovaniye elektronnykh trenazherov v obuchenii kursantov FSIN Rossii priyemam i pravilam strel'by = Collection of Materials of the V International Electronic Scientific Conference "The Use of Electronic Simulators in Training Cadets of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Methods and Rules of Firing from Military Weapons", Vologda, 2018, pp. 71–74. (In Russian).

31. Imitatsionnoye modelirovaniye sistem – iskusstvo i nauka [Simulation of systems – art and science]. Ed. by E.K. Maslovsky. Moscow, Mir, 1978. 418 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Федак, Е. И. Дидактическое моделирование боевых действий в условиях Арктики на занятиях по тактической подготовке военнослужащих подразделений сухопутных войск / Е. И. Федак, Г. С. Дворников, П. Ю. Потяев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 67–79.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Fedak Y. I., Dvornikov G. S., Potyaev P. Y. Didactic Modeling of Combat Actions in Conditions of the Arctic, at the Classes of Tactical Training for Military Personnel of the Ground Forces Units / Y. I. Fedak, G. S. Dvornikov, P. Y. Potyaev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 67–79. (In Russian).

УДК 37.026.8

**ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
КОМПЬЮТЕРНЫХ ТРЕНАЖЕРНЫХ КОМПЛЕКСОВ
В АВТОМОБИЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ
ВУЗОВ ВНГ РФ**

Е.И. Федак, А.А. Костин

**HISTORICAL AND PEDAGOGICAL ANALYSIS OF THE USE
OF COMPUTER TRAINING COMPLEXES
IN THE AUTOMOTIVE TRAINING OF CADETS
OF UNIVERSITIES OF THE VNG OF THE RUSSIAN FEDERATION**

E.I. Fedak, A.A. Kostin

Аннотация. В статье представлен всесторонний взгляд на тему применения компьютерных тренажерных комплексов (симуляторов вождения) в автомобильной подготовке. Начиная с проведения историко-педагогического анализа по трем историческим периодам, они охватывают проблемы различных технологий моделирования и конструкции симуляторов вождения используемых для учебных целей. Определены тенденции развития и применения автомобильных тренажеров в автомобильной подготовке по каждому историческому периоду. Далее рассмотрены основные типы тренажерных комплексов, применяемые в настоящее время.

Abstract. The article presents a comprehensive view on the use of computer training systems (driving simulators) in automotive training. Starting with a historical and pedagogical analysis of three historical periods, the problems of various modeling technologies and the design of driving simulators used for educational purposes are covered. The trends in the development and use of auto simulators in automotive training for each historical period are determined. Further, the main types of training complexes currently used are considered.

Ключевые слова: историко-педагогический анализ, компьютерные тренажерные комплексы, автомобильная подготовка, профессиональная подготовка, обучение курсантов.

Keywords: historical and pedagogical analysis, computer training complexes, automotive training, professional training, training of cadets.

Поддержание безопасности дорожного движения является одной из важных задач, стоящих перед государством. Дорожно-транспортные происшествия наносят большой демографический и экономический ущерб. Например, всего на улицах и дорогах страны в 2020 году зарегистрировано 145 073 дорожно-транспортных происшествия, в которых погибли 16 152 человека и получили ранения 183 040. 88,6 % дорожно-транспортных происшествий произошли по вине водителей транспортных средств [2, с. 4, 7].

В связи с этим главным направлением в повышении безопасности дорожного движения, на мой взгляд, является улучшение качества их подготовки, в том числе и за счет применения тренажерных комплексов на занятиях по автомобильной подготовке.

В результате проведения историко-педагогического анализа научных источников, использования компьютерных тренажерных комплексов в автомобильной подготовке курсантов вузов ВНГ РФ. Предполагающего опору на исторические этапы становления и развития автомобильной техники, тренажеров и автомобильной подготовки. Были выделены несколько основных периодов: первый (1932–1973 гг.); второй (1973–1992 гг.); третий (1992 г. – по настоящее время).

Первый период интеграции тренажеров статического, механического и динамического типов в системе профессиональной подготовки курсантов автомобильных и бронетанковых учебных подразделений (1932–1973 г.)

В предвоенные годы (1931–1941 гг.) – созданные автомобили и артиллерийские тягачи, оказали огромное влияние на организацию, подвижность и энерговооруженность войск. В начале 1932 г. на заводе им. Сталина в Москве наладили серийный выпуск автомобилей АМО-3, он стал базовым образцом для разработки в дальнейшем более совершенного автомобиля ЗИС-5.

В апреле 1932 г. началось серийное производство автомобилей ГАЗ-АА на новом автозаводе, построенном под Горьким.

В 1932 г. Ярославский завод наладил производство автомобиля ЯГ-10 с двумя задними ведущими мостами, выходившего серийно до 1934 г. Вместо этой машины на Московском автозаводе с декабря 1933 г. стали выпускать трехосный автомобиль ЗИС-6. Несколько позже, с 1934 г., трехосную машину ГАЗ-ААА начал выпускать и Горьковский автозавод. Через два года на заводе наладили производство легковых автомобилей ГАЗ-М1 для различных штабов и тыловых учреждений Красной армии.

Первым полно приводным (4х4) автомобилем стал пятиместный легковой ГАЗ-61, созданный конструктором В.А. Грачевым в 1939 г.

Данный технический прогресс потребовал подготовки специалистов, которые бы могли грамотно эксплуатировать новые образцы вооружения военной техники (ВВТ). Также совершенствование методики обучения и учебно-материальной базы. В это время начали использовать первые тренажеры для обучения вождению автомобиля. Советская военная энциклопедия 1932 года дает следующее определение автомобильному тренажёру: «прибор для первой стадии обучения управлению автомобилем... представляет собой деревянную модель автомобиля (натуральной величины), приборы управления которого соединены с цветными лампочками, помещенными на переднем щитке (радиаторе) и показывающими по элементам работу учащегося. Для создания иллюзии работы двигателя в автомобильных тренажёрах устанавливается мотор в $\frac{1}{8}$ лошадиных сил с трещоткой, соединенной с акселератором, надавливая на педаль которого учащийся получает нужное слуховое впечатление работы мотора. Основными элементами работы учащегося на автомобильном тренажере, показываемыми электрическими лампочками, являются: руль вправо, руль влево, тормоз ножной, тормоз ручной, акселератор, показатели передач...» [4, с. 273]. Далее в определении энциклопедия указывала, что «после работы на автотренажере учащиеся,

сядая на действительный автомобиль, быстро овладевают техникой его управления» [4, с. 274].

К началу Великой Отечественной войны подготовка офицеров-автомобилистов велась в двух местах:

- военно-транспортной академии, в которой с 1939 г. был образован факультет автотранспортной и дорожной службы с двумя специальностями: автоэксплуатационной и дорожной, срок обучения по которым составлял 4 г. 8 мес.;
- в академии моторизации и механизации Рабоче-крестьянской Красной армии, где готовили специалистов высшей квалификации автомобильной службы. Но обе академии именно для автомобильных подразделений подготавливали не более 70 человек в год.

В 1939–1940 гг. дополнительно были сформированы Пушкинское автотехническое, Гомельское, Горьковское и Орджоникидзеградское автомобильно-мотоциклетные училища для подготовки командиров и техников автомобильной специальности. Но накануне войны, осуществив только один выпуск, три училища были перепрофилированы в танковые. Даже выпускников Орджоникидзеградского автомобильно-мотоциклетного училища не попадали по предназначению, а направлялись на переквалификацию для танковых войск [1, с. 53].

Из-за этого с первых дней войны потребность в офицерах автомобильной службы катастрофически возросла. В то время для пополнения некомплекта в специалистах в автомобильные части назначались офицеры из кавалерии, танковых и стрелковых войск.

В период Великой Отечественной войны автомобильные тренажёры в учебно-материальной базе в основном не применялись в связи с сокращением сроков обучения и частой сменой места дислокации учебных подразделений.

В первые послевоенные годы учебный процесс строился в соответствии с новой военной доктриной, и с учетом опыта боевого применения автомобильных, механизированных, бронетанковых подразделений в Великой Отечественной войне, появления ядерного, управляемого и высокоточного оружия. Требовалось за короткий период времени внести коррективы в учебные планы и программы, в определение и понимание многих вопросов теории и практики. При проведении занятий и научных исследований стала применяться электронно-вычислительная техника. Организовано изучение новых образцов автомобильной техники, поступавших на вооружение Советской Армии. Возобновлено реальное дипломное проектирование в конструкторских бюро и введена производственная практика слушателей инженерных факультетов на заводах-изготовителях.

Складывается новая система автотехнической подготовки курсантов и слушателей с учётом особенностей и развития теории педагогической науки и военно-технического обучения.

В 50-е годы 20 в. в СССР началась научно-техническая революция. Основной ее особенностью явилось массовое развитие телевидения и первые

попытки его применения в учебных целях [7, с. 180]. В 1959 г. в журналах «Техника кино и телевидения», «Вестник высшей школы» и других изданиях появились первые статьи, в которых рассматривались вопросы применения телевидения при обучении. Для данного исследования важно то, что именно кинотренажеры составляли основу тренажерного парка училищ сухопутных войск довольно продолжительное время.

Но в СССР в послевоенные годы до 1973 г. в основном применялись статические тренажеры. К ним относятся устройства, с помощью которых, изучалась последовательность и порядок действий при управлении автомобилем без воспроизведения рабочих процессов при начальном обучении вождению под руководством инструктора и обучающей приставки.

Конструктивные особенности статических тренажеров данного периода включали:

- открытую кабину со штатными органами управления и контрольно-измерительными приборами автомобиля;
- обучающую электромеханическую приставку с табличками, на которых был нанесен текст команды, которую необходимо выполнить и нахождение органа управления необходимого для выполнения.

Статические тренажеры с фиксированными программами обучения требовали от обучаемого строго определенного порядка действий, любое отклонение от заданной программы классифицируется как ошибка.

Статический тренажер был ориентирован на диалоговый режим работы с обучаемым без вмешательства инструктора, обучаемый читает команду на табличке и при верном действии команда сменяется на следующую.

На данных тренажерах вырабатывались только моторные навыки в действиях с органами управления. В качестве критерия оценки выступала скорость выполнения заданий программы и безошибочность действий.

В ходе проведенного анализа первого периода выявлены следующие тенденции развития автомобильных тренажеров и автомобильной подготовки:

- изготовление тренажеров под образец техники только после начала серийного производства, или закупки большой партии автомобилей одной модели;
- применение тренажеров только для первой стадии обучения управлению автомобилем, отработка базовых моторных навыков и ознакомление с органами управления;
- отсутствие автомобильных тренажеров в учебно-материальной базе в период Великой Отечественной войны в связи с сокращением сроков обучения и частой сменой места дислокации учебных подразделений;
- с появлением первых тренажеров их использовали для ознакомления с рабочим местом водителя и отработки моторных навыков управления;
- образование и развитие учебных заведений по подготовке офицеров и младших специалистов автомобильной службы;
- выделение автомобильной подготовки в отдельную дисциплину при подготовке офицерских кадров в вузах для разных родов войск и служб и др.

Следующим значимым этапом развития тренажёров стал период интеграции автомобильных тренажёров кинопроекторного типа в образовательном процессе вузов ВВ МВД СССР (1973–1992 гг.).

Развитие процесса военно-специальной подготовки курсантов и слушателей. Постановка новых задач обучения и воспитания в вузах уже в начале 70-х гг. Создали условия для разработки, изготовления и применения более совершенных технических средств обучения. Они стали играть важную роль в активизации учебной деятельности обучаемых, расширения пределов передачи, приема и усвоения учебного материала, рационального управления качеством военно-специальной и автомобильной подготовки, обеспечения её контроля, индивидуализирование обучения, повышение самостоятельности при овладении знаниями, навыками, умениями.

Были разработаны динамические кинопроекторные тренажеры. К ним относятся тренажеры, базирующиеся на методах физического или математического моделирования, воспроизводящие частично или полностью рабочий процесс управления объектом. Разработка первого поколения динамических тренажеров вождения кинопроекторного типа стала возможной благодаря развитию радиоэлектроники, на базе ламповых усилителей (1973–1980 гг.) и интегральных микросхем (1980–1992 гг.).

Каждый комплекс таких тренажеров состоял из пульта преподавателя, четырех рабочих мест обучаемых, и общего экрана с кинопроекторной установкой. Каждое рабочее место напоминало кабину того или иного автомобиля с соответствующими органами управления. Окружающая дорожная обстановка воспроизводилась на сферических экранах теневой проекции.

Учебные кабины могли поворачиваться вокруг вертикальной оси, устанавливаясь фиксировано в двух основных положениях: в направлении к индивидуальному или общему экрану. Каждое рабочее место комплектовалось тремя дисками цветной теневой проекции, создающими различную обстановку. Ошибки обучаемого автоматически фиксировались индикаторами и регистрировались фиксирующими счетчиками.

Общее информационное табло (экран) воспроизводило до 18 различных команд, которые подаются либо автоматически, в определенном порядке, либо по воле преподавателя. На табло могут также воспроизводиться дорожные знаки и сигналы светофора.

Если рассмотреть динамические тренажеры бронетанковой техники (БТТ) этого периода, например, унифицированный тренажер танка ТТВ-172М. То они конструктивно выполнялись по принципу «один обучаемый – один инструктор», то есть тренажерный комплекс состоит из места обучаемого и места инструктора. Динамический тренажер позволял отрабатывать следующие задачи при обучении:

- проводить часть операций по подготовке объекта БТТ к вождению;
- обучать действиям органами управления и ориентироваться по показаниям контрольно-измерительных приборов, при выполнении упражнений согласно курсу вождения;

- визуализировать информацию о внешних условиях через штатные приборы наблюдения, показания приборов и световой индикации;
- осуществлять сопровождение движения тренажера звуковой имитацией работы агрегатов, двигателя и динамическим воздействием на вестибулярный аппарат обучаемого.

При этом внутреннее пространство тренажера соответствовало рабочему месту механика-водителя объекта БТТ. Принцип действия тренажера заключался в имитации скорости движения за счет изменения скорости перемотки киноплёнки.

Техника управления оценивалась по двум критериям: скоростному и трассовому. Повышение скорости и снижение трассового параметра до минимальных значений, установленных для данного фильма и упражнения, определяли достигнутый уровень подготовки обучаемого.

Существенным недостатком этого тренажера являлось то, что отсутствует логическая связь между скоростью движения и вестибулярной нагрузкой. Практика применения таких тренажеров показала, что усложнение его конструкции привело к достаточно высокой стоимости, однако не позволило поставить вопроса об экономии моторесурсов или сокращении срока обучения, хотя и принесло определенный положительный учебный эффект [3, с. 7–8, 18, 20, 23].

В ходе проведенного анализа второго периода выявлены следующие тенденции развития автомобильных тренажеров и автомобильной подготовки:

- изменение в конструкционной модели тренажера (переход от системы взаимодействия «обучаемый – тренажер» к «обучаемый – тренажер – инструктор»);
- переход к использованию тренажеров, эмитирующих частично или полностью управление автомобилем во время движения, с помощью которых водители получили возможность тренироваться в определенных дорожно-транспортных ситуациях и др.

Следующий третий период (с 1992 г. по настоящее время). Период интеграции в тренажёрной автомобильной подготовке компьютерных технологий и технологий виртуальной реальности.

Начинается данный период с разработки и выпуска нового изделия – телевизионного тренажера, в 1992 г. государственным предприятием СКБ-НПП в г. Муром (созданном на базе СКБ завода им. Орджоникидзе) который открыл эпоху тренажеров третьего поколения.

Телевизионный тренажер имел в своем составе:

1) кабину с телемонитором, установленным перед прибором наблюдения, гидроустановку, оснащенную двухступенным электро-гидроприводом, перемещающим кабину по тангажу и крену в диапазоне $\pm 15^\circ$; имитатор визуальной обстановки, который включает в себя:

- макет местности в виде замкнутой ленты с нанесенными на ней трассами пяти упражнений курса вождения. Конструкторский макет местности выполнен в масштабе 1:10 и имитирует местность размером 80х960 м;

- модель машины с датчиками касания (касания днищем, переднего, заднего и боковых касаний) и видеокамерой. В зависимости от варианта реализации, устанавливалась либо черно-белая, либо цветная видеокамера. Модель машины имеет управление по повороту и поперечному, относительно ленты, перемещению;

- систему освещения из набора галогенных ламп;

2) пульт инструктора, дополнительно включающий электронно-вычислительную машину с двумя мониторами (1-й, дублирующий видеoinформацию водителя, и 2-й, предоставляющий дополнительный канал визуализации о положении машины на местности) [5, с. 6–12].

Модернизация компьютерного комплекса телевизионного тренажера позволила создать наиболее развитую информационную систему учебного транспортного средства. Несмотря на то, что специализированная электронно-вычислительная машина телевизионного тренажера была разработана на микропроцессорном комплекте КР 580 (аналог 8-разрядного процессорного комплекта Intel 8080), который выполняет многие задачи, нереализуемые средствами аналоговой техники, однако технические возможности комплекта не позволяли имитировать визуальную обстановку. Тем не менее, заложенная структурная схема телевизионного тренажера и отработанные методы обучения и аттестации, могут считаться классическими для последующих моделей тренажеров.

В настоящее время в зависимости от целей обучения применяют различные виды компьютерных тренажерных комплексов их еще можно назвать «симулятором вождения» автомобиля.

Термин «симулятор вождения в контексте обучения и оценки водителей» обязательно является широким, чтобы охватить широкий спектр интерфейсов моделирования. Они варьируются от интерфейсов реального автомобиля с высокой точностью, установленных на высокотехнологичных движущихся платформах, которые имеют от двух до шести степеней свободы, до стандартных интерфейсов персонального компьютера с низкой точностью (один экран, мышь и клавиатура) без движения. Хотя точность симулятора может в некоторой степени влиять на результаты, симулятор максимальной точности не всегда является лучшим вариантом для обучения или оценки, учитывая потенциальные сложности программирования и обслуживания такого устройства. Кроме того, ошибки в точности могут повлиять на работу симулятора до такой степени, что он перестанет имитировать реальный автомобиль. Не исключено, что это может привести к неправильной выработке моторных навыков у начинающих водителей. В контексте обучения водителей-новичков валидность симулятора имеет большее значение, чем точность. То есть обеспечить возможность переноса отработанных навыков на реальное вождение [7, с. 2].

В ходе проведенного анализа третьего периода выявлены следующие тенденции развития автомобильных тренажеров и автомобильной подготовки:

- приоритет в тренажёрной подготовке технологий виртуальной реальности, способствующих отработке контраварийных приемов и действий в аварийных ситуациях, а также моделирования действий в едином виртуальном пространстве непосредственно на конкретном виде вооружения военной специальной техники;

- значительная модернизация методики автомобильной подготовки курсантов на основе компьютерных тренажерных комплексов, в основном за счет развития аудиовизуального ряда и реалистичности имитации движения;

- изменение, при практической работе курсантов на тренажёрах, временных нормативов и количественно-качественное увеличение объема отрабатываемых учебных задач и упражнений;

- привлечение профессорско-преподавательского состава к совершенствованию программного обеспечения автомобильных тренажеров в связи с постановкой на вооружение защитных автомобилей нового типа и активным развитием практики их служебно-боевого применения;

- изменение объёмов теоретической и тренажёрной автомобильной подготовки курсантов в пользу практического вождения, в связи с интенсификацией формирования первичных умений и навыков управления автомобилем и др.

Таким образом, применение компьютерных тренажерных комплексов в автомобильной подготовке курсантов имеет свою историю развития. Новые требования к качеству подготовки специалистов войск потребовали создания и применения более совершенных тренажерных комплексов. Они стали необходимы для активизации учебной деятельности обучаемых, расширения пределов передачи, приема и переработки учебного материала, рационального управления процессом подготовки, усиления самостоятельности и индивидуализации при приобретении знаний, навыков и умений, обеспечения контроля их усвоения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автомобильная техника. Автомобильные войска. Автомобильная служба. – М. : Воениздат, 1982. – Текст : непосредственный.
2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2020 год : информационно-аналитический обзор. – М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2021. – 79 с. – Текст : непосредственный.
3. Масанов, А. Н. Танковые тренажеры. Введение компьютерных технологий / А. Н. Масанов, С. С. Садыков, В. Е. Малов. – Муром, 2002. – С. 7–8, 18, 20, 23. – Текст : непосредственный
4. Советская военная энциклопедия. Т. 1. А–Аэродром. – М. : Огиз, 1932. – С. 273–274. – Текст : непосредственный.
5. Тренажер ТТВ-3-950М. Технический проект по теме ОКР «Транскрипция-950». Пояснительная записка. – Муром : СКБ-НПП, 1993. – 212 с. – Текст : непосредственный.
6. Bouchner, P. Interactive Driving Simulators – History, Design and their Utilization in area of HMI Research.// international journal of systems applications, engineering & development Volume 10. – 2016. – P. 179–188.
7. Filtness, Ashleigh J and Megan // How would changing driver training in the Queensland licensing system affect road safety? Deliverable 2 : Simulators for skill acquisition training and assessment, and their impact on road safety. – 2013. – November. – P. 62.

REFERENCES

1. Avtomobil'naya tekhnika. Avtomobil'nye voyska. Avtomobil'naya sluzhba [Automotive technology. Automobile Troops. Automotive service.] Moscow, Voenizdat, 1982.
2. Dorozhno-transportnaya avariyst' v Rossiyskoy Federatsii za 2020 god. Informacionno-analiticheskiy obzor [Road traffic accidents in the Russian Federation for 2020. Informational analytical report]. Moscow, FSI "SC RS MIA RF", 2021. 79 p.
3. Masanov A.N., Sadykov S.S., Malov V.E. Tankovye trenazhery. Vvedenie komp'yuternykh tekhnologiy [Tank trainers. Introduction of computer technology]. Murom, 2002. P. 7–8, 18, 20, 23.
4. Sovetskaya voennaya enciklopediya [Soviet military encyclopedia]. Moscow, Ogiz, vol. 1, 1932. P. 273, 274.
5. Trenazher TTV-3-950M. Tekhnicheskiy proekt po teme OKR "Transkripsiya-950". Poyasnitel'naya zapiska [TTV-3-950M simulator. Technical project on the theme of R&D "Transcription-950". Explanatory Note]. Murom, SCB-SPE, 1993. P. 212.
6. Bouchner P. Interactive Driving Simulators – History, Design and their Utilization in area of HMI Research. International journal of systems applications, engineering & development, 2016, vol. 10, pp. 179–188.
7. Filtness Ashleigh J. and Megan How would changing driver training in the Queensland licensing system affect road safety? Deliverable 2: Simulators for skill acquisition training and assessment, and their impact on road safety, 2013, November, p. 62.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Федак, Е. И. Историко-педагогический анализ использования компьютерных тренажерных комплексов в автомобильной подготовке курсантов вузов ВНГ РФ / Е. И. Федак, А. А. Костин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 80–88.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Fedak E. I., Kostin A. A. Historical and Pedagogical Analysis of the Use of Computer Training Complexes in the Automotive Training of Cadets of Universities of the VNG of the Russian Federation / E. I. Fedak, A. A. Kostin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 80–88. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 34

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

С.Д. Багдасарян, Т.М. Гришина

HISTORICAL ROOTS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA

S.D. Bagdasaryan, T.M. Grishina

Аннотация. Статья посвящается анализу генезиса института местного самоуправления как формы общественной организации и саморегулирования. Рассматривается дискуссия о построении модели местного самоуправления в исторической перспективе. Россия обладает уникальным цивилизационным феноменом: государственностью более тысячи лет и одновременно всего три десятилетия выстраивания суверенной политической и социально-культурной государственной организации уже с учетом достижений правовых доктрин о построении правового демократического государства. С помощью исторического дискурса систематизированы подходы к оформлению российской модели местного самоуправления. Выявлены расхождения в определении функционального места института самоуправления в системе государственных органов власти. Практическая значимость исследования выражается в применении теоретических и практических форм организации института местного самоуправления в России в соответствии с государственными задачами развития гражданской инициативы в решении вопросов самоорганизации населения.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the genesis of the institution of local self-government as a form of public organization and self-regulation. The discussion on the construction of a model of local self-government in the historical perspective is considered. Russia has a unique civilizational phenomenon: statehood for more than a thousand years and at the same time only three decades of building a sovereign political and socio-cultural state organization, taking into account the achievements of legal doctrines on the construction of a democratic state based on the rule of law. With the help of historical discourse, the approaches to the design of the Russian model of local self-government are systematized. Discrepancies in the definition of the functional place of the institution of self-government in the system of state authorities are revealed. The practical significance of the study is expressed in the application of theoretical and practical forms of organization of the institute of local self-government in Russia in accordance with the state objectives of the development of civil initiative in solving issues of self-organization of the population.

Ключевые слова: местное самоуправление, конституционное строительство, институт, общественная организация, подходы, дискурс.

Keywords: local government, constitutional construction, institution, public organization, approaches, discourse

Организация местного самоуправления в парадигме исторического развития органов государственного управления занимает особое место, определяющее возможности граждан на самоорганизацию, участия в разрешении коммунальных проблем. В научном сообществе сложился концепт рассмотрения местного самоуправления как института гражданского общества. Модель самоуправления формируется под влиянием множества факторов: исторических форм развития государственности; взаимодействия власти и общества; уровня развития социально-экономических отношений; гражданской инициативы в решении местных вопросов. Местное самоуправление в России прошло длительную эволюцию, неоднократно реформировалось в зависимости от политических программ и государственных задач. Именно такое историческое взаимодействие и вызывает научную и общественную дискуссию в правовой оценке оформления модели российского самоуправления в системе государственной власти и гражданского общества.

С конца 1980-х – середины 1990-х гг. в российской юридической науке началась новая дискуссия о реорганизации модели советского самоуправления, как несоответствующей европейским и мировым тенденциям. Далее последовал шквал публикаций, посвященных очередному юбилею Земской и Городской реформ Александра II в 2010-х гг. Во всех научных [1, с. 142–147] и общественных дискуссиях [2, с. 85–93] идущих уже не первое десятилетие новейшей истории России необходимо констатировать отсутствие общего подхода к выделению вех в развитии местного самоуправления [3, с. 92–100], концептуальных взглядов в теоретическом осмыслении общественного института. Авторы в зависимости от политических и культурно-идеологических установок времени либо жестко критиковали советскую историю местного самоуправления (публикации 1990-х гг.), определяя ее псевдосамоуправлением, то стали превозносить завоевания советской демократии на местах в последние годы [4, с. 5–15].

В отечественной науке в 2010-е гг. стал торжествовать более объективный взгляд на эволюцию местного самоуправления в России, но сохраняются различные позиции в оценке ее истоков и определении хронологических звеньев в генезисе института. С реформой 2020 г. и внесением поправок в Конституцию РФ 1993 г. актуализирована проблема развития институтов публичной власти.

Первым подходом является выявление истоков общественного самоуправления со времен развития племенных союзов на территории Восточно-европейской равнины в догосударственный период закладывания основ публичной власти вождей (князей), ее обосновывают К.Н. Локшина [5, с. 76–87], Н.В. Постовой [6, с. 5–9]. Эта идиома основывается на различных письменных источниках, позволяющих рассматривать общинную самоорганизацию в разрешении внутренних и внешних конфликтов как изначальное функциональное предназначение самоуправления.

Второй подход определяет начало складывания общественного самоуправления с формированием государственных институтов у восточных

славян и представлен исследованиями В.И. Васильева [7], О.Е. Кутафина, В.И. Фадеева [8], последние сыграли важнейшую роль в разработке современных основ муниципального права. Такая концепция базируется на развитии роли народного собрания (Вече) в городской жизни средневекового города, особенно при анализе вечевого организации городов Северо-Запада русских земель (Великий Новгород, Псков) и ряд других городов Древней Руси (Владимир, Полоцк, Смоленск, Тверь, Белгород, Киев, Ростов, Чернигов...). Городская система управления этих городов имеет общее с представительными структурами европейских вольных городов Северной Италии и Германии [9, с. 30–36].

В исследовании С.М. Маркова [10, с. 144–155] подчеркивается, что вечевого строй как форма феодальной (боярской) республики стал такой системой государственных отношений, который позволял иметь различные возможности воздействия сословий Новгорода на организацию властных структур. Политико-правовые процессы управления развивались через выборы высших должностных лиц, делегирование представителей в судебные органы княжеской администрации, создание структур общинного урегулирования споров (третейский (арбитраж), окружной, уличанский, суд старост и просто переговоры спорщиков – альтернатива княжескому суду). Происходило зарождение правового института медиации в лице неофициальных переговорщиков-примирителей, оказывающих содействие в разрешении спора без применения принуждения.

Следующий этап связан с оформлением централизованного государства в первой половине XVI в. Проведение реформ Иваном IV Васильевичем в середине 1550-х гг. [11, с. 144–155] ознаменовалось созданием местного управления в системе земских и губных изб, которые получили полномочия исполнительной, судебной, распорядительной, правоохранительной власти на основе выбора сословно-представительных лиц (земских, губных старост, целовальников).

Развитие российской абсолютной монархии в XVIII в. повлекло реформирование органов местного управления в рамках доктрины единства власти, отказа от представительного начала и создание административного бюрократического аппарата. Правовую основу реформ Екатерины II (1775–1785 гг.) составили важнейшие правовые акты («Учреждение для управления губерний 1775 г.», «Устав благочиния 1782 г.», «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 1785 г.», «Грамота на права и выгоды городам Российской империи 1785 г.»), которые вызвали глубокие изменения в системе местного управления и сословного самоуправления в России.

Император Павел I, так же как и Петр I, проводил политику, направленную на системную централизацию и укрепление вертикали государственной власти. Главной задачей административной реформы Павла I было укрупнение губерний, что позволяло прийти к основной цели – эффективной управляемости государством, что как мы видим актуально и сегодня.

Ограничения городского и дворянского самоуправления, общая бюрократизация государственного аппарата, а также иные шаги привели систему российского местного самоуправления в состояние серьезного подчинения верховной власти, укрепив при этом власть личную и центральных органов государства, то есть основы местного самоуправления, заложенные Екатериной II, отвергнуты.

Следующая веха по масштабности и глубине проработки «великие реформы» Александра II имели задачу внесения конструктивных изменений во властную систему на государственном и местном уровнях. Высочайше утвержденные правовые акты «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1 января 1864 г. и «Городовое Положение» 16 июня 1870 г. послужили правовой основой в процессе проведения реформе местного самоуправления. В соответствии с Городским уставом 1870 г. были сформированы органы городского самоуправления – городские избирательные собрания, городские думы (представительные и административные органы), избранные на четыре года, и городские советы (исполнительные органы), избранные городскими думами на срок их полномочий власти. Земское губернское собрание обладало широкими полномочиями по решению хозяйственных вопросов в масштабах определенной губернии, а постоянно действующим органом являлась губернская земская управа, состоящая из председателя и шести членов, выбранных губернским собранием, со сроком полномочий три года.

В процессе деятельности губернских и уездных органов местного самоуправления велись жаркие дискуссии по вопросу эффективности и прогрессивности такой системы, а также вопрос о доминировании имущественного ценза. Но по сей день остается бесспорным тот факт, что земства были в высшей степени жизнеспособными и обеспечивали хорошо организованное и эффективно функционирующее подлинное местное самоуправление, готовое противостоять российской развитой государственной бюрократической машине и отстаивать интересы местного сообщества. Александра III ставил задачу административного контроля и правовые акты «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 г., «Городовое положение» от 11 июня 1892 г., закрепившие в своих нормах усиление государственного контроля над органами МСУ, закреплению земских учреждений, в качестве особого звена государственных учреждений в аппарате управления России, а также расширению представительства в них дворянства. Данный исторический период можно назвать отправной точкой формирования государственной теории самоуправления.

После завершения Октябрьской революции 1917 г. была полностью ликвидирована старая система самоуправления, упразднены городские и земские управления, а оставшиеся органы вошли во вновь созданную единую государственную власть (аппарат местных Советов), а первая российская Конституция 1918 г. законодательно закрепила место в структуре во властных

структурах, а также определила их правовой статус во взаимоотношениях с центральными органами власти.

Изначально доминировавшие принципы организации самоуправления самостоятельности, независимости и децентрализации власти, не были реализованы на практике, так как советское государство пошло по пути жесткой централизации. Систему властных органов на местах составили: областные, губернские (окружные), уездные (районные) и волостные съезды Советов, городские и сельские Советы и их исполнительные комитеты, избираемые Местным Советом из числа депутатов для выполнения текущей работы и выступавшие как представители органов государственной власти. Согласно Конституции РСФСР 1937 г., население все звенья представительной системы в Российской Федерации избирались населением на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Срок полномочий местных Советов менялся на протяжении советского периода от двух (согласно Конституции РСФСР 1937 г.) до пяти лет (согласно последним изменениям, внесенным в 1989 году, в Конституцию РСФСР 1978 года). При исполнении своих полномочий избранные народом депутаты должны были руководствоваться общегосударственными интересами и реализовывать, так называемые, «наказы» своих избирателей, перед которыми они впоследствии и отчитывались о результатах своей деятельности. Упомянутые наказы (поручения), формально отдаваемые депутатам избирателями, должны были учитываться при разработке планов социального и экономического развития территорий, практически разрабатывались вышестоящими государственными органами. Выполнялись из них только те, на которые у государства имелись финансовые и материальные ресурсы. Принцип демократического централизма, заложенный при рождении Советского государства, реализовывался на всем протяжении существования СССР. Такое положение помогало осуществлять главную цель – полный контроль над всеми органами управления государства в руках аппарата партийных (Коммунистической партии Советского Союза) органов.

В 80-е годы XX в. (в эпоху «перестройки») предпринимались попытки реорганизации старой и формирования новой системы, но важным шагом на пути строительства местного самоуправления можно назвать Закон СССР № 1417-1 09.04.1990 «Об общих началах МСУ и местного хозяйства в СССР», определивший само понятие «местное самоуправление», его функциональное предназначение, тенденции в формировании материально-финансовой базы, основные полномочия местных органов для решения вопросов местного значения и возможности в реализации самоорганизации граждан. Закон РСФСР от 06.07.1991 № 1550-I «О местном самоуправлении в РСФСР» внес определенные коррективы (например, местные Советы названы представительными органами), однако, не произошло изменений в их организационной структуре и разделении компетенций. Принятие Конституции 1993 г. помогло радикально изменить сложившееся в СССР институциональное положение местного самоуправления и законодательно закрепить концепцию о децентрализации

государственного управления, гарантированности деятельности и самостоятельности органов МСВ в решении вопросов местного значения.

Проведя ретроспективный анализ исторических фактов в сфере возникновения, развития и функционирования местного самоуправления в России имеет глубокие исторические корни, влияющие на модель и культуру участия граждан в их работе. В настоящий момент российское местное самоуправление относится к модели, заданной теорией муниципального дуализма (возникшей в 80-е годы XX века), суть которой заключается в возможности эффективной связи между индивидом, обществом и государством, в лице своих властных органов и должных лиц. Теория муниципального дуализма исходит из двойственной природы местного самоуправления [12, с. 39–50] и ориентирована на сохранение самостоятельности местных сообществ и государственных интересов, то есть органы МСУ в процессе своей деятельности выходят за рамки местных интересов и решают определенные государственные задачи. Значение практического изучения данной теории чрезвычайно важно для развития российской государственности после последней конституционной реформы 2020 г., поскольку современные федеральные программы и стратегии устойчивого развития, закрепляя перспективы развития самоуправления, основываются не на противопоставлении его государству, а в их тесном взаимодействии друг с другом.

Принципиальным новшеством, осуществившим перенос уровня органов местного самоуправления в сферу самого тесного взаимодействия с государственной властью, явилось установление системы «публичной власти», не существовавшей в предыдущей редакции действующей Конституции России. Появление единой системы публично-властных органов в государстве было вызвано необходимостью создания механизма эффективного взаимодействия между органами государственной и муниципальной власти с условием расширения и укрепления сферы компетенции и властных полномочий органов местного самоуправления. Конституционные новеллы-2020, создали актуальные предпосылки для широкого обновления федерального законодательства (как следствие, всей нормативно-правовой базы России), в том числе в сфере деятельности местного самоуправления, поскольку именно таким образом конституционно-правовые нормы должны быть развиты и детализированы. Следует отметить, что сама конституционно-правовая норма не является достаточной гарантией для ее эффективного правоприменения, а исторический опыт учит, что порой, нормы вносимых законопроектов противоположны смыслу нормы Основного Закона государства. Следовательно, необходимо уделить самое пристальное внимание к качеству законодательных инициатив в сфере деятельности местного самоуправления, с целью придания этой работе нужного государству и обществу России вектора развития.

В теоретических же концепциях модернизации российского общества значение местного самоуправления как формы социального управления определяется возможностью создания оптимальных условий социального

регулирования, наиболее полно учитывающих потребности населения. Найденное на современном этапе исторического развития компромиссное решение нуждается в: глубокой законодательной проработке правовой базы, регулирующей вопросы предназначения, организации и деятельности МСУ; тенденций в разграничении полномочий между уровнями публичной власти в России и иерархии правовых норм, а также научного подхода к выявлению актуальных проблем, вставших на пути дальнейшего развития института местного самоуправления как неотъемлемого фактора совершенствования механизма взаимодействия граждан, форм гражданского общества и публичных институтов государственной власти РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельникова, Р. И. Новации в современных подходах к реформированию местного самоуправления в Российской Федерации / Р. И. Мельникова. – Текст : непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 5 (35). – С. 142–147.
2. Баразгова, Е. С. К истории местного самоуправления в России: эволюция отечественных теорий / Е. С. Баразгова/ – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – 2017. – № 5 (48). – С. 85–93.
3. Ящук, Т. Ф. Эволюция местного управления и самоуправления в России / Т. Ф. Ящук. – Текст : непосредственный // Правоприменение. – 2017. – № 1. – С. 92–100.
4. Бовыкин, В. В. Постсоветская историография о местном самоуправлении в русском государстве XVI в. / В. В. Бовыкин. – Текст : непосредственный // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. – 2010. – № 3. – С. 101–108.
5. Локшина, К. Н. Местное самоуправление в России: самобытная история формирования (до начала XX в.) / К. Н. Локшина. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова. История и политология. – 2014. – № 2. – С. 76–87.
6. Постовой, Н. В. Местное самоуправление: история, теория, практика / Н. В. Постовой. – М., 1995. – 185 с. – Текст : непосредственный.
7. Васильев, В. И. Местное самоуправление: история и современная практика / В. И. Васильев. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2015. – № 3 (219). – С. 5–15.
8. Кутафин, О. Е. Муниципальное право Российской Федерации : учебник / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2011. – 672 с. – Текст : непосредственный
9. Устоев, А. В. Развитие местного самоуправления в России: социально-исторический ракурс / А. В. Устоев. – Текст : непосредственный // Научный вестник МГТУ. Серия: История, философия, социология. – М., 2007. – № 113. – С. 30–36.
10. Марков, С. М. Судебное право вечевой Новгородской республики XI–XIII вв.: история медиации в Древней Руси / С. М. Марков. – Текст : непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2016. – Т. 18. – С. 144–155.
11. Лаврова, А. В. Реформа местного управления Петра I. Актуальные вопросы местного самоуправления в РФ / А. В. Лаврова, Г. М. Чербаева. – Текст : непосредственный // Сборник научных статей по итогам I Всероссийской научно-практической конференции, посвященной дню МСУ, г. Стерлитамак. – 2018. – С. 79–82.

12. Чертков, А. Н. Государство и местное самоуправление в России: принцип единства публичной власти и проблемы разграничения её компетенции / А. Н. Чертков. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 2. – С. 39–50.

REFERENCES

1. Melnikova R.I. Novatsii v sovremennykh podkhodakh k reformirovaniyu mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii [Innovations in modern approaches to the reform of local self-government in the Russian Federation]. Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences, 2014, No. 5 (35), pp. 142–147. (In Russian).

2. Barazgova E.S. K istorii mestnogo samoupravleniya v Rossii: evolyutsiya otechestvennykh teoriy [On the history of local self-government in Russia: the evolution of domestic theories]. Voprosy upravleniya = Issues of Management, 2017, No. 5 (48), pp. 85–93. (In Russian).

3. Yashchuk T.F. Evolyutsiya mestnogo upravleniya i samoupravleniya v Rossii [The evolution of local government and self-government in Russia]. Pravoprimereniye = Law enforcement, 2017, No. 1, pp. 92–100. (In Russian).

4. Bovykin V.V. Postsovetskaya istoriografiya o mestnom samoupravlenii v russkom gosudarstve XVI v. [Post-Soviet historiography of local self-government in the Russian state of the XVI century]. Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istoriya = Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2. History, 2010, No. 3, pp. 101–108. (In Russian).

5. Lokshina K.N. Mestnoye samoupravleniye v Rossii: samobytnaya istoriya formirovaniya (do nachala XX v.) [Local self-government in Russia: the original history of formation (before the beginning of the XXth century)]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya = Bulletin of M. A. Sholokhov Moscow State University of Humanities. History and Political Science, 2014, No. 2, pp. 76–87. (In Russian).

6. Postovoy N.V. Mestnoye samoupravleniye: istoriya, teoriya, praktika [Local self-government: history, theory, practice]. Moscow, 1995. 85 p.

7. Vasiliev V.I. Mestnoye samoupravleniye: istoriya i sovremennaya praktika [Local self-government: history and modern practice]. Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law, 2015, No. 3 (219), pp. 5–15. (In Russian).

8. Kutafin O.E., Fadeev V.I. Munitsipal'noye pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik [Municipal law of the Russian Federation: textbook]. Moscow, Prospekt, 2011. 672 p.

9. Ustoyev A.V. Razvitiye mestnogo samoupravleniya v Rossii: sotsial'no-istoricheskiy rakurs [The development of local self-government in Russia: socio-historical perspective]. Nauchnyy vestnik MGTU. seriya: Istoriya, filosofiya, sotsiologiya = Scientific Bulletin of MSTU. Series "History, Philosophy, Sociology", Moscow, 2007, No. 113, pp. 30–36. (In Russian).

10. Markov S.M. Sudebnoye pravo vechevoy Novgorodskoy respubliki XI–XIII vv.: istoriya mediatsii v Drevney Rusi [The judicial law of the Vechev Novgorod Republic of the XI–XIII centuries: the history of mediation in Ancient Russia]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedeniye" = News of Irkutsk State University. Series "Political Science. Religious studies", 2016, vol. 18, pp. 144–155. (In Russian).

11. Lavrova A.V. Cherbaeva G.M. Reforma mestnogo upravleniya Petra I. Aktual'nyye voprosy mestnogo samoupravleniya v RF [The reform of local government of Peter I. Topical issues of local self-government in the Russian Federation]. Sb. nauch. st. po itogam I Vseros. nauch.-prakt. konferentsii, posvyashchennoy dnyu MSU. g. Sterlitamak = Collection of Scientific Articles of the I All-Russian Scientific Practical Conference Dedicated to the Day of MSU, Sterlitamak, 2018, p. 79–82. (In Russian).

12. Chertkov A.N. Gosudarstvo i mestnoye samoupravleniye v Rossii: printsip yedinstva publichnoy vlasti i problemy razgranicheniya yeyo kompetentsii [The state and local self-government in Russia: the principle of unity of public power and the problems of differentiation of its competence]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "Jurisprudence", 2020, No. 2, pp. 39–50. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Багдасарян, С. Д. Исторические корни местного самоуправления в России / С. Д. Багдасарян, Т. М. Гришина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 89–97.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bagdasaryan S. D., Grishina T. M. Historical Roots of Local Self-Government in Russia / S. D. Bagdasaryan, T. M. Grishina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 89–97. (In Russian).

УДК 902.01

**БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ
«ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА „ВОЛНА 1“»**

И.А. Гараев

**BRONZE ARROWHEADS FROM THE BURIALS
OF THE "GROUND BURIAL "VOLNA 1"**

I.A. Garaev

Аннотация. В статье рассказывается о наконечниках стрел из погребальных комплексов «Грунтового могильника „Волна 1“» (V–III вв. до н. э.), который расположен в юго-западной части Таманского полуострова. Автор предлагает типологию наконечников стрел, основанную на традиционных принципах классификации. Для всех типов и подтипов были найдены ближайшие аналогии, позволившие выделить регионы, которые могли стать источником появления рассматриваемых наконечников стрел на Таманском полуострове. На основе датировки погребальных комплексов были выделены хронологические группы, которым соответствовали определенные подтипы наконечников стрел и прослежена их эволюция. Прделанная работа позволяет в будущем использовать данную категорию погребального инвентаря в качестве источника при реконструкции не только военных, но и политических, этнических процессов в древнем Причерноморье.

Abstract. The article describes the arrowheads from the burial complexes of the "Ground burial "Volna 1" (V–III centuries BC), which is located in the southwestern part of the Taman Peninsula. The author suggests a typology of arrowheads based on traditional principles of classification. The closest analogies were found for all types and subtypes which made it possible to identify regions that could be the source of the appearance of the arrowheads in question on the Taman Peninsula. Based on the dating of the burial complexes chronological groups were identified which corresponded to certain subtypes of arrowheads and their evolution was traced. The accomplished work makes it possible to use this category of burial equipment in the future as a source for the reconstruction of not only military but also political, ethnic processes in the ancient Black Sea Region.

Ключевые слова: типология, погребение, наконечник стрелы, аналогия, колчаный набор, скифы, Северное Причерноморье, хронология.

Keywords: typology, burial, arrowhead, analogy, quiver set, Scythians, Northern Black Sea Region, chronology.

В течение четырех лет, с 2015 по 2018 гг., на территории Темрюкского района Краснодарского края, около пос. Волна исследовался грунтовой могильник «Волна 1». Его раскопки проводились силами экспедиции ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур (2015–2018 гг.), а также Сочинской экспедицией ИА РАН под руководством Р.А. Мимохода (2016–2018 гг.). Всего на памятнике было обнаружено 1381 погребение, из которых 782 исследовались экспедицией ООО «Ирида». Именно их материал и был рассмотрен в данной статье¹.

¹ Автор выражает огромную благодарность И.В. Цокур за возможность опубликовать материал и за ценные советы в ходе написания данной статьи.

Объектом изучения стали бронзовые наконечники стрел, которые составляли инвентарь 29-ти погребений (31 % от общего количества погребений с оружием). Сопроводительный инвентарь, состоящий из чернолаковой и бронзовой посуды, монет, предметов вооружения, позволяет датировать выбранные погребения 1-й половиной V – 4-й четвертью IV вв. до н. э. (табл. 3). Погребения были совершены в могилах различных конструкций. В 16-ти случаях (55 %) это были прямоугольные ямы. В 8-ми случаях (28 %) могилы представляли собой ямы овальной формы. Кроме того, можно выделить два грунтовых склепа (7 %), два подбоя (7 %) и одну (3 %) яму круглой формы.

В них совершались как индивидуальные, так и коллективные захоронения. При этом в индивидуальных преобладают мужские – 7 погребений (24,3 %)¹; женщины были захоронены в одном погребении (3 %); в 7-ми индивидуальных погребениях (24,3 %) не удалось установить пол из-за плохой сохранности костяка. Среди коллективных погребений можно выделить 7 парных (24,3 %), в 5-ти из которых были погребены одновременно мужчина и женщина, в одном женщина и не определенный костяк, и в одном мужчина с ребенком; в 7-ми погребениях было похоронено больше 2-х костяков (24,3 %). Как среди парных погребений, так и среди тех, в которых лежали больше двух костяков, отмечен обряд подзахоронения одного или нескольких человек в уже существующую могилу, при этом костяк / костяки предыдущего покойника сдвигались к стенке или аккуратно складывались (8 случаев или 28 % погребений).

Преобладает восточная ориентировка костяков (15 погребений), с отклонением на северо-восток (3 погребения), что составляет в сумме 62 %. Западная ориентировка характерна для 6-ти погребений (21 %), в одном случае присутствует южная (3 %). Наконец, для четырех погребений (14 %) не удалось установить точную ориентировку из-за плохой сохранности костяков или ограбления.

В этих погребениях было найдено 107 бронзовых наконечников стрел. Их классификация проводилась по традиционному методу. Материал, из которого они были изготовлены, определяет категорию, класс – способ насада, группу – поперечное сечение головки, отдел соответствует форме головки, которая образуется расходящимися от вершины лопастями или гранями, тип – углу, образуемому между лопастями / гранями и насадом, подтип – размеру насада. В свою очередь, внутри подтипов выделяются варианты в зависимости от размерных характеристик наконечников. В итоге были выделены три категории: бронзовые, железные, костяные. Каждая из категорий, в свою очередь, разбивается на два класса: втульчатые и черешковые.

В категории бронзовых представлен только 1-й класс – втульчатые, который подразделяется на три группы по форме поперечного сечения боевой

¹ Обработка антропологического материала проводилась А.Н. Абрамовой – научным сотрудником Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицина.

головки: А – трехлопастные, Б – трехгранные, В – трехлопастные с граненым острием. Первые две группы довольно стандартны, но при выделении третьей автор пошел вслед за теми исследователями, которые выделяют в особый отдел бронзовые наконечники стрел, имеющие граненое острие, переходящее к основанию в лопасти [15, с. 267–268; 11, с. 43–44].

Внутри групп наконечники объединяются в отделы по профилям головок: I – сводчатый; II – остролистный; III – башнеобразный; IV – треугольный. Нумерация отделов выдержана в относительной хронологической последовательности, поскольку многими исследователями отмечалась смена архаических сводчатых и остролистных форм более изящными треугольными [11, с. 45].

Каждый отдел разбивается на типы, определяемые формой основания головки, которую образует угол между лопастью/гранью и насадом. В результате выделяются типы: 1 – лопасти / грани срезаны под тупым углом; 2 – лопасти / грани срезаны под углом, близким к прямому; 3 – одна или все лопасти / грани срезаны под острым углом, в результате чего получается «шип».

Типы, в свою очередь, делятся на подтипы по длине втулки: 1 – с длинной втулкой; 2 – с короткой втулкой; 3 – со скрытой втулкой. Варианты подтипов выделяются по следующим признакам: размеры наконечников, формы и размеры ложков. Вышеописанную классификацию можно представить в виде таблицы, поля которой соответствуют тому или иному параметру наконечников. А каждый наконечник имеет свою ячейку в такой таблице и может быть описан формулой по совокупности признаков. Например, K1 A OI T2 П1. Тогда такую формулу можно прочесть так: бронзовый втульчатый наконечник, имеющий трехлопастное перо сводчатой формы с ровно обрезанными лопастями и длинной втулкой.

Группа «А» является самой многочисленной и представлена 73-я наконечниками, распределяющимися по четырем отделам.

Отдел I. Сводчатая форма головки:

Тип 2. Лопасты обрезаны ровно.

Подтип 1. С длинной втулкой – 1 экз. Был широко распространен в архаическое время (VII–VI вв.¹) в Поволжье, Северном Причерноморье и на Кавказе [17, с. 46]. К 1-й половине V в. в колчанных наборах номадов он встречается в единичных экземплярах [17, с. 47; 12, с. 21–23].

Подтип 2. С короткой втулкой – 2 экз. Преобладал у савроматов Поволжья, особенно самаро-уральской группы, у скифов встречался гораздо реже [17, с. 47]. Ближайшими аналогиями являются 3 стрелы из колчанного набора кургана № 49, погребения № 3 Елизоветовского могильника [21, с. 66, рис. 1], а также 1 наконечник из погребения № 13 грунтового могильника Артющенко-2 [10, с. 246]. Оба погребения авторы датируют 1–2 чет. V в. Концом V – началом IV вв. датируются наконечники подтипа 2 из погребений Тузлинского некрополя [18, с. 22].

¹ Здесь и далее все даты до н. э.

Подтип 3. Скрытая втулка – 3 экз. Появляется в Северном Причерноморье в VI в., на рубеже VI–V вв. распространяется на восток, в Поволжье [17, с. 49]. Нечасто наконечники подтипа встречаются в погребениях V в. Тузлинского могильника [18, с. 22]; Артющенко-2 [10, с. 233]; Елизоветовского могильника [21, с. 66, рис. 1]. Как минимум один наконечник найден в слое разрушения Фанагории, который датируется рубежом V – началом IV вв. [6, с. 76–78, рис. 1].

Но в погребениях Восточного Крыма таких наконечников найдено больше. Один входил в состав колчанного набора из 23 стрел погребения А 171 некрополя Нимфея [4, с. 75, 247]. Несколько десятков таких стрел составляли набор погребения № 1 кургана № 4 у с. Ильчево. Пять наконечников обнаружено в курганах № 9, 10 у того же села [20, с. 140–150].

Тип 3. Лопасты обрезаны под острым углом и опущены вниз. На могильнике представлен лишь одним подтипом.

Подтип 3. Скрытая втулка – 3 экз. Это наиболее распространенный тип трехлопастных стрел в V в. к востоку от р. Волга [17, с. 50]. Именно контактами с савроматами Поволжья объясняется появление этого подтипа у скифов, для которых, впрочем, он редок [17, с. 51; 12, с. 21, таб. V]. На территории Боспора этот редкий тип, кроме могильника Волна-1, отмечен все в том же погребении А 171 некрополя Нимфея [4, с. 75, 247].

Отдел II. Остролистная форма головки.

Тип 1. Лопасты обрезаны под тупым углом.

Подтип 1. Длинная втулка – 3 экз. Встречается довольно часто как у савроматов, так и у скифов еще с конца VII в., но не позднее V в. [17, с. 45].

Подтип 2. Обрезанная втулка – 3 экз., Преобладающим этот подтип был в колчанах самаро-уральской группы савроматов, у скифов встречался редко [17, с. 47, таб. II, VIБ].

Тип 3. Лопасты обрезаны под острым углом.

Подтип 2. С обрезанной втулкой – 2 экз. Подобный тип был широко представлен в колчаных наборах Поволжья на протяжении V в. [17, с. 47, таб. II, VIБ, III, III2]. Западнее, в Скифии, такие наконечники распространяются с середины V в. [12, с. 21]. Ближайшей аналогией наконечникам подтипа б является наконечник из кургана № 6 у с. Зеленый Яр, в Восточном Крыму [20, с. 176–178, рис. 26,4].

Отдел III. Башнеобразная форма головки.

Тип 1. Лопасты обрезаны под тупым углом.

Подтип 1. С длинной втулкой – 1 экз. Это типично «скифский» тип наконечника, восточнее Дона встречается в единичных экземплярах [5, с. 237, карта 1]. А.И. Мелюковой появление башнеобразного типа с длинной втулкой относится к середине VI в., но господствуют они уже в следующем столетии вплоть до середины IV в. [12, с. 22, 24, таб. V].

Подтип 2. С короткой втулкой – 2 экз. На территории Скифии подтип с короткой втулкой встречается в комплексах сер. V – сер. IV вв. [12, с. 24, таб. V]. Ближайшие аналогии найдены в курганных погребениях Елизоветовского могильника, которые датируются 2-й чет. – сер. V в. [21, с. 64, рис. 1, I,2].

Тип 2. Лопасты обрезаны ровно.

Подтип 2. Короткая втулка – 7 экз.

Подтип 3. Скрытая втулка – 4 экз. Аналогии наконечникам типа 2 известны преимущественно в курганах 2–3 чет. V – начала IV вв. [5, с. 160, 161, рис. 29–31; 12, с. 24, таб. V, II,9]. Однако, похожие наконечники и в архаических погребениях Тузлинского могильника [18, с. 21, рис. 12,7].

Тип 3. Лопасты обрезаны под острым углом.

Подтип 2. С короткой втулкой – 1 экз. Помимо скифских степных памятников [5, с. 237, карта 1], наконечники подтипа найдены только в погребениях IV в. Елизаветовского могильника [21, с. 164, рис. 2,10].

Отдел IV. Треугольная форма головки.

Тип 1. Лопасты обрезаны под тупым углом.

Подтип 1. С длинной втулкой – 2 экз. Известны, преимущественно, на нижнем Дону и в Прикубанье [12, с. 24, таб. V, II-4,10a], куда этот тип стрелы мог попасть с территории савроматов [17, с. 47, таб. III, IX,8,37,38]. Аналогии подтипу довольно редки, видимо к середине V в. он уже вышел из употребления. Можно назвать только погребения 1-й пол. V в. Елизаветовского могильника [21, с. 64, рис. 1,5] и курганные погребения Восточного Крыма [4, с. 74, таб. 94,5; 20, с. 148, рис. 5,18].

Подтип 2. С короткой втулкой – 4 экз. Подтип появляется в Северном Причерноморье в середине V в., но особенно широко распространяются в IV–III вв. [17, с. 49, таб. III, IX; 12, с. 23, 29, таб. V, II-4]. Наибольшее количество аналогий отмечаются в подкурганных погребениях V–IV вв. Елизаветовского могильника [21, с. 64, рис. 1,5, рис. 2,4,10], а также среди стрел, найденных в слое пожара конца V в. в Фанагории [6, с. 77, рис. 1,46]. Единичные экземпляры подтипа известны в Восточном Крыму [20, с. 171–172, рис. 23,4].

Тип 2. Лопасты обрезаны ровно.

Подтип 1. С длинной втулкой – 3 экз. Единственная аналогия подтипу известна из кургана № 37 Елизаветовского могильника, датирующегося второй половиной V в. [21, с. 64, рис. 1,4].

Подтип 3. Скрытая втулка – 4 экз. Подтип появляется во второй половине V в. и господствует в курганах Северного Причерноморья в IV в. [12, с. 23]. Ближайшие аналогии подтипу находятся в слое пожара конца V в. в Фанагории [6, с. 77], а также один наконечник найден в наборе погребения 2-й половины V в. Елизаветовского могильника [21, с. 64, рис. 1,4]. Отдельные наконечники со скрытой втулкой встречаются в погребениях конца VI – IV вв. некрополя Нимфея [4, с. 47, 73–74, 84, 96 таб. 30,3; 94,5; 122,5; 136,5], Пантикапея и подкурганных погребениях V–III вв. Восточного Крыма [20, с. 141, рис. 4,5; с. 155, рис. 8,5].

Тип 3. Лопасты обрезаны под острым углом.

Подтип 1. С длинной втулкой – 2 экз. Один из наконечников имеет массивную головку, К.Ф. Смирновым такие наконечники были отнесены к варианту типа IX, характерному для савроматов Поволжья в V в. [17, таб. III, B-36].

А.И. Мелюковой появление таких стрел у скифов отмечается во второй половине VI в. [12, с. 21, таб. V, II-3-7], причем со второй половины V в. они встречаются очень редко [12, с. 23]. Второй обладает более легкими пропорциями, имеет вытянутую головку. Этот тип стрелы появляется у скифов во второй половине V в., и господствует в IV–III вв. [17, с. 49, таб. III, IX-B,Г]. Аналогичного подтипу на территории Боспора удалось найти только в кургане 2-й пол. V в. Елизоветовского могильника [21, с. 64, рис. 1,4]. Видимо к концу V в. этот тип стрелы здесь уже вышел из употребления.

Подтип 2. С короткой втулкой – 10 экз. Подобные наконечники были широко распространены с середины V в. до середины III в. [12, с. 23–29, таб. V].

Прежде всего выделяются погребения 2-й четверти – конца V в. Елизоветовского могильника [21, с. 64, рис. 1,1,2,4,5], хотя в погребениях IV в. их найдено гораздо больше (21, рис. 2,3,4,6). Группа подобных наконечников была открыта в слое пожара конца V в. в Фанагории [6, с. 77, рис. 1,14,56]. Одна стрела найдена в колчанном наборе погребения А 171 (конец VI в.) некрополя Нимфея [4, с. 74, таб. 94,5]. Значительно чаще наконечники подтипа 2 встречаются в подкурганных погребениях 1-й пол. IV в. Восточного Крыма [20, с. 138, рис. 2,3; с. 148, рис. 5,18; с. 172, рис. 23,4].

Подтип 3. Со скрытой втулкой – 10 экз. Появляется в погребениях 2-й пол. VI в., но массово встречается во 2-й пол. V – 1-й пол. IV вв. [12, с. 21, 23, таб. V, II-6]. К.Ф. Смирнов отмечал, что этот подтип стрел не характерен для Европейской Скифии, и заимствован у приуральских савроматов, у которых он встречается чаще [17, с. 50–51, таб. II, XIII]. Лишь два подобных наконечника из погребения кургана № 11 у с. Зеленый Яр в Восточном Крыму входили в набор из 16-ти стрел [20, с. 178, рис. 28,8; с. 179].

К группе «Б» были отнесены трехгранные наконечники стрел. Они представлены лишь одним отделом в количестве 13-ти экземпляров.

Отдел IV. Треугольная форма головки.

Тип 1. Грани обрезаны под тупым углом.

Подтип 1. С длинной втулкой – 1 экз. В погребениях скифов этот тип появляется в VI–V вв. К середине V в. он начинает выходить из употребления, хотя в единичных случаях мог употребляться вплоть до середины IV в. [12, с. 22, 24, таб. V, III-2:7]. Ближайшей аналогией является только погребение № 1 кургана № 4 у с. Ильчево в Восточном Крыму [20, с. 141, рис. 4,4-6].

Тип 2. Грани обрезаны ровно.

Подтип 3. Со скрытой втулкой – 1 экз. Появляются в погребениях скифов в VI–V вв. до н. э., ко 2-й половине V в. они начинают встречаться лишь в единичных погребениях вплоть до начала III в. [12, с. 22, 24–25, таб. V, III-4:3]. И снова, аналогии подтипу известны лишь в курганных погребениях Восточного Крыма [20, с. 141; 145, рис. 5,4; с. 155, рис. 8,5; с. 172, рис. 23,4].

Тип 3. Грани обрезаны под острым углом.

Подтип 3. Со скрытой втулкой – 11 экз. Еще один типично «скифский» тип наконечника. Появляется во 2-й половине V в., но преобладает

во 2-й половине IV – начале III вв. [12, с. 24–25, таб. V, III-7:3; III-8:3]. Практически в каждом колчанном наборе курганных погребений Восточного Крыма присутствует от 1 до 14 экземпляров 3-го подтипа. Всего выделено 45 таких наконечников [20, с. 145, рис. 5,4; с. 151, рис. 5,30; с. 156, рис. 8,9; с. 157, рис. 8,11; с. 159, рис. 8,15; с. 163, рис. 17,4; с. 167, рис. 22,2; 172, рис. 23,4; с. 178, рис. 26,4; с. 179, рис. 28,8)].

На европейской стороне пролива подобные стрелы известны в погребениях IV – начала III вв. могильника Виноградный 7 (8 экз.)¹. Ка минимум 8 наконечников обнаружено в слое пожара конца V – начала IV вв. Фанагории [6, с. 77, рис. 1,48].

В группе «В» были собраны наконечники стрел, имеющие трехгранное острие, переходящее в лопасти. В данной группе выделяется 27 экземпляров, объединенных в три отдела.

Отдел I. Сводчатая форма головки.

Тип 1. Лопасти обрезаны под тупым углом.

Подтип 1. С длинной втулкой – 1 экз. Довольно редко встречается на территории Скифии, но чаще – в погребениях приуральских савроматов, у которых, по-видимому, и возник [17, с. 52, таб. IV, III, 11].

Тип 3. Лопасти обрезаны под острым углом.

Подтип 3. Со скрытой втулкой – 2 экз. Скорее всего возник у савроматов [17, с. 56–57, таб. IV, XVБ, 16, 17]. У скифов чаще встречается в погребениях VI–V вв. [12, с. 22, таб. V, III-9:6] и очень редко в последующие периоды [12, с. 25].

Отдел III. Башнеобразная форма головки.

Тип 1. Лопасти обрезаны под тупым углом.

Подтип 1. С длинной втулкой – 2 экз. Как и другие башнеобразные наконечники, массово представлен в погребениях скифов V в. [5, с. 159–161, рис. 1, 2, 3, 5, 11, 22; 12, с. 24, таб. V, II-10:7]. Как минимум в двух погребениях середины – 3-й четв. V в. Елизаветовского могильника найдены подобные наконечники [21, с. 160, рис. 1,1; рис. 2,1]. Обычные в погребениях Правобережного Днепра и Западного Крыма, эти наконечники редко встречаются на левом берегу, и уж совсем являются исключением к востоку от Дона [5, с. 157, карта 1].

Подтип 2. С короткой втулкой – 1 экз. Преобладал в скифских колчан-ных наборах во 2-й пол. VI – 1-й пол. V вв. [12, с. 22, таб. V, II-10:4].

Тип 3. Лопасти обрезаны под острым углом.

Подтип 1. С длинной втулкой – 2 экз. Встречается в скифских погребениях с 1-й пол. V до 2-й пол. IV вв. [5, с. 159–161, рис. 2, 5, 11, 12, 14, 15, 22, 27, 28, 32; 12, с. 24, таб. V, II-10:10].

¹ Автор выражает благодарность Н.И. Судареву за любезно предоставленный материал могильника и ценные консультации при написании данной работы.

Отдел IV. Треугольная форма головки.

Тип 1. Лопасты обрезаны под тупым углом.

Подтип 1. С длинной втулкой – 1 экз. Больше характерен для савроматов, встречаясь в погребениях V в., иногда попадает и на территории Скифии [17, с. 52–53, таб. IV, VA,44], например, в погребении № 3 кургана № 49 (2-я четв. – сер. V в.) Елизаветовского могильника [21, с. 155, рис. 1,1].

Подтип 2. С короткой втулкой – 3 экз. Появился в Скифии во 2-й пол. VI в. откуда попал к савроматам, наибольшее распространение получил в IV–III вв. [17, с. 53, таб. IV, VIB,36; VII,12,15]. Ближайшие аналогии происходят из кургана № 49 Елизаветовского могильника [21, с. 155, рис. 1,1] и погребения № 53 грунтового могильника Виноградный 7 (1-я пол. IV в.).

Тип 3. Лопасты обрезаны под острым углом.

Подтип 2. С короткой втулкой – 6 экз. В скифских памятниках эпизодически появляется во 2-й пол. V – начале IV вв., но значительно чаще встречаются в IV – III вв. [12, с. 24–25, таб. V, III-3:2,3,5; 17, с. 53, таб. IV, VII,88,89; таб. IV, VID,17]. Большинство аналогий найдено в могильниках азиатской стороны Боспора: 2 наконечника в погребении № 1 кургана № 7, а 9 наконечников – в погребении № 53/2016 могильника Виноградный 7 (1-й пол. – сер. IV в.); 1 наконечник обнаружен в слое пожара Фанагории конца V – начала IV вв. [6, с. 77, рис. 1,3]. В Восточном Крыму один наконечник найден в погребении № 2 кургана № 10 у с. Ильичево, а три – в погребении № 3 кургана № 16 у с. Астанино [20, с. 172, рис. 23,4; с. 150, рис. 5,26].

Подтип 3. С скрытой втулкой – 9 экз. Различные варианты подтипа появляются с конца VI в., но массово встречаются в колчанах 2-й пол. IV – начала III вв. [12, с. 21–25, таб. V, II-6:4,7, III-7:1, III-8:6; 17, с. 57, таб. V, XVIII, XVII]. На территории Боспора подобные наконечники отмечены в погребениях середины 2-й пол. IV в. Виноградного 7 (11 экз.). Больше 10 наконечников найдено в курганных погребениях Восточного Крыма [20, с. 138, рис. 2,3; с. 150, рис. 5,26; с. 151, рис. 5,30; с. 167, рис. 22,2; с. 170, рис. 22,4; с. 172, рис. 24,1]. Три стрелы найдены в слое пожара Фанагории конца V в. [6, с. 77, рис. 1,43,71,80].

Весь массив бронзовых наконечников стрел разбивается на несколько хронологических периодов. *Первый период* охватывает 1-ю пол. V в. Сюда входят 3 наконечника из трех разных погребений, относящиеся к K1 В ОШ T1 П1,2 и K1 А ОIV T3 П3, которые характерны для курганных погребений Елизаветовского могильника. Ко *второму периоду* относятся погребения 4-й четв. V – начала IV вв. Сюда входят 73 наконечника, составляющие 68 % от общего количества бронзовых стрел. Из них 62 наконечника составляют 6 колчанных наборов по 5–16 бронзовых наконечников стрел в каждом. В этом периоде представлено большинство из выделенных подтипов (табл. 3). При этом все колчанные наборы значительно отличаются по типовому составу. Детальный их анализ не входит в нашу задачу. Но здесь стоит отметить,

что во втором периоде значительно преобладают подтипы наконечников, характерные, если так можно выразиться, для северных и северо-восточных регионов. Это прежде всего Елизаветовский могильник, а также территории савроматов и скифов правобережья Дона. Наконечники, имеющие аналогии в погребениях Восточного Крыма (курганные погребения степной зоны, некрополь Нимфея), а также в могильнике Виноградный 7 и слое пожара Фанагории, преобладают лишь в 2-х из 6-ти погребений с колчанными наборами. В погребениях с единичными наконечниками также преобладают подтипы, характерные для района нижнего Дона (6 из 11 экз.).

Третий период охватывает 1-ю половину – середину IV в. В него попали 7 наконечников из 5-ти погребений, что составляет 6,5 % от общего количества бронзовых наконечников стрел. Все они относятся к отделу IV групп А, Б и В (K1 A OIV T3 ПЗ; K1 Б OIV T3 ПЗ; K1 В OIV T3 П2; K1 Б OIV T1 П1) и помещались в погребение в количестве 1–3 экз. Выявленные аналогии связывают эти наконечники исключительно с крымскими погребениям, погребениями могильника Виноградный 7 и наконечниками из слоя пожара в Фанагории.

Двадцать четыре стрелы *четвертого хронологического периода*, что составляет 22,4 % от общего количества бронзовых наконечников стрел, датируются 2-й половиной IV в. Найдены они были в 8-ми погребениях как в составе колчанных наборов (в 2-х погребениях), так и в единичных экземплярах. Среди некоторых единичных выделяются два довольно архаичных типа: K1 A OI T2 ПЗ; K1 A OII T1 П1. Остальные, как и в предыдущий период, относятся к отделу IV всех трех групп, правда, господствуют уже другие подтипы: K1 Б OIV T3 ПЗ; K1 В OIV T3 ПЗ. Особенность их состоит в том, что они не встречались в предыдущие периоды (за исключением одного наконечника в 3-м периоде). Как и наконечники третьего периода, абсолютное большинство этих (22 экз.) имеют аналогии с наконечниками из Восточного Крыма, могильника Виноградный 7 и Фанагории. Таким образом, с начала IV в. мы можем наблюдать переориентацию связей типов наконечников стрел с региона Нижнего Дона на Восточный Крым. Возможные причины этих изменений станут темой отдельной работы. В заключение же стоит отметить, что в результате исследования бронзовых наконечников стрел из погребений грунтового могильника Волна 1 удалось не только составить их типологию в зависимости от характерных морфологических особенностей, но и проследить относительную хронологию подтипов, отражающую не только эволюцию стрелкового вооружения, но и, на наш взгляд, экономические, этнические и политические контакты обитателей Волны 1 с различными регионами древнего Причерноморья. Но, как было сказано, освещение этого – тема будущего исследования.

Таблица 1

**Типология бронзовых стрел
из погребений грунтового могильника «Волна 1»**

Категория 1. Бронзовые											
Класс 1. Втульчатые											
Группа А. Трехлопастные											
Отдел I Сводчатая форма головки				Отдел II Остролосовая форма головки				Отдел III Башнеобразная форма головки			
Тип 2 лопасти обрезаны ровно		Тип 3 лопасти обрезаны под острым углом		Тип 1 лопасти обрезаны под тупым углом		Тип 3 лопасти обрезаны под острым углом		Тип 1 лопасти обрезаны под тупым углом		Тип 2 лопасти обрезаны ровно	
Подтип 1 длинная втулка	Подтип 2 короткая втулка	Подтип 3 скрытая втулка	Подтип 3 скрытая втулка	Подтип 1 длинная втулка	Подтип 2 короткая втулка	Подтип 2 короткая втулка	Подтип 1 длинная втулка	Подтип 2 короткая втулка	Подтип 2 короткая втулка	Подтип 3 скрытая втулка	Подтип 3 короткая втулка
Отдел IV Треугольная форма головки											
Тип 1 лопасти обрезаны под тупым углом		Тип 2 лопасти обрезаны ровно			Тип 3 лопасти обрезаны под острым углом						
Подтип 1 длинная втулка	Подтип 2 короткая втулка	Подтип 1 длинная втулка	Подтип 3 скрытая втулка	Подтип 1 длинная втулка	Подтип 2 короткая втулка				Подтип 3 скрытая втулка		
Группа Б. Трехгранные				Группа В. Трехлопастные с трехгранным острием							
Отдел IV Треугольная форма головки				Отдел I Сводчатая форма головки		Отдел III Башнеобразная форма головки		Отдел IV Треугольная форма головки			
Тип 1 границы обрезаны под тупым углом	Тип 2 границы обрезаны ровно	Тип 3 границы обрезаны под острым углом	Подтип 3 скрытая втулка	Тип 1 лопасти обрезаны под тупым углом	Тип 3 лопасти обрезаны под острым углом	Тип 1 лопасти обрезаны под тупым углом	Тип 3 лопасти обрезаны под острым углом	Тип 1 лопасти обрезаны под тупым углом	Тип 3 лопасти обрезаны под острым углом	Тип 3 лопасти обрезаны под острым углом	Подтип 3 скрытая втулка
Подтип 1 длинная втулка	Подтип 3 скрытая втулка	Подтип 3 скрытая втулка	Подтип 3 скрытая втулка	Подтип 1 длинная втулка	Подтип 3 скрытая втулка	Подтип 1 длинная втулка	Подтип 2 короткая втулка	Подтип 1 длинная втулка	Подтип 1 длинная втулка	Подтип 2 короткая втулка	Подтип 3 скрытая втулка

Таблица 2

**Основные параметры бронзовых наконечников стрел
из погребений грунтового могильника «Волна 1»**

Типология				Длина головки	Ширина головки	Длина втулки	Диаметр втулки	Ширина лопастей
Группа А	О I	Т 2	П 1	19 мм	7 мм	8 мм	5 мм	1,6-2 мм
			П 2	16-24 мм	7-8 мм	2 мм	4,6 мм	1,2-1,4 мм
		П 3	П 1	16-26 мм	8-10 мм	—	6-7 мм	1,2-2 мм
	О II	Т 1	П 3	22-40 мм	8-10 мм	—	4-5 мм	2 мм
			П 1	28-30 мм	6-8 мм	6 мм	4-5 мм	1,6-2,4 мм
		П 2	П 1	24-29 мм	7 мм	2-3 мм	4,8-5,4 мм	1,4-1,8 мм
	О III	Т 3	П 2	30-32 мм	8 мм	3,2 мм	5 мм	2-2,6 мм
			П 1	22 мм	6 мм	11,4 мм	5 мм	1 мм
		П 2	П 1	30-38 мм	8 мм	4 мм	5,2-5,6 мм	2 мм
	О IV	Т 2	П 2	22-30 мм	6-8 мм	1,6-2,6 мм	4,8-5,4 мм	1-1,6 мм
			П 3	28-34 мм	6-10 мм	—	4 мм	1-2,8 мм
			П 2	30 мм	7,6 мм	2 мм	6 мм	1,4 мм
		Т 1	П 2	18-20 мм	6-8 мм	12 мм	4 мм	2 мм
			П 1	18-22 мм	6-9 мм	1,2-4 мм	4-6 мм	0,8-2 мм
			П 1	20-26 мм	6-8 мм	6-12 мм	5-6 мм	1,4-2 мм
		Т 2	П 3	22-26 мм	7-8 мм	—	4-5 мм	1,4-2 мм
			П 1	16-24 мм	7-8 мм	7-10 мм	4-5 мм	2 мм
			П 2	18-28 мм	6-9 мм	1,4-6 мм	4-5 мм	1,6-2 мм
		П 3	П 1	20-30 мм	6-10 мм	—	4-5 мм	2 мм
Группа Б	О IV	Т 1	П 1	25 мм	7 мм	6 мм	4 мм	—
		Т 2	П 3	28 мм	8 мм	—	4 мм	—
		Т 3	П 3	22-30 мм	8-9 мм	—	4 мм	—
Группа В	О I	Т 1	П 1	18 мм	6 мм	6 мм	4 мм	1,6 мм
		Т 3	П 3	14-20 мм	8-9 мм	—	4 мм	2 мм
	О III	Т 1	П 1	26-30 мм	6 мм	6 мм	5-5,4 мм	1,2-2 мм
			П 2	20 мм	7 мм	2 мм	4 мм	2 мм
		Т 3	П 1	22-26 мм	7 мм	6 мм	5-6 мм	1,6-2 мм
	О IV	Т 1	П 1	25 мм	6 мм	8 мм	4 мм	1,6 мм
			П 2	26-28 мм	7-8 мм	3-4 мм	4-5 мм	2 мм
		Т 3	П 2	24-28 мм	8-10 мм	3-4 мм	4 мм	2 мм
			П 3	20-30 мм	7-9 мм	—	3,2-4 мм	2-3 мм

Взаимовстречаемость конечников стрел в погребениях грунтового могильника «Волна 1»

[illegible]

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буйских, А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации) / А. В. Буйских. – К. : Стародавній Світ, 2013. – 456 с. – Текст : непосредственный.
2. Бутягин А. М. Кризис V в. до н. э. и феномен воинских погребений Боспора / А. М. Бутягин. – Текст : непосредственный // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира : материалы международной научной конференции. Ч. 1. – СПб. : ИПЦ СПбГУПТД, 2018. – С. 108–114.
3. Виноградов, Ю. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.) / Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008. – 332 с. – Текст : непосредственный.
4. Грач, Н. Л. Некрополь Нимфея / Н. Л. Грач. – СПб. : Наука, 1999. – 328 с. – Текст : непосредственный.
5. Дараган, М. Н. О колчанных наборах скифов первой половины – середины V в. до н. э. (башневидный горизонт) / М. Н. Дараган. – Текст : непосредственный // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья. – 2019. – № 11. – С. 146–245.
6. Завойкин, А. А. Наконечники стрел из раскопок городища Фанагория / А. А. Завойкин. – Текст : непосредственный // Древности Боспора. – Т. 1. – М. : 1998. – С. 74–85.
7. Завойкин, А. А. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I / А. А. Завойкин, Н. И. Сударев. – Текст : непосредственный // Древности Боспора. – Т. 9. – М., 2006. – С. 101–151.
8. Завойкин, А. А. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. II / А. А. Завойкин, Н. И. Сударев. – Текст : непосредственный // Древности Боспора. – Т. 10. – М., 2006. – С. 263–304.
9. Егорова, Т. В. Античная чернолаковая керамика из собрания государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (научный каталог) / Т. В. Егорова. – М. : Тип. НП-Принт, 2017. – 204 с. – Текст : непосредственный.
10. Кашаев, С. В. Некрополь Артющенко-2 / С. В. Кашаев. – Текст : непосредственный // Боспорские исследования. Вып. XXII – Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. – Симферополь–Керчь, 2009. – С. 188–267.
11. Куринских, О. И. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников у с. Покровка) / О. И. Куринских. – Текст : непосредственный // РА. – 2011. – № 3. – С. 42–54.
12. Мелюкова, А. И. Вооружение скифов / А. И. Мелюкова. – Текст : непосредственный // Археология СССР: САИ. – Вып. Д 1–4. – М. : Наука, 1964. – 113 с.
13. Монахов, С. Ю. Керамические комплексы некрополя Панское I / С. Ю. Монахов, Е. Я. Рогов. – Текст : непосредственный // Античный мир и археология. – Вып. 8. – Саратов, 1990. – С. 122–151.
14. Ольховский, В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.) / В. С. Ольховский. – М. : Наука, 1991. – 256 с. – Текст : непосредственный.
15. Очир-Горяева, М. А. Колчанные наборы кочевников скифской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья / М. А. Очир-Горяева. – Текст : непосредственный // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). – Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – С. 265–282.

16. Скифский курган 13 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье / В. С. Синика, С. Д. Лысенко, С. Н. Разумов, О. А. Закордонец. – Текст : непосредственный // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья. – 2020. – № 12. – С. 345–368.
17. Смирнов, К. Ф. Вооружение савроматов / К. Ф. Смирнов. – Текст : непосредственный // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1961. – № 101. – 163 с.
18. Сорокина, Н. П. Тузлинский некрополь / Н. П. Сорокина. – М. : Советская Россия, 1957. – 64 с. – Текст : непосредственный.
19. Сударев, Н. И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации. – Текст : непосредственный // Древности Боспора. – Т. 2. – М., 1999. – С. 213–222.
20. Яковенко, Э. В. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма / Э. В. Яковенко, Е. В. Черненко, В. Н. Корпусова. – Текст : непосредственный // Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы). – К. : Наукова думка, 1970. – С. 136–180.
21. Янгулов, С. Ю. Вооружение и военное дело скифов Нижнего Дона (по материалам Елизаветовского могильника) : дис. ... канд. ист. наук / С. Ю. Янгулов. – М., 2008. – 176 с. – Текст : непосредственный.
22. Snodgrass A. M. Arms and Armor of the Greeks / A. M. Snodgrass. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1999. – 165 pp.
23. Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries B. C. / B. A. Sparkes, L. Talcott // The Athenian Agora. – Vol. XII. – New Jarsey : 1970. – 500 pp.

REFERENCES

1. Buyskikh A.V. Arhaicheskaya raspisnaya keramika iz Ol'vii (vostochnogrecheskaya, lakonskaya, korinfskaya, imitacii) [Archaic painted ceramics from Olbia (East Greek, Laconian, Corinthian imitations)]. Kiev, Starodavniy Svit, 2013. 456 p.
2. Butyagin A.M. Krizis V v. do n.e. i fenomen voinskih pogrebeniy Bospora [The crisis of the 5th century BC and the phenomenon of Bosporus military burials]. Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Chast 1. = The Bosporan Phenomenon. Common and Special in the Historical and Cultural Space of the Ancient World. Materials of the International Scientific Conference, 2018, Part 1, pp. 108–114. (In Russian).
3. Vinogradov Yu.A., Goroncharovskiy V.A. Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n. e. – seredina III v. n. e.) [Military history and military affairs of Bosporus of Cimmeria (VI century BC – middle of III century AD)]. Saint-Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2008. 332 p.
4. Grach N.L. Nekropol' Nimfeya [Necropolis of Nymphaea]. Moscow, Nauka, 1999. 328 p.
5. Daragan M.N. O kolchannyh naborah skifov pervoy poloviny – serediny V v. do n.e. (bashnevidnyy gorizont) [About the quivered sets of the Scythians of the first half – middle of the V century BC (tower-shaped horizon)]. Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo prichernomor'ya = Materials on the Archeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea Region, 2019, No. 11, pp. 146–245. (In Russian).
6. Zavoykin A.A. Nakonechniki strel iz raskopok gorodishcha Fanagoriya [Arrowheads from the excavations of the Phanagoria settlement]. Drevnosti Bospora = Antiquities of Bosporus, 1998, vol. 1, pp. 74–85. (In Russian).

7. Zavoykin A.A., Sudarev N.I. Pogrebeniya s oruzhiem VI–V vv. do n.e. kak istochnik po politicheskoy i voennoy istorii Bospora. Chast' I [Burials with weapons of the VI–V centuries BC as a source for the political and military history of the Bosphorus. Part I]. *Drevnosti Bospora = Antiquities of Bosphorus*, 2006, vol. 9, pp. 101–151. (In Russian).

8. Zavoykin A.A., Sudarev N.I. Pogrebeniya s oruzhiem VI–V vv. do n. e. kak istochnik po politicheskoy i voennoy istorii Bospora. Chast' II [Burials with weapons of the VI–V centuries BC as a source for the political and military history of the Bosphorus. Part II]. *Drevnosti Bospora = Antiquities of Bosphorus*, 2006, vol. 10, pp. 263–304. (In Russian).

9. Egorova T.V. Antichnaya chernolakovaya keramika iz sobraniya gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina (nauchnyy katalog) [Antique chernolac ceramics from the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts (scientific catalog)]. Moscow, NP-Print Printing House, 2017. 304 p.

10. Kashaev S.V. Nekropol' Artyushchenko-2 [Artushchenko Necropolis-2]. *Bosporskie issledovaniya*, vyp. XXII – Stepi Evrazii i istoriya Bospora Kimmeriyskogo = *Bosphoran Studies*, vol. XXII – Steppes of Eurasia and the History of the Cimmerian Bosphorus, Simferopol-Kerch, 2009. pp. 188–267. (In Russian).

11. Kurinskikh O.I. Nakonechniki strel rannih kochevnikov levoberezhnogo Ilek VI–I vv. do n. e. (po materialam mogil'nikov u s. Pokrovka) [Arrowheads of early nomads of the left-bank Ilek of the VII century BC (based on the materials of burial grounds near the village of Pokrovka)]. *Rossiyskaya arheologiya = Russian Archaeology*, 2011, No. 3, pp. 42–54. (In Russian).

12. Melyukova A.I. Vooruzhenie skifov [Weapons of the Scythians]. *Arheologiya SSSR. SAI = Archaeology of the USSR. SAS*, Moscow, Nauka, 1964, vol. D 1-4. 113 p.

13. Monakhov S.Yu., Rogov E.Yy. Keramicheskie komplekсы nekropolya Panskoe I [Ceramic complexes of the Panskoe I necropolis]. *Antichnyy mir i arheologiya = The Ancient World and Archeology*, Saratov, 1990, No. 8, pp. 122–151. (In Russian).

14. Olkhovskiy V.S. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII–III vv. do n. e.) [Funeral and memorial rites of the population of steppe Scythia (VII–III centuries BC)]. Moscow, Science, 1991. 256 p.

15. Ochir-Goryaeva M.A. Kolchannye nabory kochevnikov skifskoy epohi Nizhnego Povolzh'ya i YUzhnogo Priural'ya [Quiver sets of nomads of the Scythian epoch of the Lower Volga region and the Southern Urals]. *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii, posvyashchennoy pamyati A.I. Melyukovoy = War and Military Affairs in the Scythian-Sarmatian World: materials of the International Scientific Conference Dedicated to the Memory of A.I. Melyukova*, Rostov-on-Don, Publishing House of the SSC RAS, 2014. pp. 265–282. (In Russian).

16. Sinika V.S., Lysenko S.D., Razumov S.N., Zakordonets O.A. Skifskiy kurgan 13 gruppy "Vodovod" v Nizhnem Podnestrovye [Scythian mound 13 of the Vodovod group in Lower Transnistria]. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i sredne-vekovogo Prichernomor'ya = Materials on the Archeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea Region*, 2020, no. 12, pp. 345–368. (In Russian).

17. Smirnov K.F. Vooruzhenie savromatov [Armament of sauromats]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR = Materials and Researches on the Archeology of the USSR*, 1961, No. 101, 163 p.

18. Sorokina N.P. Tuzlinskiy nekropol' [Tuzli Necropolis]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1957. 64 p.

19. Sudarev N.I. Kul't Apollona Vrachа na Bospore i nekotorye voprosy grecheskoj kolonizacii [The cult of Apollo the Doctor on the Bosphorus and some issues of Greek colonization]. *Drevnosti Bospora = Antiquities of Bosphorus*, 1999, vol. 2, pp. 213–222. (In Russian).

20. Yakovenko E.V., Chernenko E.V., Korpuseva V.N. Opisanie skifskikh pogrebenij v kurganah Vostochnogo Kryma [Description of Scythian burials in the mounds of the Eastern Crimea]. *Drevnosti Vostochnogo Kryma (predskifskij period i skify) = Antiquities of the Eastern Crimea (pre-Scythian period and Scythians)*, Kiev, Nauchnaya Mysl, 1970, pp. 136–180. (In Russian).

21. Yangulov S.Yu. Vooruzhenie i voennoe delo skifov Nizhnego Dona (po materialam Elizavetovskogo mogil'nika) [Armament and military affairs of the Scythians of the Lower Don (based on the materials of the Elizabethan burial ground)]. Cand. diss. Moscow, 2008. 176 p.

22. Snodgrass A.M. *Arms and Armor of the Greeks*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1999. 165 p.

23. Sparkes B.A., Talcott L. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries B.C. The Athenian Agora*, New Jersey, 1970, Vol. XII, 500 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гараев, И. А. Бронзовые наконечники стрел из погребений «Грунтового могильника „Волна 1“» / И. А. Гараев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 98–113.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Garaev I. A. Bronze Arrowheads From the Burials of the "Ground Burial "Volna 1" / I. A. Garaev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 98–113. (In Russian).

УДК 323.1:94:008

**ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРЫ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ
ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ И СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ**

Г.А. Геворгян

**THE HISTORICAL METHODOLOGICAL ASPECT OF THE FORMATION
OF ETHNOCULTURE OF THE ARMENIAN DIASPORA
OF DON OBLAST AND THE STEPPE PRE-CAUCASIAN REGION**

G.A. Gevorgyan

Аннотация. Научное исследование формирования этнокультуры армянской диаспоры Донской области и Степного Предкавказья является частью диссертационного исследования, в котором предпринята попытка историко-методологического анализа этнокультурных процессов армянской диаспоры. В статье представлено научное понимание культуры, этнокультуры, процессов наследования культуры. Особое значение придается процессу интеграции армян диаспоры в российское культурное пространство. Интерес представляет описанный в работе механизм взаимодействия культур, причины сохранения исконной этнокультуры и особенности восприятия элементов иной культуры. В результате научного исследования определяется новый тип, в котором сочетаются черты традиционной армянской и русской культуры в одном историческом этническом типе российских армян; определяется заметная роль армянской диаспоры в социально-экономическом и культурном становлении и развитии Юга России.

Abstract. The research of the formation of the ethnoculture of the Armenian diaspora in Don Oblast and the Steppe Pre-Caucasian Region is part of the dissertation in which an attempt of the historical methodological analysis of ethnocultural processes of the Armenian diaspora is made. The article presents a scientific understanding of culture, ethnic culture, processes of cultural inheritance. Great importance is attached to the process of integration of the Armenian diaspora into the Russian cultural space. The mechanism of interaction of cultures described in the work, the reasons for the preservation of original ethnic culture and the perception specifics of elements of a different culture are of interest. As a result of scientific research, a new type is defined that combines the features of traditional Armenian and Russian cultures in one historical ethnic type of Russian Armenians. The significant role of the Armenian diaspora in the socio-economic and cultural formation and development of the South of Russia is determined.

Ключевые слова: диаспора, культура, этнокультура, наследование культуры, армянские колонии, черкесо-гаи, процесс интеграции.

Keywords: diaspora, culture, ethnoculture, cultural inheritance, Armenian colonies, Cherkesosgai, integration process.

Во все исторические эпохи, и в наше время в особенности, значительным явлением в развитии культуры были встреча и столкновения различных культур, приводящие к сложным процессам их взаимодействия, с одной

стороны, и к самоопределению и самосознанию каждой из них, с другой. Особый интерес представляет встреча национальных культур, во многом предопределяющая характер взаимодействия их народов-носителей.

Существует ряд ключевых понятий, характеризующих культуру, выделение и формулировка которых способствует определению национальной культуры и наблюдению за ее встречами с другими культурами.

История человечества складывается из множества уникальных очагов культуры, которые можно уложить в определенную историческую закономерность, в законы развития, идущего по восходящей линии, но тем не менее именно многообразие этих неповторимых культурно-исторических целостностей составляет самую суть истории. Без этого, по словам В. Гумбольдта, история предстала бы «мертвым часовым механизмом, который следует непреложным законам и приводится в действие механическими силами» [7, с. 300].

Показательно, что даже Гегель, внесший в принцип историзма идею логизма, полагал все же, что действительная история осуществлена в тех конкретных образованиях, для каждого из которых характерна своя «определенность» (т. е. качественное своеобразие) в духовной сфере – в «объективном и абсолютном духе», а именно «она является общей отличительной чертой его религии, его политического строя, его нравственности, его правовой системы, его нравов, а также его науки, искусства и технического умения» [6, с. 61]. Для обозначения этого единства во всем многообразии проявлений данной культуры Гегель использовал термин «дух народа», явно связывая его с народом-носителем [6, с. 62]. Гегелевская типология истории и, соответственно, культуры (восточный, греческий, римский, германский миры) является схематичной с точки зрения современной философии культуры, но остается бесспорной сама мысль о целостности всякой культуры, к какому бы типу она ни принадлежала, целостности, которая характеризует ее единство и ее неповторимость.

Глубокая сущность целостности как характеристики культуры проявляется предметно в ее «языке», в ее «символике». В этой связи возникает еще одна проблема – проблема понимания иной культуры, которая превращается в задачу постижения ее языка, ее символики и т. д.

Известно, что формы культуры – это и есть формы, в которых протекает жизнь народа, и поэтому они составляют важнейшее содержание исторической памяти народа. В формах культуры (и в их памятниках) – в языке, искусстве, нравственно-правовых установках, религии, науке и отложилось своеобразное, присущее каждому народу, мировосприятие и миропонимание. Функционирование каждой из этих форм и составляет внутреннюю жизнь народа, а рефлексия – его историческую память.

Одно и то же культурное явление выступает в исторической памяти в самых разнообразных, порой неожиданных формах: в языке (в именах, названиях, словосочетаниях), в литературе и искусстве, в школах и университетах, в искусстве письма, в особенностях организации общественной жизни, в «правилах» торговли и ремесла и т. д. Отметим, что формы культуры – это формы, внутри

которых существует общественная жизнь; общественное бытие народа – в языке, мифе, религии, нравственности, праве, искусстве, науке, философии. Человек объективирует свое общественное сознание в этих формах.

Важным элементом рассматриваемой проблемы является наследование культуры – функционирование культурной традиции данного народа или приобщение, обогащение себя достижениями иных культур.

В истории народа наследование культуры – это глубоко внутренний процесс. Механизм наследования культуры – это механизм преемственности: функционирования культурной традиции, воссоздания и обновления культурой самой себя. То есть наследование культурной традиции при освоении новых форм культуры, наследование культурных ценностей, естественно включающихся в предметы и произведения, идеи и образы культуры, создаваемой в новых общественно-исторических условиях, на новой почве достижений общечеловеческой культуры. Культура наследуется через созидание культуры и только при условии, если культурные ценности становятся составной частью материальной и духовной жизни народа, вернее, если в них протекает его общественная жизнь.

История народа, например армянского, зафиксирована не просто сведениями из исторических источников, но, прежде всего, материальной и духовной культурой, созданной за тысячелетия на территории исторической родины. Родина культуры – та необходимая, созданная народом среда проживания, в которой возможно существование именно данной – неповторимой – культуры. Предметы, составляющие эту природную и искусственную среду, являются памятниками истории и культуры народа.

Нетрудно предположить, что среда проживания, привязанная к данной культуре, может быть воспроизведена в чужеродном окружении: в колониях, поселениях – в «малой родине». Тому пример – немецкие колонии в Закавказье, армянские колонии во Львове, в Крыму, на Дону, в Астрахани и т. д. Создание «малой родины», своей особой среды проживания, являлось необходимым условием для функционирования данной культуры. И наоборот: без этого условия дальнейшее существование данной культуры становится затруднительным, искусственным, если даже действуют остальные культурные механизмы этнозащиты и этносуществования.

Историческая судьба армянского народа сложилась так, что он вынужден был на протяжении многих веков создавать свои материальные и духовные ценности не только на своей этнической территории, но и за ее пределами. Армянская диаспора образовалась как результат национального и религиозного преследования, массовых гонений и насильственных переселений армян из Армении в связи с непрерывными войнами. Важную роль в миграции армян также сыграли социально-экономические и культурные (религиозные) факторы.

К числу стран, где армяне получили возможность мирной жизни и созидательной деятельности, относится Россия, на территории которой в разные исторические периоды были созданы армянские колонии: на основе

существующих источников изучены колонии диаспоры Дона и Степного Предкавказья, основанные именно армянами (Новая Нахичевань, Армавир, Святой Крест) [9, с. 68]. Определены основные этапы переселения армян в те регионы на территории России, которые в дальнейшем стали основой для складывания армянских диаспорных объединений.

На основе проведенного исследования можно утверждать, что становление хозяйственной жизни в армянских поселениях происходило под влиянием как традиционных, исторически сложившихся экономических норм, так и вновь приобретенных в соответствии с российскими экономическими условиями и обстоятельствами.

Русско-армянские культурные связи особенно окрепли в XIX – начале XX в. Видными очагами армянской культуры стали Москва, Петербург, Астрахань, Кизляр, Моздок, Новая Нахичевань, Армавир, Святой Крест.

Особое значение в процессе интеграции армянского населения диаспоры в российское культурное пространство имело образование. Во всех трех колониях: Новой Нахичевани, Армавире, Святом Кресте – большое внимание уделялось просвещению, основой которого первоначально служили церкви и монастыри. Были открыты: приходские школы, училища, духовные семинарии, гимназии, ремесленное училище (Новая Нахичевань) и т. д.

Итак, основной целью армянских колоний являлось сохранение или возрождение армянского светского и духовного образования, что считалось важным в рамках развития национальной культуры на территории России.

Одной из важных проблем, волновавших армянскую общественность колоний диаспоры, являлось сохранение самоуправления. Автономия считалась гарантом национальной культуры [5, с. 93–94]. В поселениях действовали различного рода организации, целью которых было поддержание национальной культуры, языка, религии: благотворительные общества, союзы, комитеты, попечительства. Центром просвещения являлась церковь как единственный проводник национальной культуры.

Важную роль в сохранении национальной культуры в русской среде сыграла армянская колония Дона – Новая Нахичевань. Новопахичеванская колония поддерживала живую связь с родиной и другими армянскими колониями. Армянские колонии в рамках своих возможностей укрепляли межэтнические связи, принимая участие в главных событиях русской истории, являясь частью российского государства и в то же время продолжая оставаться самобытными армянскими колониями.

Армянским поселениям, основанным в России начиная с конца XVIII в., первоначально предоставлялись значительные льготы, что способствовало быстрому экономическому и культурному росту. Результатом льгот и благоприятных жизненных условий явилось установление во всех колониях национальной автономии, что привело к сохранению национальных черт во всех сферах жизнедеятельности общества [16, с. 12].

Интенсивное развитие экономики в армянских поселениях было связано как с традиционными историческими формами хозяйствования (земледелие, ремесло), так и вновь приобретенными (торговля, предпринимательская деятельность). Для всех колоний армянской диаспоры изучаемого региона были характерны определенные черты:

- во всех колониях получили развитие как земледелие [13, с. 181–183], так и ремесло [1, с. 13], торговля, промышленность;
- максимальное развитие в поселениях армянской диаспоры России изучаемого региона получила внутренняя и внешняя торговля [15, с. 61], которая была взаимосвязана с производством и в значительной степени влияла и направляла ее;
- развитие сельского хозяйства в изучаемых колониях Дона и Степного Предкавказья было обусловлено государственной политикой;
- в пореформенный период интенсивно развивалась промышленность, обрабатывающая сельскохозяйственную продукцию. Распространение получило среднее и мелкое товарное производство, что также несло на себе влияние торговли [3, с. 21].

В результате исследования было установлено, что занятость коренных армян колоний в традиционных формах хозяйствования – в земледелии, ремесле постепенно уменьшается, и наоборот, большая часть была задействована в торговле и промышленности. Причинами смены форм хозяйственной деятельности являются также и исторически сложившиеся обстоятельства вынужденных переходов армян на другие территории. В процессе развития истории у армян диаспоры выработались определенные механизмы выживания, охватывающие все сферы их жизнедеятельности. Исходя из этого, получили распространение те экономические направления, которые в большей степени были прибыльны.

Общины армянской диаспоры как местные самоуправляющие организации стали стабильными и жизнеспособными. Их устойчивость в большей мере обеспечивало предоставленное им еще со дня основания колонии право руководствоваться и пользоваться национальным языком, обычаями и традициями. Наличие этих факторов делало жизнь армянских поселений самобытной и замкнутой. Эта замкнутая система, являвшаяся непосредственным отражением самоуправления, оказала сильное влияние на сохранение в колониях национальных привычек и народных обычаев.

Процесс интеграции армян диаспоры в российское культурное пространство проходил постепенно. Проникновение русского влияния параллельно сопровождалось целенаправленной деятельностью в колониях по сохранению национальных и духовных традиций армян (открытие армянских школ, различных союзов, благотворительных обществ и др.).

В длительном процессе экономического и культурного развития колоний армянской диаспоры Юга России сформировалось особенное сообщество армян, имевших своеобразную культуру, включающую в себя элементы армянской

и русской культуры. Одним из уникальных субэтнических образований является культура черкесо-гаев – горских армян, сочетавшая в себе армянскую – исконную, черкесскую и русскую – приобретенные в процессе взаимопроникновения культур, что определяет их как российских черкесо-гаев.

Специфика культуры российских армян представляет собой сочетание традиционных этнических культурных форм, что объясняется, с одной стороны, естественным желанием сохранить национальную культуру вдали от исторической родины (результатом чего являлась замкнутость колоний) и высокой адаптивной способностью (в дальнейшем), с другой стороны. Совмещение двух указанных факторов привело к сочетанию традиционной армянской и русской культуры в одном историческом этническом типе российских армян.

Армянские колонии сыграли заметную роль в социально-экономическом и культурном становлении и развитии Юга России. Изначально процесс их переселения являлся необходимым для России фактором заселения и развития южных районов империи (Дона и Степного Предкавказья), что способствовало их органичному включению в единое целое России.

Данные поселения были основаны армянами и стали центром социально-экономического и культурного развития всей диаспоры. Основные позиции занимала Новая Нахичевань как самостоятельное поселение крымских армян, ставшее национальным культурным центром армянской диаспоры указанного региона.

Таким образом, армянские колонии в России сыграли исключительную роль в исторических судьбах своего народа. Народ, вынужденно покинувший родную землю, нашел в России вторую родину. Армяне получили право и возможность участия в экономической жизни страны: в ее промышленности, сельском хозяйстве, ремеслах и торговле. В колониях начало развиваться просвещение, были организованы армянские школы. Фактором исключительной важности явилось развитие армянской печати. Почти все колонии без исключения имели свои типографии; армянские периодические издания и книги печатались в очень многих городах России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. АОАГА, ф. Р-1, оп. 1, д. 1, л. 13. – Текст : непосредственный.
2. ГАСК, ф. 60, оп. 1, д. 432, л. 14. – Текст : непосредственный.
3. Золотов, В. А. Ростов в первой половине XIX в. / В. А. Золотов. – Текст : непосредственный // Ростов-на-Дону : сборник. – Ростов н/Д., 1979. – С. 21.
4. ГАРО, ф. 91, оп. 4, д. 78, л. 1. – Текст : непосредственный.
5. ГАСК, ф. 55, оп. 1, д. 109, л. 93–94. – Текст : непосредственный.
6. Гегель, Г. Философия истории. Сочинения : в 14 т. Т. 8 / Г. Гегель. – М.–Л., 1935. – Текст : непосредственный.
7. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – С. 300. – Текст : непосредственный.
8. Джаукян, Г. Б. История армянского языка: дописьменный период / Г. Б. Джаукян. – Ереван : АН АрмССР, 1987. – 747 с. – Арм. яз. – Текст : непосредственный.

9. Дружинин, Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. / Е. И. Дружинин. – М., 1959. – С. 68. – Текст : непосредственный;
10. Твалчрелидзе, А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом и сельскохозяйственном отношениях / А. Твалчрелидзе. – Ставрополь, 1897. – С. 217–226. – Текст : непосредственный.
11. Армяно-русские отношения в XVIII в., 1760–1800. – Ереван, 1990. – Т. IV. – С. 142–144. – Текст : непосредственный.
12. Зарбаналян, Г. История армянского книгопечатания / Г. Зарбаналян. – Венеция, 1895. – 284 с. – Арм. яз. – Текст : непосредственный.
13. Хлыстов, И. П. Дон в эпоху капитализма (60-е, середина 90-х гг. XIX в.) / И. П. Хлыстов. – Ростов н/Д., 1962. – С. 181–183.
14. Струмилин, С. Г. Очерки экономической истории России / С. Г. Струмилин. – М., 1960. – С. 10. – Текст : непосредственный.
15. Чеботарев, Б. В. Очерк о начальном периоде истории г. Ростова-на-Дону и окрестных селений / Б. В. Чеботарев. – Текст : непосредственный // Из истории Дона XVIII–XX вв. : сборник статей. – Ростов н/Д., 1956. – С. 61.
16. Шахазиз, С. Исторические зарисовки / С. Шахазиз. – Тифлис, 1903. – С. 12. – Текст : непосредственный.
17. Щербина, Ф. М. История Армавира и черкесо-гаев / Ф. М. Щербина. – Екатеринодар, 1916. – С. 50. – Текст : непосредственный.
18. Бентковский, И. В. Заштатный город Св. Креста / И. В. Бентковский. – Текст : непосредственный // Ставропольские губернские ведомости. – 1878. – 11 ноября.

REFERENCES

1. Arkhivnyy Otdel Administratsii goroda Armavira [Archive Department of the Administration of Armavir]. Fund R-1, inventory 1, case 1, p. 13.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya [State Archive of Stavropol Krai]. Fund 60, inventory 1, case 432, p. 14.
3. Zolotov V.A. Rostov v pervoy polovine XIX v. [Rostov in the first half of the 19th century]. Rostov-na-Donu: Sbornik = Rostov-on-Don: Collection, 1979, p. 21.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti [State Archib of Rostov Oblast]. Fund 91, inventory 4, case 78, p. 1.
5. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya [State Archive of Stavropol Krai]. Fund 55, inventory 1, case 109, pp. 93–94.
6. Hegel G. Filosofiya istorii [Philosophy of history]. M.–L., vol. 8.
7. Humboldt W. Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and Philosophy of Culture]. M., Progress, 1980, p. 300.
8. Dzhaikyan G. B. Istoriya armyanskogo yazyka: Dopis'm.period [History of the Armenian language: Pre-writing period]. Yerevan, AS ArmSSR, 1987. 747 p.
9. Druzhinin Ye.I. Severnoye Prichernomor'ye v 1775–1800 gg. [Northern Black Sea Region in 1775–1800]. M., 1959, p. 68.
10. Tvalchrelidze A. Stavropol'skaya guberniya v statisticheskom, geograficheskom i sel'skokhozyaystvennom otnosheniyakh [Stavropol Province in statistical, geographical and agricultural terms]. Stavropol, 1897, pp. 217–226.
11. Armyano-russkiye otnosheniya v XVIII v., 1760–1800 [Armenian-Russian relations in the 18th century, 1760–1800]. Yerevan, 1990, vol. 4, pp. 142–144.
12. Zarbanalyan G. Istoriya armyanskogo knigopachataniya [History of Armenian printing]. Venetsiya, 1895. 284 p.

13. Khlystov I.P. Don v epokhu kapitalizma (60-ye, seredina 90-kh gg. XIX v.) [Don in the era of capitalism (60s, mid-90s of the 19th century)]. Rostov-na-Donu, 1962, pp. 181–183.

14. Strumilin S.G. Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii [Essays on the economic history of Russia]. M., 1960, p.10.

15. Chebotarev B.V. Ocherk o nachal'nom periode istorii g. Rostova-na-Donu i okrestnykh sele-niy [Essay on the initial period of the history of the city of Rostov-on-Don and the surrounding villages]. Iz istorii Dona XVIII–XX vv.: Sbornik statey = From the history of the Don in the XVIII-XX centuries: Collection of articles, Rostov-na-Donu, 1956, p. 61. (In Russian).

16. Shakhaziz S. Istoricheskiye zarisovki [Historical sketches]. Tiflis, 1903, p. 12.

17. Shcherbina F.M. Istoriya Armavira i cherkeso-gayev [The history of Armavir and the Cherkesosgai]. Yekaterinodar, 1916, p. 50.

18. Bentkovskiy I.V. Zashtatnyy gorod Sv. Kresta [Out-of-state city of the Holy Cross]. Stavropol'skiye gubernskiye vedomosti = Stavropol Provincial Vedomosti, 1878, November 11. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Геворгян, Г. А. Историко-методологический аспект формирования этнокультуры армянской диаспоры Донской области и Степного Предкавказья / Г. А. Геворгян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 114–121.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gevorgyan G. A. The Historical Methodological Aspect of the Formation of Ethnoculture of the Armenian Diaspora of Don Oblast and the Steppe Pre-Caucasian Region / G. A. Gevorgyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 114–121. (In Russian).

УДК 94 (470.6)

**ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕВДОКИМОВ И ЧЕЧНЯ.
ЧАСТЬ 4. ДВИЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК
В ШАТОЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО (ЛЕТНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1858 г.)**

А.А. Головлёв

**GENERAL NIKOLAY IVANOVICH EVDOKIMOV AND CHECHNYA.
PART 4. MOVEMENT OF RUSSIAN TROOPS
INTO THE SHATOEVSКОЕ SOCIETY (SUMMER EXPEDITION 1858)**

A.A. Golovlyov

Аннотация. Четвёртая часть из серии статей посвящена боевым действиям войск, возглавляемых ген.-л. Н.И. Евдокимовым, в ущелье р. Чанты-Аргун в июле 1858 г. Показано, как в результате ряда обманных действий, Н.И. Евдокимов ввёл неприятеля в полное заблуждение относительно направления наступательного движения русских войск. Вместо ожидавшегося противником движения на гору Даргендук или движения по просеке, строившейся русскими войсками вдоль правого берега Чанты-Аргуна, Н.И. Евдокимов неожиданно перешёл с войсками на левую сторону этой реки по скрытно сделанному над пропастью мосту. Взяв быстрым натиском труднодоступную лесную гору Мескендук, войска Н.И. Евдокимова спустились по круче в глубокий овраг, и прорвались к аулу Малые Варанды, в тыл неприятельской обороны на правом берегу Чанты-Аргуна. Искусный обходной маневр вынудил горцев оставить хорошо подготовленные к обороне позиции на правом берегу Чанты-Аргуна. Оказавшись в прежде недоступной для русского оружия глубинной лесной части гор Чечни, Н.И. Евдокимов сфокусировал усилия войск на создании надёжной военно-транспортной инфраструктуры. Опираясь на таковую, командующий двинул свои войска по левой стороне Чанты-Аргуна, и, оттесняя противника, через Варандинские высоты вступил в самый центр Шатоевского общества.

Abstract. The fourth part of a series of articles is devoted to the combat actions of the troops led by General N.I. Evdokimov in the Chanty-Argun River Gorge in July 1858. It is shown how, as a result of a number of deceptive actions, N.I. Evdokimov led the enemy completely astray about the direction of the offensive movement of the Russian troops. Instead of the movement expected by the enemy to Dargenduk Mount or movement on the clearing built by Russian troops along the right bank of the Chanty-Argun, N.I. Evdokimov unexpectedly moved with his troops to the left side of this river on a bridge secretly made over the abyss. Taking the hard-to-reach forest Meskenduk Mount with a rapid onslaught N.I. Evdokimov's troops descended down a steep slope into a deep ravine, and broke through to the village of Malye Varandy, to the rear of the enemy's defense on the right bank of the Chanty-Argun. A skilful roundabout maneuver forced the highlanders to leave well-prepared positions on the right bank of the Chanty-Argun. Having found himself in the previously inaccessible to Russian weapons deep forest part of the mountains of Chechnya N.I. Evdokimov focused the efforts of the troops on creating a reliable military and transport infrastructure. Relying on this the commander moved his troops along the left side of the Chanty-Argun, and pushing back the enemy he entered the very center of the Shatoevskoe ethnic society through the Varandinsky Heights.

Ключевые слова: генералы Н.И. Евдокимов, П.И. Кемферт и В.К. Мищенко, имам Шамиль, наибы Батока, Дуба, Идил и Лабазан, ущелье Чанты-Аргуна, горы Бандук, Даргендук и Мескендук, Шатоевское общество.

Keywords: Generals N.I. Evdokimov, P.I. Kemfert and V.K. Mishchenko, Imam Shamil, Batoka, Gamzat, Duba, Idil and Labazan naibs, Chanty-Argun Gorge, Banduk, Dargenduk and Meskenduk Mountains, Shatoevskoe ethnic society.

После взятия русскими войсками Аргунского ущелья и создания в его окрестностях укрепленного плацдарма, начальная часть второго этапа плана ген.-л. Н.И. Евдокимова была успешно завершена. Однако дальнейшие действия по реализации второго этапа плана, предполагавшего взятие под контроль русских войск Чанты-Аргунского ущелья и замирение аргунских горцев, Н.И. Евдокимов приостановил. Он посчитал, что вначале целесообразно умиротворить воинственное население нагорной части Малой Чечни, потенциально угрожавшее тылам Чеченского отряда перед его движением вглубь лесных гор Чечни. Когда же бескровное умиротворение малочеченцев произошло, имам Шамиль движением своего войска на плоскость Большой Чечни заставил Н.И. Евдокимова перебросить главные силы Чеченского отряда из Малой Чечни на границы Большой Чечни. Последующие действия имама Шамиля вынудили Н.И. Евдокимова заняться урегулированием сложной военно-политической ситуации, возникшей в Назрановском и Галашевском обществах¹. Непредвиденные обстоятельства на некоторое время отвлекли Н.И. Евдокимова от решения задач, намеченных для реализации второго этапа плана. Поэтому летняя экспедиция Чеченского отряда в Шатоевское общество по ущелью Чанты-Аргуна началась 1 июля 1858 г.

Сначала всесторонне охарактеризуем обстановку, сложившуюся накануне летней экспедиции Чеченского отряда. Во-первых, его боевая жизнь в предшествующий период оказалась весьма нелёгкой. Решая поставленные командующим в январе–июне 1858 г. боевые задачи, войска постоянно находились в походном режиме и почти непрерывно участвовали в боях и стычках с неприятелем. Много физических сил и времени войска потратили на военно-инженерное и транспортное обустройство Аргунского ущелья и его окрестностей. На отдых и восстановление сил солдат и офицеров времени не хватало. Поэтому личный состав русских войск пребывал в состоянии переутомления.

Во-вторых, накануне летней экспедиции Чеченский отряд не представлял единого целого, будучи разделённым на несколько самостоятельных войсковых колонн. Каждая колонна решала конкретные боевые задачи в плоскостной части Чечни, в Назрановском и Галашевском обществах. Однако ген.-л. Н.И. Евдокимов расположил колонны Чеченского отряда с таким расчётом, что при необходимости все они могли быстро соединиться в каком-либо одном стратегически важном пункте предгорной плоскости [2]. В передовых

¹ См. третью часть из серии наших статей [1].

опорных пунктах русских войск – кр. Воздвиженской и укр. Аргунском – стояли гарнизоны, контролировавшие Аргунское ущелье и обеспечивавшие пути сообщения.

В-третьих, войско имама Шамиля расположилось на Даргендуке, обороняя потенциально опасный путь к столице имамата – укрепленному аулу Ведено. Имам Шамиль полагал, что весной или летом 1858 г. русские войска снова направятся на Даргендук по сделанной ими широкой просеке с колёсной дорогой. Ожидая наступления русских войск, чеченцы преградили просеку глубоким рвом и дугообразным земляным валом. На флангах вала поставили две деревянные башни [3]. Единственную тропу в ущелье Чанты-Аргуна, по которой можно было попасть в Шатоевское общество, зорко стерегли отряды под предводительством шатоевского наиба Батоки и аккинского наиба Гамзата¹, состоявшие из нескольких сот аргунских горцев [2; 4].

В-четвёртых, тропа, шедшая по ущелью Чанты-Аргуна в Шатоевское наибство, считалась горцами совершенно недоступной для продвижения русских войск. Поэтому их наступление в пределы Шатоевского общества по этой тропе горцы полностью исключали. Тем более, наступать летом, когда лесные дебри ущелья Чанты-Аргуна покрылись густой листвой², дело весьма рискованное.

К. Дидимов [3, с. 261] дал описание тропы, проходившей через дремучий лес посередине правобережного склона ущелья Чанты-Аргуна между урочищем Ярыш-Марды и центром Шатоевского общества: «Узкая и местами совершенно перерывающаяся тропинка почти по всему протяжении проходит над страшными и обрывистыми пропастями, на дне которых с ужасным ревом и гулом пенится буйный Чанты-Аргун, – это нижняя ее ограда. Другая же ограничена крутыми и лесистыми горами, нависшими огромными скалами... которые на каждом шагу грозят опасностью. Иногда тропинка проходит чрез такие места, что на самом пути, под ногами, открывается почти бездонная отвесная пропасть, чрез которую нужно сделать несколько шагов, по наложенным там деревянным кладкам; а сверху, в этом же месте, угрожает рушиться и увлечь за собою на дно пропасти в несколько тысяч пудов нависшая скала»³.

Имам Шамиль знал тропу, протянувшуюся через вековой лес по теснине Чанты-Аргуна, и потому тоже не сомневался в том, что русские войска никогда не осмелятся пройти по ней в воинственное и многолюдное Шатоевское общество. Мнение о непреодолимости для русских войск ущелья Чанты-Аргуна

¹ Скорее всего, имеется в виду наиб Гамзат-Гаджи, уроженец Дагестана. Полагаем, что вначале он являлся наибом Аккинского наибства, но в скором времени стал наибом Чантийского наибства.

² Покрытые зелёными листьями буковые леса, как и сильно расчленённая горная местность, хорошо маскировали отряды чеченцев. Поэтому русские войска предпочитали ходить в экспедиции в зимнее время года.

³ В наше время на месте труднопроходимой тропы – участок шоссе между селениями Ярыш-Марды и Шатой.

усиливало намерение имама Шамиля укрепить оборонительную позицию горцев на даргендукском направлении¹.

Подготовку к летней (1858 г.) экспедиции Чеченского отряда ген.-л. Н.И. Евдокимов начал с того момента, когда войско имама Шамиля, возвращавшееся из похода в Галашевское общество, удалилось за р. Аргун. Н.И. Евдокимов создал из различных колонн особый отряд (пехотные батальоны Куринского, Белостокского, Виленского и Навагинского полков, рота сапёрного батальона, две стрелковые роты линейных батальонов – всего $7\frac{3}{4}$ батальона, и сотня горской милиции, при 4 горных орудиях) под командованием полк. П.Д. Зотова [2; 4; 5]. По частям и незаметно для неприятеля этот отряд был передислоцирован в кр. Воздвиженскую и укр. Аргунское. Перед отрядом П.Д. Зотова стояла задача: произвести ложные диверсии к подножию Даргендука для того, чтобы отвлечь внимание имама Шамиля от ущелья Чанты-Аргуна и ещё больше убедить его в огромной значимости для русского командующего этой горы, открывавшей доступ «...в самое сердце непокорных гор...» [5, с. 281].

Выполняя приказ ген.-л. Н.И. Евдокимова, отряд полк. П.Д. Зотова 28 и 29 июня 1858 г. предпринял рекогносцировки, пройдя по обоим берегам Шаро-Аргуна до подножия Даргендука. Узнав о движениях отряда П.Д. Зотова, имам Шамиль немедленно увеличил численность партий чеберловского наиба Лабазана и вашиндароевского наиба Дубы², защищавших Даргендук, до 2 тыс. чел. [2]. Как писал Н.А. Волконский [4], завалы на даргендукской просеке стали вырастать даже не по дням, а по часам.

Меры, предпринятые имамом Шамилем после ложной демонстрации отряда полк. П.Д. Зотова, позволили ген.-л. Н.И. Евдокимову сделать важные выводы. Стало окончательно понятно, что имам Шамиль готовился к дальнейшим действиям русских войск в направлении Даргендука, а всякое движение войск в иную сторону не будет воспринято им серьёзно. Маловероятно также, что противник попытается снова прорваться на плоскость Чечни.

Оценив обстановку, ген.-л. Н.И. Евдокимов отдал приказ остальным войскам Чеченского отряда, находившимся в разных пунктах на плоскости. Все эти войска (пехотные батальоны Навагинского, Виленского, Тенгинского полков, 3 роты 20-го стрелкового батальона и 2-я стрелковая рота Тенгинского полка – всего 5 батальонов, 4 сотни Кизлярского, Моздокского и 2-го Сунженского казачьих полков, 2 сотни горской милиции, при 6 горных орудиях) должны были соединиться вечером 30 июня 1858 г. в кр. Воздвиженской [2; 5].

В полночь с 30 июня на 1 июля 1858 г. в укр. Аргунское, в котором расположился Чеченский отряд, приехал ген.-л. Н.И. Евдокимов [2]. Вверх по правому берегу ущелья Чанты-Аргуна войска выдвинулись двумя

¹ Как позднее выяснилось, имам Шамиль был прав: действительно, пройти войскам по тропе в ущелье Чанты-Аргуна в Шатоевское общество было совершенно невозможно [3].

² Наиб имама Шамиля Дуба Джукаев был представителем тайпа чиннахой.

колоннами¹. Передовая колонна под командой полк. П.Д. Зотова вышла в 2 часа после полуночи. Вслед за ней выступила вторая колонна под командой полк. А.А. Баженова. С рассветом передовая колонна П.Д. Зотова подошла к глубокому оврагу Яраш-Марды². Войска, спускавшиеся в овраг по размокшей и скользкой глинистой тропе, попали под обстрел противника. Разгорелся бой, в котором отличились куринцы майора К.Г. Эрнота, сбившие чеченцев с позиции над обрывом правого берега Чанты-Аргуна. Когда же русские войска вышли в ложбину Чанты-Аргуна, чеченцы осыпали их градом пуль с высоты левого берега реки. Ответный огонь двух стрелковых рот, засевших над обрывом правого берега реки, заставил неприятеля укрыться в саклях аула Соси-Ирзау.

В 5 часов утра 1 июля 1858 г. передовая колонна полк. П.Д. Зотова выстроилась на поляне у подножия горы Бин-Дук (= Бандук), с левой стороны от оврага Ярыш-Марды³. Три роты Куринского полка получили приказ: выдвинуться вверх по правому берегу Чанты-Аргуна, чтобы разъединить горцев, организовавших оборону по обеим сторонам ущелья. Под прикрытием этих рот, полк. П.Д. Зотов направил 4-й батальон Куринского полка под командой подп. А.Д. Барабашева на левый берег Чанты-Аргуна. Между куринцами и чеченцами завязалось дело, которому могли бы позавидовать суворовские чудо-богатыри. По двум брёвнам, перекинутым через пропасть, под ружейным огнём, куринцы перебежали на левый берег Чанты-Аргуна⁴, вскарабкались на кручу и выбили противника из аула Соси-Ирзау [2; 4]. Об этом подвиге русских солдат вспоминал Н.А. Волконский: «Один по одному, под градом неприятельских выстрелов, четвертый батальон куринцев... стал перебегать на ту сторону реки и затем карабкаться на гору, в лицо неприятелю. Это была картина замечательная и дух захватывавшая... два бревна, почти танцующие под вереницею солдат; внизу кипучая река, готовая ежеминутно поглотить этих смельчаков... навстречу им, почти в упор, нити неприятельских пуль, – что могло быть торжественнее и вместе с тем ужаснее этого момента...» [4, с. 474–475].

В первый день экспедиции потери Чеченского отряда были минимальными: 1 легкораненый штаб-офицер (майор К.Г. Эрнот), 2 убитых и 10 раненых нижних чинов, 5 убитых лошадей [4; 5].

¹ К. Дидимов [3] сообщает, что небольшая часть русских войск направилась вверх по левому берегу Чанты-Аргуна, к месту, где начиналась глухая скальная теснина. Однако на левой стороне Чанты-Аргуна, на пути к обрывистой теснине, противник создал 18–20 лесных завалов [2; 4].

² Местность, расположенная между Ярыш-Марды и Дачу-Барзоем, в 1858 г. овеянная славой русского оружия, превратилась в арену трагедии российской армии в 1996 г., когда чеченские боевики во главе с Хаттабом расстреляли из засады беспечно двигавшуюся колонну 245-го гвардейского мотострелкового полка.

³ В настоящее время на этой поляне расположено с. Ярыш-Марды. Абсолютная высота горного массива Бандук, входящего в систему Чёрных гор, составляет 1359,4 м.

⁴ В советское время приблизительно на этом месте был создан карьер по добыче карбонатного сырья для Чири-Юртовского цементного завода. Аул Соси-Ирзау ныне не существует.

Узнав о быстром взятии куринцами аула Соси-Ирзау, после чего левобережные горские завалы потеряли всякое оборонительное значение, ген.-л. Н.И. Евдокимов распорядился устроить завалы для двух батальонов пехоты в неприятельском ауле. По приказанию командующего войсками, инженер-капитан путей сообщения И.К. Рыпинский в срочном порядке приступил к строительству временного моста в том месте, где над пропастью лежали брёвна [2; 4].

Войска Чеченского отряда расположились лагерем на поляне у подножия Бандука [2–4]. Началась рубка леса, продолжавшаяся три дня. Сначала от леса была расчищена местность, окружавшая лагерь. Затем стали рубить лес, тянувшийся вверх по течению Чанты-Аргуна. Видя рубку леса в нижней части ущелья, горцы решили, что русские войска именно здесь прокладывают дорогу в Шатоевское общество. Желая ещё больше ввести в заблуждение горцев относительно пути предстоящего движения войск, ген.-л. Н.И. Евдокимов приказал заложить просеку от поляны вверх по правому берегу реки.

Всё это время горцы не сидели, сложа руки. Днём и ночью они так сильно беспокоили лагерь, что иногда вынуждали отвечать из орудий картечью. Лазутчики сообщали о сооружении завалов и залогов по тропе в Шатоевское общество, которая и без того находилась под прицельным огнём с обеих сторон ущелья. На скалах, возвышавшихся над тропой, горцы заготавливали груды больших камней для спуска вниз при появлении русского отряда [3].

Когда неприятель заключил о том, что русские войска предполагают двигаться в Шатоевское общество по просеке, заложенной в нижней части ущелья, началось активное противодействие. Двигаясь навстречу войскам, горцы стали усиленно валить лес и строить лесные завалы. Грохот деревьев, падавших под ударами их топоров, был хорошо слышен издали [4]. Рубки леса 2 и 3 июля велись при перестрелках. Вечером 3 июля с лесной опушки горцы открыли сильный ружейный огонь по лагерю Чеченского отряда. Обстрел прекратился лишь после того, как два орудия выпустили по горцам более дюжины гранат.

Тем временем, постройка временного моста через теснину Чанты-Аргуна, производившаяся в ускоренном порядке сапёрами инженер-капитана И.К. Рыпинского, успешно завершилась 3 июля 1858 г.

Пользуясь тем, что партии наивов Лабазана и Дубы по-прежнему стояли на Даргендуке¹, а внимание наивов Батоки и Гамзата сосредоточилось исключительно на строившейся просеке, отряд ген.-л. Н.И. Евдокимова в ночь с 3 на 4 июля выступил из лагеря, направившись к временному мосту. Перейдя на левую сторону Чанты-Аргуна, отряд миновал аул Соси-Ирзау и стал подниматься по восточному отрогу Мескендука², покрытого вековым буковым лесом.

¹ Движение русских войск в ущелье Чанты-Аргуна наивы считали уловкой Н.И. Евдокимова, пытавшегося таким способом выманить их с господствующей стратегической позиции на Даргендуке.

² Высшая точка горного массива Мескендук, входящего в систему Чёрных гор, составляет 887,2 м.

Выбор мескендукского маршрута движения русских войск диктовался несколькими соображениями. Важнейшую роль играл фактор внезапности – противник не ждал наступления по левой стороне Чанты-Аргуна, полагаясь на непреодолимость крутосклонных гор, покрытых дремучими лесами, и полное отсутствие дорог. Поэтому на Мескендуке не было ни искусственных сооружений в виде лесных баррикад и прочих фортификационных объектов, ни достаточного для ведения успешной обороны количества горских ополченцев.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие на Мескендуке протоптанной тропы, было известно, что местные жители нередко проезжали через этот горный массив из аула Малые Варанды в аул Дачу-Барзой. Наконец, местность на Мескендуке позволяла прикрывать движение главной колонны цепями застрельщиков, выдвинутых по бокам колонны хотя бы на несколько шагов [5].

Чеченцы о выступлении отряда ген.-л. Н.И. Евдокимова узнали только на рассвете¹. Проснувшись и взглянув на место, где находился большой военный лагерь, они удивились: там не осталось ни одной палатки. На поляне левого берега Чанты-Аргуна горцы успели заметить часть арьергарда, входившего в лес, и тогда догадались, в каком направлении движется русский отряд [3].

Небольшая часть Чеченского отряда (1½ батальона пехоты, при 2 полевых орудиях) под командой полк. Д.С. Наумова осталась на исходной позиции у подножия Мескендука – в бывшем неприятельском ауле Соси-Ирзау, укрепленном лесными завалами. Отряд Д.С. Наумова получил распоряжение – охранять временный мост и поддерживать связь с укр. Аргунским [2; 6].

Действующий отряд, как и прежде, состоял из двух колонн [2]. Первая колонна полк. П.Д. Зотова (пехотные батальоны Куринского, Белостокского и Виленского полков – всего 6 батальонов, а также рота сапёр 2-го Кавказского батальона и сотня горской милиции, при 4 горных орудиях) шла в авангарде отряда. В состав передовой колонны входили три батальона Куринского полка, который в Кавказской армии специализировался на ведении лесной войны.

Вторая колонна полк. А.А. Баженова (пехотные батальоны Навагинского, Виленского и Тенгинского полков – всего 4 батальона, а также 2-я стрелковая рота Тенгинского полка, три роты 20-го стрелкового батальона, 4 сотни казаков и сотня горской милиции) двигалась вслед за первой. Арьергардом второй колонны и всего действующего отряда командовал полк. М.П. фон-Кауфман².

¹ В журнале военных действий, составленном Н.И. Евдокимовым [2], сообщается, что по некоторым признакам чеченцы догадывались о ночном выдвижении русских войск из лагеря. Генерал полагал, что неприятель, рассмотрев при первом мерцании рассвета направление движения войск, всей своей массой бросился через Чанты-Аргун, а затем стал подниматься на Мескендук, наперерез войскам.

² В чеченской войне арьергард подвергался наиболее сильному натиску неприятеля. Чеченцы нередко применяли особую тактику: преднамеренно давали авангарду возможность вырваться вперёд и удалиться подальше от арьергарда, а затем со всей силой атаковали арьергард. Командовать арьергардом назначали самых опытных, испытанных в сражениях с горцами, офицеров и генералов.

Всеми кавалерийскими частями действующего отряда, выступившего на штурм Мескендука, командовал подп. П.Г. Беллик [7].

Как артиллерийский офицер, Н.А. Волконский [4] добавляет, что начальником артиллерии Чеченского отряда являлся подп. П.В. Тверитинов; в передовой колонне полк. П.Д. Зотова находился дивизион горных орудий под командованием капитана А.А. Парчевского, а во второй колонне полк. А.А. Баженова было ещё три взвода горных орудий под начальством прапорщиков Алексеева, Разуваева и Щурского.

Обе войсковые колонны имели выюки с продовольствием, достаточным для пребывания отряда в незнакомой местности столько времени, сколько понадобится для решения поставленных задач. Ген.-л. Н.И. Евдокимов учёл печальный опыт Даргинской экспедиции 1845 г. (особенно той её части, прозванной солдатами Сухарной экспедицией). Поэтому командующий Чеченским отрядом считал, что не брать с собой выюки (которые всегда чрезвычайно затрудняли движение войск по сильнопересечённой местности), и в таком случае «...посылать за провиантом колонну назад через лесные горы значило бы предпринимать новую экспедицию в условиях, гораздо хуже первой» [2, с. 1089].

Подъём Чеченского отряда на Мескендукские высоты описал Н.А. Волконский [4], прошедший с отрядом весь маршрут. Сразу за аулом Соси-Ирзау начинался подъём (крутизной 45°) к вершине первой горы. На пути к этой вершине требовалось преодолеть семь крутых уступов. От вершины горы начинался менее крутой (до 35°) спуск протяжённостью около полутора вёрст в глубочайший овраг¹. Перейдя овраг, надо было подняться на вторую, менее крутую гору, и потом уже спуститься на плоскость к аулу Малые Варанды.

С поляны, на которой находился аул Соси-Ирзау, войска вошли в лес по мало-мальски протоптанной тропе. Однако через несколько саженей она исчезла. Дальше пришлось идти по крутому лесному отрогу через заросли кустарников, нагромождения валежника и старых пней, по скользкой мокрой листве. Ген.-лейт. Н.И. Евдокимов сообщал в журнале военных действий, что здесь «...на каждом шагу для горцев был готов природный завал, из которого они могли бить сверху вниз истомленных крутым подъемом людей» [2, с. 1089].

Участник штурма Мескендука К. Дидимов [3] вспоминал, что едва различимая пешеходная тропинка всё же существовала. Однако движение Чеченского отряда по ней сквозь густой чинаровый лес чрезвычайно затруднялось не только крутизной горы, но и оврагами, обрывами, местами топями.

¹ Н.И. Евдокимов [2] называет этот овраг Джожагин (Чёртова балка); ещё одно сходное название в русских источниках – Джожа-Гинт [4; 5]. Все эти названия – русифицированные варианты чеченского гидронима Жьожяхатин Инн (Адский овраг). На современных картах этот овраг показан как р. Варанды. По другим данным [5], крутизна спуска в овраг составляла почти 60°, а длина – с версту.

Головная колонна полк. П.Д. Зотова поднималась по отрогу, имея, слева и справа от себя, в 10–15 шагах ниже по склону, боковые цепи стрелков. В некоторых местах крутые скаты отрога превращались в обрывы, и тогда стрелковые цепи сливались с колонной. Впереди колонны поднимался в гору 5-й батальон Куринского полка под командой майора К.К. Юргельсона. Куринцы благополучно преодолели первый уступ отрога, но когда они стали взбираться на второй уступ, внезапно и почти в упор грянул залп полсотни горских винтовок, сваливший нескольких человек [4]. С криком «Ура!» куринцы ринулись в штыки и заняли второй уступ. В то же время ружейные перекааты раздались не только с фронта, но и с флангов. Всё чаще на пути стали попадаться гигантские деревья, срубленные чеченцами для воспрепятствования движению войск.

Когда авангард колонны полк. П.Д. Зотова поднялся выше середины горы, то постепенно усиливавшиеся выстрелы чеченцев переросли в сильный ружейный огонь [3]. Затем противник, стремясь помешать движению войск, с гиком открыл частый ружейный огонь и бросился в шашки. Куринские стрелки встречали неприятеля штыками и отбрасывали назад. Горцы отступали врассыпную; прячась за толстыми деревьями, они упорно и метко отстреливаясь.

Понимая, что ружейный огонь горцев может скоро распространиться по всей длине колонны, что замедлит её продвижение и приведёт к большим потерям, полк. П.Д. Зотов решил действовать быстро и напористо. Он взял под свою команду три роты 5-го батальона Куринского полка, а две роты этого батальона передал под команду флигель-адъютанта, полк. М.И. Черткова [2]. Затем разгорелось молодецкое дело, обозначенное Н.А. Волконским как «наступление перекаатами» [4, с. 482]. Когда три куринские роты, осыпаемые со всех сторон пулями, бросились бегом и заняли позицию неприятеля на третьем уступе, две другие роты без остановки пробегали мимо и сбивали горцев с четвёртого уступа. Немного передохнув, три куринские роты бежали на штурм пятого уступа, тогда как две роты переводили дух. Таким образом, попеременно сменяя друг друга, с нечеловеческим напряжением сил, 5-й батальон Куринского полка занял все семь уступов и ворвался на вершину Мескендука¹.

Успех «наступления перекаатами» определялся необычайной стремительностью движения 5-го батальона Куринского полка. Горцев буквально преследовали по пятам. Они не успевали рассеяться, чтобы охватить колонну с флангов, и не могли остановиться и опомниться. В быстро меняющейся обстановке боя им приходилось часто стрелять наугад. Когда же появлялась возможность укрыться в удобных для засады местах, за стволом дерева или бугорком, и открыть прицельный огонь, неприятель главное внимание обращал на офицеров, которые воодушевляли и ободряли изнемогающих от усталости солдат и своим личным примером поднимали их в атаку [2; 4].

¹ Судя по современным топографическим картам, русские войска взяли штурмом не саму вершину Мескендука, а расположенную немного восточнее от неё вершину г. Мамышасты (807 м).

Взятие Мескендука 5-й батальон Куринского полка оплатил жизнями одного офицера и 6 нижних чинов. Раненых офицеров было 5, нижних чинов – 24. По той страшной местности, в которой 4 июля произошёл бой, он мог стать одним из самых кровавых в истории Кавказа [2]. Вполне мог стать таковым, но не стал, благодаря мужеству солдат и офицеров, и опытности офицеров. Даже участник штурма Мескендука, Н.А. Волконский [4, с. 484], немало удивлялся, восклицая: «И откуда бралась эта мощь, эта железная сила у людей, уже обессиленных всеми невзгодами, трудами, египетскими работами»¹.

Благодаря героическим действиям 5-го батальона Куринского полка, вся остальная часть Чеченского отряда, обременённая тяжёлыми выюками с провиантом, орудиями и зарядами к ним, палатками и прочим снаряжением, 4 июля 1858 г. беспрепятственно вошла на лесную вершину Мескендука, не сделав по пути ни одного выстрела. На вершину горы подняли все орудия, которые в одних местах пришлось тащить на лямках, а в других местах перевозить на выюках. Согласно К. Дидимову [3], 5-й батальон Куринского полка на взятие труднодоступных склонов горы Мескендук потратил свыше 4 часов.

В деле при занятии Мескендука русским войскам противостояли отряды шатоевского наиба Батоки и акинского наиба Гамзата. Отряды наивов, посланные имамом Шамилём на помощь защитникам Мескендука, прискакать вовремя не успели. Уже после занятия Мескендука, в аул Зонах, расположенный на правой стороне Чанты-Аргуна, прибыл ичкеринский наиб Идиль. Ещё ближе к отряду ген.-л. Н.И. Евдокимова подошёл чеберлоевский наиб Лабазан. Он со своим отрядом подготовил засаду на противоположной стороне оврага Джожажин, намереваясь напасть на русские войска при их подъёме на вторую, невысокую лесную гору, стоявшую перед Маловарандинской поляной [2; 4].

Взобравшись на вершину Мескендука к передовой колонне отряда, ген.-л. Н.И. Евдокимов немедленно приказал флигель-адъютанту, полк. М.И. Черткову с двумя батальонами пехоты спуститься в глубокий овраг Джожажин, зиявший ужасной чёрной пропастью. Генерал считал необходимым воспользоваться расстройством отступающего неприятеля, и как можно быстрее перейти через эту пропасть, которая при сильной обороне могла бы стать неприступной для войск [2]. С вершины Мескендука, покрытой менее густым лесом, Н.И. Евдокимов наблюдал горную местность, расположенную на противоположной стороне оврага Джожажин. За невысоким лесным хребтом простиралась Маловарандинская поляна – межгорная котловина,

¹ Напомним, что до начала летней экспедиции 1858 г. Чеченский отряд, без роспуска на квартиры для отдыха, провёл в походах и сражениях всю зиму, весну и первый месяц лета. Войска пережили трескучие январские морозы в палатках среди огромных сугробов снега, весенние ливни, паводки и страшную распутицу. Произвели в горах Чечни тяжелейшие («египетские») инженерно-строительные и фортификационные работы.

окружённая обрывами и перелесками. На дне её лежал аул Малые Варанды¹. Вдали, за редколесьем, были видны другие поляны, а ближе к оврагу – толпы отступающего противника.

Услышав громкие крики жителей аула Малые Варанды, приглашавших войска спускаться к ним без всякого опасения, ген.-л. Н.И. Евдокимов вслед за ушедшей колонной флигель-адъютанта, полк. М.И. Черткова отправил в овраг Джожагин почти весь отряд, оставив на вершине на несколько часов лишь 2 батальона пехоты из арьергарда полк. М.П. фон-Кауфмана [2; 4].

С величайшим трудом, по крутому и узкому каменистому спуску, выюки и горные орудия были свезены на Маловарандинскую поляну. Лошади, навьюченные орудиями, не шли, а съезжали на хвостах [2; 4]. Сами чеченцы удивлялись тому, как по этому спуску смогли пройти войска с выюками и горными орудиями. Они говорили: «Один чёрт ходит по этой дороге» [3, с. 263].

Чеберловский наиб Лабазан, увидев, что маловарандинцы приглашают в свой аул русские войска, отступил с отрядом за Чанты-Аргун.

В 8 часов вечера 4 июля 1858 г. весь Чеченский отряд расположился лагерем по всей Маловарандинской поляне, вблизи аула Малые Варанды. Этот аул стал первым горным аулом в ущелье Чанты-Аргуна, жители которого не ушли в лес и не стали стрелять по русским войскам, а встретили их вполне дружелюбно. Меньшая часть жителей ушла к имаму Шамилю, а большая их часть осталась в ауле². Разумеется, что при подобных обстоятельствах аул Малые Варанды и его жители остались в полной неприкосновенности.

На другой день, 5 июля, из главного лагеря к ущелью Чанты-Аргуна выдвинулся отряд из 4 пехотных батальонов (при 4 горных орудиях) под командованием полк. М.П. фон-Кауфмана. По крутому склону, поросшему мелким, но чрезвычайно густым лесом, отряд спустился к левому берегу Чанты-Аргуна. К реке спустилась также рота сапёр, получившая приказ

¹ Ныне существующее чеченское селение, в котором проживают представители тайпа варандой. В период сталинской депортации чеченцев в это опустевшее селение были переселены из Армении русские молокане.

² Н.И. Евдокимов [2] писал, что это первый случай, когда русские войска подошли к горному аулу, а его жители остались в своих домах и спокойно ждали войска. Столь дружелюбное поведение генерал связывал с влиянием на горцев событий 1857–1858 гг., когда многочисленное чеченское население приняло русское подданство и благополучно обустроивалось на плоскости. Генерал также допускал, что перемена в поведении горцев могла быть связана и с «...особенным народным свойством шубутовцев...» [4, с. 488], то есть шатоевцев, к которым относится тайп варандой. Выскажем собственное предположение о том, почему маловарандинцы встретили русские войска без выстрелов и в своих домах. Связано это, возможно, с их историческим прошлым. Тайп варандой сравнительно недавно принял ислам, насаждавшийся дагестанским проповедником Абу-Муслимом (как рассказывали нам горцы, варандинцы убили его из лука, и из чувства вины за свой проступок позднее приняли ислам). До окончательного утверждения ислама варандинцы имели кровнородственные связи с русскими – гребенскими казаками, жившими на Тереке. Некоторые варандинцы помнят об этом и в настоящее время.

построить мост [4]. Далее отряду предстояло перейти через реку вброд и подняться на поляну правого берега, на которой находился аул Зонах¹.

Действия отряда полк. М.П. фон-Кауфмана описаны в трудах К. Дидимова [3] и Н.А. Волконского [4]. Сначала на правый берег Чанты-Аргуна с превеликим трудом (из-за быстрого течения реки и воды, бывшей выше пояса) переправились рота стрелков и взвод орудий. Под их прикрытием затем перешла основная часть отряда М.П. фон-Кауфмана (помогли офицерские лошади и кавалерия, спустившаяся к реке). Войска стали лагерем на поляне правого берега вблизи аула Зонах, жители которого последовали примеру маловарандинцев и тоже изъявили покорность². На левом берегу Чанты-Аргуна для строительства нового моста остались рота сапёр и батальон пехоты.

По Н.А. Волконскому [4], при переправе через Чанты-Аргун отряда полк. М.П. фон-Кауфмана горцы попытались открыть огонь. Однако ответный огонь навагинцев заставил неприятеля быстро скрыться в лесу.

Занятие правобережной поляны и аула Зонах означало, что все оборонительные сооружения, расположенные по правой стороне Чанты-Аргуна между аулом Зонах и урочищем Ярыш-Марды, на возведение которых горцы израсходовали немало сил и времени, теперь утратили стратегическое значение. Горцы, оказавшись между отрядом полк. Д.С. Наумова, оперировавшего в районе Соси-Ирзау – Ярыш-Марды, и отрядом полк. М.П. фон-Кауфмана в Зонахе, вынуждены были оставить свои завалы и залогии на шатоевской тропе.

Отряд полк. М.П. фон-Кауфмана без промедления приступил к инженерно-строительным работам. Началась рубка леса для увеличения площади зонахской поляны, предназначенной под постройку земляного укрепления. Сапёры с приданным им для оказания помощи пехотным батальоном стали быстро возводить мост через Чанты-Аргун. И, самое главное, отряд приступил к сооружению просеки и колёсной дороги на месте той самой непроходимой шатоевской тропы, на которой горцы сделали многочисленные завалы и залогии. Отряд полк. М.П. фон-Кауфмана через дремучие леса, скалы и обрывы прокладывал дорогу вниз по Чанты-Аргуну к укр. Аргунскому, а из Ярыш-Марды по направлению к Зонаху дорогу строил отряд полк. Д.С. Наумова [3; 4].

Главные силы Чеченского отряда (пехотные батальоны Куринского, Белостокского, Виленского и Тенгинского полков – всего 5 батальонов, пять рот Тенгинского полка, три роты стрелкового № 20-го батальона, две роты

¹ Ныне называется с. Зоны, что дало основание некоторым краеведам утверждать, что название селения произошло от русского слова «зона». На самом деле, аул назывался Зонахом ещё до прихода сюда русских. В селении проживают, в основном, представители тайпа вашандарой.

² Зонах – второй аул в ущелье Чанты-Аргуна, жители которого встретили русские войска вполне дружелюбно. Жители аула 5 июля много способствовали войскам при переходе вброд через Чанты-Аргун, а на следующий день принесли в лагерь оружие и вещи солдат, утерянные ими при переправе [3].

линейного № 10-го батальона, вся кавалерия, при 6 горных орудиях), оставшиеся на Маловарандинской поляне, тоже не бездействовали [4]. Помимо решения задач, связанных с обеспечением беспрепятственного колёсного сообщения Чеченского отряда теперь уже с тыловым укр. Аргунским, ген.-л. Н.И. Евдокимов начал подготовку к боевым действиям главных сил отряда в направлении аула Большие Варанды и далее к шатоевским равнинам.

Горная местность между аулами Малые и Большие Варанды пересекалась лесами, оврагами и буграми [4; 7]. Узкая безлесная полоса, по которой тянулась тропа к аулу Большие Варанды, имела в длину семь вёрст. Верстах в двух от лагеря, на бугре, находилось кладбище. После него тропа уходила в неглубокий топкий овраг и поднималась на возвышенное плато с поляной, окружённой с трёх сторон лесом. Пройдя через лесной массив, тропа извилисто спускалась на Большеварандинскую поляну к аулу Большие Варанды. Поляна эта (известная также как Большое Варандинское поле) замыкалась безлесными горами Саюн-Дук (= Сайн-дук). Таким образом, полоса леса на плато являлась лучшей естественной преградой на пути движения русских войск к Большеварандинской поляне, и эту преграду противник обязан был использовать.

В тот же день, 5 июля, колонна войск из главного лагеря у аула Малые Варанды выступила по протяжению поляны к аулу Большие Варанды для рубки леса и разработки колёсной дороги. Версты через две от лагеря колонна остановилась, и, соблюдая все меры предосторожности, приступила к рубке леса. Тотчас появился противник, пытавшийся помешать производству работ. Удачные выстрелы из орудий гранатами заставили горцев отступить; рубка леса продолжилась [4]. В последующее время почти ежедневно происходили перестрелки и бои с горцами, защищавшими подступы к аулу Большие Варанды.

На следующий день, 6 июля, мост через Чанты-Аргун, связавший войска, стоявшие при аулах Малые Варанды и Зонах, был построен. Закипела работа по прокладке колёсной дороги между Зонахом и Ярыш-Марды [4; 7].

В стане неприятеля произошло важное событие: ночью 6 июля в Шатоевское общество прибыл имам Шамиль, убедившийся в бесполезности ожидания русских войск на Даргендуке. Имам ежедневно стал собирать наибов и горских старшин, привёл их к присяге на газават [3; 4; 7]. Взяв с них клятву на смертный бой с русскими войсками, имам объявил им и всяческие льготы (включая обещание рая с гуриями). На шатоевских равнинах в несколько дней собралось огромное горское войско (9–10 тыс. чел. пехоты и кавалерии). Ополченцы прибывали из самых дальних горных обществ. Горцы стали энергично укреплять оборону: установили артиллерийскую батарею (из 3 горных орудий), построили множество ретраншементов, засек и завалов. К имаму Шамилю прибыли его сыновья Кази-Магома и Шепи-Магомет с большей частью наибов.

Для обозрения местности, на которой предстояли масштабные работы по рубке леса и прокладке дороги, ген.-л. Н.И. Евдокимов 7 июля произвёл

рекогносцировку в сторону аула Большие Варанды [4]. Колонна полк. А.А. Баженова, охранявшая генерала, удалилась от главного лагеря на три вёрсты. При обратном следовании арьергард колонны был упорно, но безуспешно, атакован неприятельскими силами. Горцев, вдохновлённых присутствием имама Шамиля в Шатоевском обществе, остановили только картечь и гранаты.

Начиная с 8 июля 1858 г. Чеченский отряд разъединился на четыре отдельные колонны. Каждая из них действовала по плану ген.-л. Н.И. Евдокимова. Колонны возглавляли полковники А.А. Баженов, М.И. Чертков, М.П. фон-Кауфман и Д.С. Наумов [7]. Передовая колонна полк. А.А. Баженова, расположившаяся ближе всего к аулу Большие Варанды, рубила лес на пространстве от неглубокого топкого оврага до спуска на Большеварандинскую поляну. Задняя колонна флигель-адъютанта, полк. М.И. Черткова базировалась в главном лагере при ауле Малые Варанды и рубила лес, простиравшийся от лагеря до позиции отряда полк. А.А. Баженова. Колонны М.П. фон-Кауфмана и Д.С. Наумова рубили просеку и строили колёсную дорогу по правому берегу Чанты-Аргуна между Зонахом и Ярыш-Марды. Сообщение между главным лагерем и передовой колонной охраняла кавалерия подп. П.Г. Беллика.

Передовая колонна полк. А.А. Баженова, выдвинувшаяся 8 июля для рубки леса и разработки дороги на позицию, находившуюся на дальней оконечности возвышенного плато перед аулом Большие Варанды, впервые со времени начала летней экспедиции столкнулась с весьма многочисленным противником, давшим присягу на газават и дравшимся с крайним ожесточением [4].

Воспроизведём дальнейшие события, происшедшие в районе боевых действий в июле 1858 г. [3; 4; 7–9]. Передовая колонна полк. А.А. Баженова, выбившая 9 июля неприятеля из леса, лежавшего перед аулом Большие Варанды, впервые увидела шатоевские аулы Большие Варанды, Вашиндур, Цаганэ¹ и два постоянных моста через Чанты-Аргун. В этот же день открылось постоянное сообщение между главным лагерем у аула Малые Варанды и укр. Аргунским. В связи с постройкой колёсной дороги все раненые и тяжелобольные под прикрытием войск были перевезены в кр. Воздвиженскую. На другой день, 10 июля, в Зонах из кр. Воздвиженской прибыл первый транспорт, доставивший шанцевый инструмент и провиант. Получив шанцевый инструмент, войска сразу же начали работы по возведению промежуточного земляного укрепления в Зонахе для прикрытия моста на Чанты-Аргуне и на утёсистых участках дороги левого берега реки, на сообщении с главным лагерем. В период с 11 по 14 июля все колонны Чеченского отряда занимались рубкой леса. Кроме того, 12 июля для охраны колёсной дороги

¹ Аул Вашиндур – ныне с. Вашиндарой, аул Цаганэ – ныне с. Хаккой. В исторических источниках с. Хаккой упоминается ещё под такими названиями: Цагуни, Цогоной, Цогуной, Цуагни, Цуган. Вашиндарой и Хаккой, как и все ранее упомянутые селения, ныне входят в состав Шатойского района Чеченской Республики.

была заложена деревянная башня (на одно орудие) в том месте, где началась теснина, а дорога из оврага Ярыш-Марды поднималась на высокий правый берег Чанты-Аргуна. По широкой и удобной дороге, прорубленной в скалах на месте труднопроходимой тропы русскими солдатами, в Чеченский отряд 16 июля были привезены лёгкие орудия и полупудовые мортиры (по одному взводу). К 20 июля вся местность по обеим сторонам дороги, для безопасности движения, была расчищена от леса. К этому дню окончилось и возведение башни в Ярыш-Марды. Поэтому колонна полк. Д.С. Наумова из Соси-Ирзау перебазировалась в Зонах, а её бывшую позицию заняли две роты из отряда полк. З.Н. Алтухова.

Вплоть до 21 июля 1858 г. продолжалась размеренная работа: войска вырубали лес и прокладывали дорогу к аулу Большие Варанды, участвовали в перестрелках с горцами, отбивали их нападения. Но вот наступило 21 июля – трагический день для солдат и офицеров колонны полк. А.А. Баженова и всего Чеченского отряда [4]. Только один проступок, связанный с нарушением воинской дисциплины стрелками левого фланга охранной цепи, и Чеченский отряд понёс самую большую потерю убитыми с начала летней экспедиции¹.

Важное событие случилось в ночь с 24 на 25 июля. Имам Шамиль с частью своего войска (4 тыс. конницы) двинулся через Аккинское общество в Галашевское общество, желая снова возмутить против России карабулаков и на-зрановцев (галгаевцев), и тем самым, отвлечь ген.-л. Н.И. Евдокимова от действий на шатоевском направлении [3; 4; 8]. Узнав о выступлении конницы имама, ген.-л. Н.И. Евдокимов отправил из Чеченского отряда на Сунжу три сотни казаков и три сотни горской милиции под командой начальника Чеченского округа полк. П.Г. Беллика. Кроме того, приказал полк. З.Н. Алтухову, стоявшему с отрядом в укр. Шалинском, срочно перейти под Владикавказ. Остальные силы Чеченского отряда остались на своих местах.

К 30 июля 1858 г. масштабные инженерно-строительные работы в прежде труднодоступных лесных дебрях Чанты-Аргунского ущелья завершились. Войсками была создана надёжная военно-транспортная инфраструктура,

¹ Н.А. Волконский описывает это происшествие, показывающее, к каким тяжёлым результатам приводит беспечность солдат и потеря ими бдительности в делах с чеченцами. Наработавшись на рубке леса, рабочие решили отдохнуть и перекусить. Прикрывавшая рубщиков цепь 2-й стрелковой роты Тенгинского полка тоже решила отдохнуть. Пары стрелков сблизилась, положили возле себя ружья. Откуда-то появились карты, и началась весёлая игра. Тем временем, по лесному оврагу к стрелкам пробрался наиб Батока со 100–150 воинами. Далее со стрелками произошло следующее: «...чеченцы рвали с них сумки, амуницию, отбирали ружья, раздевали их донага и рубили на котлеты. Если бы они не увлеклись поживой, на добычу которой уходило много времени, а ограничились бы только боем – весь левый фланг цепи буквально был бы вырезан. Но жадность, а в особенности стремление завладеть оружием и зарядами, сократили число жертв...» [4, с. 510]. Одного стрелка, молившего на коленях о пощаде, чеченец не убил. В целом примерно за 7 минут резни борцы за свободу и независимость Чечни сумели раздеть донага, обобрать до нитки и изрубить 13 и тяжело ранить 10 стрелков.

опираясь на которую, можно было приступать к активным наступательным действиям.

Перед выдвижением Чеченского отряда к аулу Большие Варанды, ген.-л. Н.И. Евдокимов окончил строительство важного опорного пункта – укр. Зонах, в который был введён гарнизон. В Зонахе установили четыре крепостных и два батарейных орудия, оборудовали артиллерийский и инженерный парки. Создали в укреплении большой запас продовольствия [3].

Ранним утром 30 июля по дороге, построенной в просеке, к аулу Большие Варанды направился авангард Чеченского отряда под командованием опытного военачальника, только что вернувшегося в Чеченский отряд, ген.-м. П.И. Кемферта. Правой колонной авангарда командовал полк. А.А. Баженов, а левой колонной – флигель-адъютант, полк. М.И. Чертков. Арьергард Чеченского отряда находился под командованием полк. М.П. фон-Кауфмана. В отряде были горные и лёгкие орудия, мортиры (всего 12 единиц) и обозы [3; 4; 8].

Покинутый жителями аул Большие Варанды русские войска взяли с боя. Стрелки засели в саклях и завязали перестрелку с чеченцами, отступившими в глубокий лесной овраг. Правую сторону лесного оврага составляла гора Саюн-Дук, покрытая редколесьем и кустарниками. Внимательно осмотрев эту гору, ген.-л. Н.И. Евдокимов приказал начальнику отрядной артиллерии подп. П.В. Тверитинову установить все орудия для обстрела крутых склонов горы с завалами [3; 4]. К. Дидимов [3] писал, что по распоряжению начальника авангарда ген.-м. П.И. Кемферта, на плоских крышах саклей, как на платформах, поставили орудия, и они открыли убийственный огонь картечью, бомбами, гранатами и ядрами по ближайшему лесистому подъёму, гуще леса и безлесной вершине горы. Далее этот автор наблюдал следующую картину: «Наконец, часа через полтора, Чеченцы, не находя места от разрыва гранат, пришли в явное смтение и, как зайцы, со всех сторон начали перепрыгивать из-за одного куста за другой, и выбираться из леса...» [3, с. 272]. Примерно тоже наблюдал Н.А. Волконский с левой стороны подъёма на гору: «Неприятель и из этих мест бежал врассыпную, вспархивая на вершину Саюн-Дука с легкостью птицы» [4, с. 522]. Поскольку артиллерия очистила местность от неприятеля, пехота тремя колоннами, под орудийные залпы, двинулась на штурм горы. Во всех батальонах ударили барабаны, орудия смолкли, и штурмовые колонны быстро взошли к завалам. Горцы со страшными гиками вели сильный огонь, бросались в шашки, но были сбиты с Саюн-Дука, ключевого пункта Варандинских высот. Чеченский отряд стал здесь на ночлег лагерем. Передовые части отряда перешли через Саюн-Дук и заняли удобную позицию на левом берегу Чанты-Аргуна. Двум куриным ротам майора К.Г. Эрнота с риском для жизни удалось переправиться на правый берег реки. Неприятель отступил на правую сторону реки по верхнему (вашиндаройскому) мосту и сжёг его. С Варандинских высот, в вечерней тьме, из русского лагеря было видно зарево пожаров: воины имама Шамиля жгли чеченские аулы. В числе

первых был предан огню огромный аул шатоевского наиба Батоки, в котором нередко останавливался имам Шамиль [3].

В тот же день, 30 июля, имам Шамиль потерпел сокрушительное поражение близ Аки-Юртовского ущелья. В бою погибло 370 воинов имама. Отрядами ген.-м. В.К. Мищенко и полк. П.Г. Беллика были добыты богатые трофеи: 424 ружья, 445 пистолетов и кинжалов, 80 шашек, 14 палаток [8].

На другой день, 31 июля, конные тавлинские партии продолжили сжигать шатоевские аулы [9]. В то же время сапёры, будучи под обстрелом, сумели к ночи отремонтировать сильно повреждённый нижний (цогуныйский) мост через Чанты-Аргун. В полночь на 1 августа 1858 г. авангард ген.-м. П.И. Кемферта перешёл на правый берег, соединился с ротами майора К.Г. Эрнрота и на рассвете стал лагерем при ауле Гаку¹, в самом центре Шатоевского наибства.

Очередной крупный успех русских войск был достигнут благодаря глубоко продуманным, умелым и рациональным действиям ген.-л. Н.И. Евдокимова, профессионализму и самоотверженности офицеров, храбрости и стойкости кавказских солдат. Как и всегда прежде, в сражениях войск Н.И. Евдокимова и имама Шамиля, русские войска понесли минимальные потери, несмотря на труднопроходимость и отличную приспособленность к обороне горно-лесного пространства и активное сопротивление неприятеля. В ходе боевых действий, мирное население ущелья Чанты-Аргуна, судя по всему, не пострадало.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головлёв, А. А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 3. Военно-политические события в Малой и Большой Чечне, Назрановском и Галашевском обществах (апрель–июнь 1858 г.) / А. А. Головлёв. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 28–45.
2. Журнал военных действий войск Левого Крыла Кавказской линии с 1-го по 5-е июля 1858 года, составленный командующим сими войсками ген.-л. Н.И. Евдокимовым. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1088–1090.
3. Дидимов, К. Экспедиция в Чанты-Аргунское ущелье с 1 июля по 19 августа 1858 года / К. Дидимов. – Текст : непосредственный // Военный сборник. – 1859. – Т. VIII. – Отд. II. – С. 255–284.
4. Волконский, Н. А. 1858 год в Чечне / Н. А. Волконский. – Текст : непосредственный // Кавказский сборник. – 1879. – Т. III. – С. 377–591.

¹ Н.А. Волконский [4] называет этот аул Гакко. Название аула – от тайпа хьаккой, который относится к тукхуму шатой (шуйтой). Ныне на месте аула Гаку (Гакко, Гукой, Гахкой) – районный центр с. Шатой.

5. С Левого Крыла. – Текст : непосредственный // Кавказ. – 1858. – № 55. – С. 280–282.
6. Данилевский, Я. Ф. Обзор военных действий на Кавказе за истекшее лето / Я. Ф. Данилевский. – Текст : непосредственный // Современная летопись Русского вестника. – 1859. – Т. XIX. – Кн. 1. – № 2 (февраль). – С. 191–201.
7. С Левого крыла Кавказской линии. – Текст : непосредственный // Кавказ. – 1858. – № 59. – С. 300–301.
8. С Левого крыла. – Текст : непосредственный // Кавказ. – 1858. – № 63. – С. 320–321.
9. Журнал военных действий главного Чеченского отряда с 15-го июля по 1-е августа 1858 года, представленный командующим войсками Левого Крыла Кавказской линии, ген.-л. Н.И. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 3 августа 1858 года, № 310. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1094–1096.

REFERENCES

1. Golovlyov A. A. General Nikolay Ivanovich Yevdokimov i Chechnya. Chast 3. [General Nikolai Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 3]. Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 28–45. (In Russian).
2. Zhurnal voyennykh deystviy voysk Levogo Kryla Kavkazskoy linii s 1-go po 5-ye iyulya 1858 goda, sostavlennoy komanduyushchim simi voyskami gen.-l. N.I. Yevdokimovym [The Journal of military operations of the troops of the Left Wing of the Caucasian Line from July 1 to July 5, 1858, compiled by the commander of these troops Gen.-L. N. I. Evdokimov]. Akty. sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1088–1090. (In Russian).
3. Didimov K. Ekspeditsiya v Chanty-Argunskoye ushchel'ye s 1 iyulya po 19 avgusta 1858 goda [Expedition to the Chanty-Argun Gorge from July 1 to August 19, 1858]. Voyennyy sbornik = Military Collection, 1859, vol. VIII, sect. II, pp. 255–284. (In Russian).
4. Volkonskiy N. A. 1858 god v Chechne [1858 in Chechnya]. Kavkazskiy sbornik = Caucasian Collection, 1879, vol. III, pp. 377–591 [In Russian].
5. S levogo kryla [From the Left Wing]. Kavkaz = The Caucasus, 1858, No. 55, pp. 280–282. (In Russian).
6. Danilevskiy Ya. F. Obzor voyennykh deystviy na Kavkaze za isteksheye leto [Review of military operations in the Caucasus over the past summer]. Sovremennaya letopis Russkogo vestnika = The modern Chronicle of the Russian Bulletin, 1859, vol. XIX, book 1, No. 2, pp. 191–201. (In Russian).
7. S Levogo kryla Kavkazskoy linii [From the Left wing of the Caucasian Line]. Kavkaz = The Caucasus, 1858, No. 59, pp. 300–301. (In Russian).
8. S levogo kryla [From the Left wing]. Kavkaz = The Caucasus, 1858, No. 63, pp. 320–321. (In Russian).

9. Zhurnal voyennykh deystviy glavnogo Chechenskogo otryada s 15-go iyulya po 1-ye avgusta 1858 goda, predstavlenyy komanduyushchim voyskami Levogo Kryla Kavkazskoy linii, gen.-l. N.I. Yevdokimovym, voyennomu ministru, gen.-ad"yt. Sukhozanetu, pri raporte, ot 3 avgusta 1858 goda, № 310 [The Journal of military operations of the main Chechen detachment from July 15 to August 1, 1858, presented by the commander of the troops of the Left Wing of the Caucasian Line, Gen.-L. N.I. Evdokimov, to the Minister of War, Gen.-Adjut. Sukhozanet, with a report, dated August 3, 1858, No. 310]. Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission, Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1094–1096. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Головлёв, А. А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 4. Движение русских войск в Шатоевское общество (летняя экспедиция 1858 г.) / А. А. Головлёв. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 122–140.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Golovlyov A. A. General Nikolay Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 4. Movement of Russian Troops Into the Shatoevskoe Society (Summer Expedition 1858) / A. A. Golovlyov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 122–140. (In Russian).

УДК 94 (47+57) "1956/1964"

**ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННЫХ ТОВАРОВ
ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ И УРОВЕНЬ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ В 1956–1964 ГГ.**

Р.Р. Готова

**THE PRODUCTION OF INDUSTRIAL CONSUMER GOODS
AND POPULATION SECURITY
OF KUBAN IN 1956–1964**

R.R. Gotova

Аннотация. В статье рассматривается процесс производства промышленных товаров широкого потребления в середине 1950-х – середине 1960-х гг. Отмечается, что одним из основных факторов увеличения выпуска данных товаров являлось усиление социальной направленности в политике руководства КПСС, связанное с курсом непосредственного строительства коммунизма. На основе использования архивных материалов и опубликованных источников анализируется развитие предприятий легкой промышленности в Краснодарском крае и в целом по стране. Раскрываются положительные результаты и проблемы в деятельности данных предприятий. Дается оценка состоянию обеспеченности населения Кубани промышленными товарами широкого потребления. Обращается внимание на несоответствие качества многих товаров и узкий ассортимент выпускаемой продукции возросшему потребительскому спросу советских граждан. Рассматривается нарастание в советском обществе таких негативных явлений, как «теневая экономика» и спекуляция дефицитными товарами. Отмечается противоречивость достигнутых результатов в сфере обеспечения населения промышленными товарами широкого потребления.

Abstract. The article deals with the process of production of industrial consumer goods in the mid-1950s – mid-1960s. It is noted that one of the main factors to increase the output of these goods was strengthening of social orientation in the policy of the leadership of the CPSU associated with the course of the direct construction of communism. Based on the use of archival materials and published sources, the development of light industry enterprises in Krasnodar Krai and in the whole country is analyzed. Positive results and problems in the activities of these enterprises are revealed. An assessment is made of the state of provision of the population of Kuban with industrial consumer goods. Attention is drawn to the discrepancy between the quality of many goods and the narrow range of manufactured products to the increased consumer demand of Soviet citizens. The growth in the Soviet society of such negative phenomena as the "shadow economy" and speculation in scarce goods is considered. The contradictory nature of the results achieved in the field of providing the population with industrial consumer goods is noted.

Ключевые слова: товары широкого потребления, производство, обеспечение, легкая промышленность, население, Краснодарский край.

Keywords: consumer goods, production, supply, light industry, population, Krasnodar Krai.

Решение задачи производства промышленных товаров бытового назначения и удовлетворения соответствующего потребительского спроса населения на протяжении всей советской истории являлось серьезной проблемой. В предвоенный период и в первое послевоенное десятилетие приоритетность задач индустриализации страны и укрепления обороноспособности не предусматривала выделение значительных средств на развитие предприятий легкой промышленности. Главная роль в обеспечении населения предметами широкого потребления отводилась мелким видам производства, к числу которых относились предприятия местной промышленности и промысловой кооперации.

В середине 1950-х гг. политика партийного руководства по отношению к производству товаров широкого потребления начинает меняться. Возглавивший ЦК КПСС Н.С. Хрущев и другие руководители партии признали необходимость усиления социальной направленности политического курса, в том числе, в вопросах обеспечения населения товарами широкого потребления. Одной из главных причин такого поворота стало стремление нового руководства страны к началу непосредственного строительства коммунистического общества.

Достижение этой цели было невозможно без существенного повышения жизненного уровня советских граждан, так как при коммунизме, согласно представлениям идеологов партии, должны были быть полностью удовлетворены повседневные проблемы населения. В связи с этим, развитие экономики стало напрямую определяться задачами повышения жизненного уровня трудящихся. На состоявшемся XX съезде КПСС (февраль 1956 г.) было принято решение о подготовке новой Программы КПСС, в которой задачи построения коммунизма тесным образом увязывались с ростом благосостояния советского народа.

Для достижения существенного увеличения производства товаров широкого потребления основная ставка была сделана на развитие крупных предприятий легкой промышленности. В связи с этим, принимались меры по ликвидации промысловой кооперации. В июле 1955 г. пленум ЦК КПСС констатировал, что многие предприятия промкооперации утратили кустарно-промысловый характер, перестали отличаться от госпредприятий, качество изделий стало хуже, а себестоимость – выше, чем в государственной промышленности [12, с. 521]. Пленум высказался за передачу в государственную промышленность всех артелей, «утративших кустарный характер» [12, с. 523]. В начале 1960-х гг. этот процесс был полностью завершен.

Отмеченные перемены привели к монополизации производства промышленных товаров широкого потребления на крупных предприятиях легкой промышленности, которые ориентировались на внедрение универсальных технологий. Как отмечают Р.М. Нуреев и А.И. Гретченко, «гигантомания имела свои причины. Она была продиктована не только общей ориентацией на будущее коммунистическое общество, предпочтением завтрашнего дня сегодняшнему. В этом сказывалось и стремление реализовать экономические

преимущества крупного производства над мелким. Учесть потребности крупного производства было легче и в народнохозяйственном планировании. Наконец, немаловажным обстоятельством было и то, что крупномасштабное строительство всегда было заметно «сверху», могло быть по достоинству оценено вышестоящим начальством» [11, с. 151].

Вместе с тем в период осуществления инициированной Н.С. Хрущевым экономической реформы (1957–1964 гг.) принимались меры по расширению хозяйственной самостоятельности на местах и учете региональных запросов населения в производстве товаров широкого потребления. В рамках созданных совнархозов считалось возможным производить и реализовывать эти товары непосредственно в пределах того или иного экономического района.

В связи с этим, краевые партийно-государственные органы несли большую, чем раньше, ответственность за реализацию решений ЦК КПСС и советского правительства на территории Краснодарского края, в том числе в вопросах производства товаров широкого потребления и обеспечения ими местного населения. Эти и другие меры, направленные на повышение эффективности экономики, способствовали постоянному росту производства на предприятиях легкой промышленности Кубани. Так, в 1959 г. краснодарская швейная фабрика № 12 выпустила 5,3 тыс. зимних мужских пальто, 24,3 тыс. демисезонных мужских пальто, 45,1 тыс. зимних женских пальто, 10,9 тыс. демисезонных женских пальто, 45,7 тыс. летних женских пальто, 16,1 тыс. женских зимних плюшевых, 23,6 тыс. взрослых ватных одеяла, 4,9 тыс. детских ватных одеяла, 24,4 тыс. бушлатов, 172,4 тыс. курток, 221,7 тыс. взрослых и 6,9 тыс. детских трусов [2, л. 5–6].

Вместе с тем, частыми явлениями этого периода являлось невыполнение установленных правительством производственных планов, что в свою очередь отрицательно отражалось на решении задач обеспечения населения товарами широкого потребления. Так, Краснодарский камвольно-суконный комбинат за 11 месяцев 1960 г. недовыработал на 272 тыс. метров по 14 артикулам шерстяных тканей на сумму 68 млн руб. [13, л. 54].

В дальнейшем эта ситуация стала улучшаться благодаря расширению использования автоматизированных станков и повышения квалификации рабочих. В 1961 г. камвольно-суконный комбинат выпускал женский и мужской драп «Кавказ», ткань пальтовую детскую, трико «Новатор», «Альфа», «Вульфия», «Аргон», «Ударник» и костюмное, габардин, бостон и другие изделия. Многие из них быстро завоевали популярность у потребителей благодаря хорошему качеству и доступным ценам [6, л. 5].

Еще одним примером производства промышленных товаров широкого потребления на Кубани являлся краснодарский фарфоровый завод «Чайка». В 1960 г. была введена в эксплуатацию первая очередь завода, что обеспечило выпуск посуды на 28 млн руб. [3, л. 95]. Во втором полугодии 1960 г. на заводе была расширена механизация производственного процесса, что позволило увеличить выпуск продукции [3, л. 181]. В марте 1960 г. предприятие выпустило

первую партию фарфоровой посуды, в 1964 г. стало производить и фаянсовую посуду. Уже в 1966 г. выставка-продажа кубанского фарфора прошла не только в Краснодаре, но и в Москве. Широкую известность «Чайка» получила и благодаря уникальным художественным изделиям, таким как выставочные сервизы Л.Н. Павловой «Зори Кубани», «Лунный» и другие [8, с. 71–83].

В это же время было увеличено производство многих других изделий повседневного спроса. В 1959 г. предприятия Краснодарского совнархоза выпустили 123 тыс. пар рукавиц спилковых, 8,7 тыс. ошейников для собак, 3,7 тыс. патронташей бурских, 82,7 тыс. ремешков для часов, 0,9 тыс. пар комнатных туфлей, 80,8 тыс. пар перчаток, 11,8 тыс. шерстяных шарфов, 17,1 варежек, 18,6 тыс. хлопчатобумажных трусов, 0,17 тыс. вискозных комбинаций и другие виды товаров широкого потребления [4, л. 253–254].

Все больше кубанцев стало приобретать в это время и бытовые товары длительного пользования. Большим спросом пользовались велосипеды, мотоциклы, приемники, холодильники, стиральные машины, шелковые и шерстяные ткани [9, с. 657]. В целях улучшения возможностей в приобретении данных товаров с конца 1950-х гг. получила распространение такая услуга, как торговля в кредит или в рассрочку. Человек, купивший таким образом какой-либо предмет бытовой техники, оплачивал 20 % цены, а остальную сумму вносил равными частями в течение 6 или 12 месяцев. Так, в 1959 г. в Краснодаре торговля в кредит велась в 8 магазинах. Только за ноябрь было продано 400 радиол и радиоприемников, 90 мужских костюмов, 70 швейных машин «Тула» [9, с. 670].

В конце 1950-х гг. большое внимание стало уделяться повышению качества товаров широкого потребления. Это было связано с неблагоприятным состоянием дел в этом вопросе, что признавалось партийно-государственными и хозяйственными органами. Так, по сведениям Д.И. Гангур, на совещании работников промышленности Краснодарского края в мае 1955 г. отмечалось, что на предприятиях края неудовлетворительно велась работа по улучшению качества товаров народного потребления, допускалось большое количество внутрицехового брака. Например, внутрицеховые переделки готовой продукции на Армавирской швейной фабрике составили 32,4 %, Новороссийской – 23 %, Краснодарской – 18 % [1, с. 110].

Факты производства бракованной продукции продолжали иметь место и в последующие годы. Например, на Армавирской швейной фабрике за 1960 г. было изготовлено 327 443 штук шерстяных пальто без брака, однако 40 558 пальто не было принято отделом технического контроля (ОТК) и возвращено в цех на исправление. Было также изготовлено без брака 126 739 подростковых плюшевых пальто, но 51 634 пальто не было принято ОТК. В этом же году фабрика изготовила без брака 192 891 различных хлопчатобумажных изделий (брюки, халаты и др.), однако 7 784 не было принято ОТК [5, л. 146].

Не лучшим образом обстояло дело и с освоением производства новых видов товаров культурно-бытового назначения. Со стороны правительства в июне 1960 г. было указано на это председателю Краснодарского совнархоза

Байбакову. Среди этих товаров были электролампа-ночник, срок освоения которой краснодарским заводом ЗИП истек в декабре 1959 г., на этом же заводе в апреле 1960 г. истек срок изготовления фена для сушки волос. В свою очередь краснодарский завод «Краснолит» допустил невыполнение сроков изготовления электроутюга с терморегулированием и подпариванием и т. д. [3, л. 174–175].

В это время среди изделий, выпускаемых легкой промышленностью, преобладали не отличающиеся особой изысканностью. Например, как отмечает Д.И. Гангур, «среди выпускаемых швейных изделий одежда массового пошива составляла 70 % продукции фабрик страны, улучшенного качества – 20 %, а высшего качества – 10 %. При этом, предприятиями швейной промышленности Краснодарского экономического района в 1958–1960 гг. выпускались только три вида изделий высшего качества, а именно: костюмы шерстяные мужские, пальто женские и мужские демисезонные» [1, с. 108].

Помимо центральных ведомств, региональные органы управления также обращали внимание на необходимость принятия мер по повышению качества производимой продукции. Так, Совет народного хозяйства Северо-Кавказского экономического района 28 февраля 1963 г. указал на важность мероприятий по улучшению планирования производства товаров народного потребления, повышению качества и расширения ассортимента, внедрения в производство новых видов товаров, а также лучшей организации взаимодействия с оптовыми базами и розничных торговых организаций Минторга РСФСР [7, л. 19].

Приведенные сведения свидетельствуют о том, что объемы производимых товаров широкого потребления были довольно внушительны и с каждым годом демонстрировали дальнейшее увеличение. Это, казалось бы, должно было привести к устранению товарного дефицита. Однако этого не происходило, и причина заключалась не в отсутствие многих товаров в продаже, а в повышении уровня запросов советских граждан, которые хотели приобрести по-настоящему качественные и привлекательные по своим внешним данным изделия.

Как справедливо отмечает О.Ю. Гурова, «дефицитом являлись товары, которые пользовались особым спросом, прежде всего, отдельные категории вещей: модные вещи, импортные товары (престиж импортных вещей был очень высок), новинки, современные вещи. Поэтому дефицит был относительным: наряду с «затовариванием» советскими вещами, которые не пользовались спросом, существовал дефицит вещей повышенного спроса» [10].

Возникновению дефицита благоприятствовала также практика производства продукции без учета спроса на нее населения. В магазинах часто продавались вещи не по сезону или только определенных размеров и фасонов. Например, в декабре 1959 г. Госплан РСФСР в письме руководству Краснодарского совнархоза сообщил, что по результатам проверки было установлено, что в розничной сети к началу весенне-летнего и осенне-зимнего

сезонов ощущалась недостаточно сезонных видов обуви. Это свидетельствовало о несвоевременности перехода отделов обуви предприятий на выпуск видов обуви по утвержденным худсоветами образцам [3, л. 66–67].

Кроме того, в недостаточной степени реализовывалась заложенная в создании совнархозов идея обеспечения товарами местного населения непосредственно предприятиями данного экономического района. Например, 3 декабря 1959 г. в постановлении бюро Армавирского горкома КПСС отмечалось, что в городе не всегда можно купить простейшие предметы домашнего обихода: электроутюги, мясорубки, скобяные изделия, шнурки для бот, материалы бытовой химии, производство которых можно было организовать на предприятиях города [3, л. 134–135].

Вследствие указанных причин в советском обществе по-прежнему имели место такие явления как спекуляция дефицитными товарами, в том числе изделиями импортного производства, которые попадали в СССР через иностранных студентов и советских граждан, побывавших за границей. Партийно-государственные органы пытались бороться с такими явлениями административными методами, а также широким использованием мер уголовного наказания.

Так, 1 августа 1964 г. в Краснодаре был закрыт вещевой рынок, что явилось следствием курса на ликвидацию «частной торговли». Принимались меры к прекращению торговли «домашними вещами, изделиями кустарного промысла и т. п. На рынках и прилегающим к ним улицам, а также при всех крупных магазинах организовывались «добровольные народные дружины из числа работников магазинов по борьбе со спекулянтами и кустарями». В 1964 г. в Краснодаре финорганами было выявлено 1 034 человека, занимавшихся кустарными промыслами, в том числе 739 человек – запрещенными [9, с. 682].

Несмотря на принимаемые меры и жесткий характер борьбы с частной торговлей и спекуляцией, данные явления глубоко укоренились в советском обществе. Они отражали существующие недостатки в производстве и распределении товаров широкого потребления и в определенной степени компенсировали дефицит данных товаров, удовлетворяя потребительский спрос населения.

Таким образом, производство промышленных товаров бытового назначения на Кубани в 1956–1964 гг. демонстрировало постоянный рост основных показателей. За это время значительно увеличился выпуск продукции легкой промышленности и других отраслей экономики, ориентированной на производство товаров широкого потребления. Принимались меры по расширению ассортимента данных товаров. Вместе с тем, объемы производства товаров широкого потребления не соответствовали возросшему спросу населения. Серьезные проблемы существовали в вопросах выпуска наиболее востребованных у населения видов товаров и обеспечения их качества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гангур, Д. И. Проблема качества товаров народного потребления в СССР в 1955–1975 гг. (на материале швейной промышленности Краснодарского края) / Д. И. Гангур. – Текст : непосредственный // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 9. – С. 105–115.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 302. – Текст : непосредственный.
3. ГАКК. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 422. – Текст : непосредственный.
4. ГАКК. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 496. – Текст : непосредственный.
5. ГАКК. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 582. – Текст : непосредственный.
6. ГАКК. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 597. – Текст : непосредственный.
7. ГАКК. Ф. Р-1653. Оп. 1. Д. 49. – Текст : непосредственный.
8. Глина в руках человека. – Краснодар : Книжн. изд-во, 1989. – 91 с. – Текст : непосредственный.
9. Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях : материалы к летописи. – Краснодар : Книжн. изд-во, 1993. – 798 с. – Текст : непосредственный.
10. Гурова, О. Ю. Бытовые вещи в Советской России, 1970-е годы / О. Ю. Гурова. – URL: http://www.iriss.ru/attach_download?object-id. – Текст : электронный.
11. Нуреев, Р. М. Реформы и застой в советской экономике / Р. М. Нуреев, А. И. Гретченко. – Текст : непосредственный // Историко-экономические исследования. – 2008. – Т. 9. – № 3. – С. 147–156.
12. О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства: постановление пленума ЦК КПСС 4–12 июля 1955 г. – Текст : непосредственный // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. Т. 8. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политическая литература, 1985. – С. 510–527.
13. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-А. Оп. 8. Д. 2461. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Gangur D.I. Problema kachestva tovarov narodnogo potrebleniya v SSSR v 1955–1975 gg. (na materiale shvejnoj promyshlennosti Krasnodarskogo kraya) [The problem of the quality of consumer goods in the USSR in 1955–1975. (on the material of the clothing industry of Krasnodar Krai)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* = *Genesis: Historical Research*, 2019, No. 9, pp. 105–115. (In Russian).
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State Archive of Krasnodar Krai]. Fund. R-1549, inventory 1, case 302.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State Archive of Krasnodar Krai]. Fund. R-1549, inventory 1, case 422.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State Archive of Krasnodar Krai]. Fund. R-1549, inventory 1, case 496.
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State Archive of Krasnodar Krai]. Fund. R-1549, inventory 1, case 582.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State Archive of Krasnodar Krai]. Fund. R-1549, inventory 1, case 597.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State Archive of Krasnodar Krai]. Fund. R-1653, inventory 1, case 49.

8. *Glina v rukah cheloveka* [Clay in human hands]. Krasnodar, Knizhn. izd-vo, 1989. 91 p.
9. *Ekaterinodar – Krasnodar: dva veka goroda v datah, sobytiyah, vospominaniyah. Materialy k letopisi* [Yekaterinodar – Krasnodar: two centuries of the city in dates, events, memories. Materials for the annals]. Krasnodar, Knizhn. izd-vo, 1993. 798 p.
10. Gurova O.Yu. *Bytovye veshchi v Sovetskoj Rossii, 1970-e gody* [Household items in Soviet Russia, 1970s]. Available at: http://www.iriss.ru/attach_download?object-id. (In Russian).
11. Nureyev R.M., Gretchenko A.I. Reformy i zastoy v sovetskoy ekonomike [Reforms and stagnation in the Soviet economy]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Historical Economic Research*, 2008, vol. 9, No. 3, pp. 147–156. (In Russian).
12. O zadachah po dal'neyshemu podiyemu promyshlennosti, tekhnicheskomu progressu i uluchsheniyu organizacii proizvodstva: postanovlenie plenuma CK KPSS 4–12 iyulya 1955 g. [On the tasks for the further rise of industry, technical progress and improvement of the organization of production: resolution of the plenum of the Central Committee of the CPSU July 4–12, 1955]. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah siezdov, konferencii i Plenumov CK (1898–1988) = The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)*. M.: Politicheskaya literatura, 1985, vol. 8, pp. 510–527. (In Russian).
13. *Centr dokumentacii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraya* [The Center for Documentation of Recent History of Krasnodar Krai]. Fund 1774-A, inventory 8, case 2461.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Готова, Р. Р. Производство промышленных товаров широкого потребления и уровень обеспеченности населения Кубани в 1956–1964 гг. / Р. Р. Готова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 141–148.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gotova R. R. The Production of Industrial Consumer Goods and Population Security of Kuban in 1956–1964 / R. R. Gotova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 141–148. (In Russian).

УДК 93/94

**ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ – СЕРЕДИНЕ XIX В. И ЕЕ МЕСТО
В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПАРТНЕРСТВА
НАРОДОВ КУБАНИ¹**

С.Л. Дударев

**POLISH EMIGRATION IN THE NORTHWESTERN CAUCASUS
IN THE FIRST HALF – MIDDLE XIX CENTURY AND ITS PLACE
IN THE FORMATION OF HISTORICAL AND CULTURAL PARTNERSHIPS
OF THE PEOPLES OF KUBAN**

S.L. Dudarev

Аннотация. В ракурсе преподавания в высшей школе курсов по выбору о формировании историко-культурного партнерства народов Кубани важно указать и на то, что в процессе историко-культурного взаимодействия в северо-западно-кавказском регионе, особенно такой его части, как территория Кубани, известную роль сыграли представители польского народа.

К оценке значения польской эмиграции в историко-культурных и т. д. процессах на Кубани недавно обратились известные северокавказские ученые-историки Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян. Их исследование имеет высокую актуальность. Вся последующая история XX и начала XXI в. показывают, что внешние силы стремились и стремятся оторвать Кавказ, особенно северную его часть, от Большой России. Геополитическая роль этого региона – солнечного сплетения Евразии (А.А. Жданов) сегодня велика как никогда. Авторы сумели квалифицированно продемонстрировать роль польской эмиграции в обострении ситуации на Северном Кавказе, которая играла провоцирующую роль в западной части Региона, Черкесии, стремясь консолидировать местные политические силы для организации сопротивления Российской империи. Они показали далеко идущие планы польских инсургентов, которые не только стремились добиться восстановления польской независимости (что само по себе было важной исторической задачей польского народа), но реализации этой задачи через развал Российского государства, что принесло бы неисчислимые беды народам нашей страны. В то же время ученые очень точно указали на то, что планы польской эмиграции в своей основе были утопическими, поскольку она была, за редким исключением, слабо знакома со спецификой Кавказа, его социокультурным и политическим устройством, ментальностью его народов и этнических групп, и не отдавала себе отчета в том, что центробежные силы, на которые она пыталась опираться, в целом были гораздо слабее центростремительных, что особенно ярко выявилось в событиях XX в.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края» № ППН-21.1/26».

Как это ни парадоксально, но потомки польских эмигрантов XIX в., занимавших неодинаковые позиции по отношению к российским властям, живущие ныне на Кубани, составили основу современной польской общины края. История все расставила на свои места. Те, предки которых были не только лояльными Российскому государству, но и боролись против него, сегодня вносят свой вклад в дело строительства новой России.

Abstract. From the perspective of teaching elective courses on the formation of a historical and cultural partnership of the peoples of the Kuban in institutions of higher education, it is important to point out that in the process of historical and cultural interaction in the North-West Caucasus Region, especially in such a part of it as the territory of Kuban, a certain role was played by representatives of the Polish people.

The well-known North Caucasian historians Yu.Yu. Klychnikov and S.S. Lazaryan addressed an assessment of the significance of Polish emigration in historical, cultural and other processes in Kuban. Their research is of high relevance. All subsequent history of the XX and the beginning of the XXI century show that external forces have sought and are striving to tear the Caucasus, especially its northern part, from Greater Russia. The geopolitical role of this region as the solar plexus of Eurasia (A.A. Zhdanov) today is greater than ever. The authors were able to skillfully demonstrate the role of Polish emigration in the aggravation of the situation in the North Caucasus which played a provocative role in the western part of the Region, Circassia that tried to consolidate local political forces to organize resistance to the Russian Empire. The authors showed the far-reaching plans of the Polish insurgents who not only sought to achieve the restoration of Polish independence (which in itself was an important historical task for the Polish people) but to carry out this task through the collapse of the Russian state, which would have brought innumerable misfortunes to the peoples of our country. At the same time, the authors very accurately pointed out that the plans of Polish emigration were basically utopian since, with rare exceptions, the Poles were poorly acquainted with the specifics of the Caucasus, its socio-cultural and political structure, the mentality of its peoples and ethnic groups; they were not aware that the centrifugal forces, on which they tried to rely, were generally much weaker than the centripetal ones which was especially clearly revealed in the events of the 20th century.

Paradoxical as it may seem, but the descendants of the Polish emigrants of the 19th century who occupied unequal positions in relation to the Russian authorities, now living in Kuban, formed the basis of the modern Polish community of the region. History has put everything in its place. Those whose ancestors were not only loyal to the Russian state but also fought against it today are making their contribution to the building of a new Russia.

Ключевые слова: горцы, пленные поляки, польская эмиграция, инсургенты, легионеры, британские «спонсоры», отель «Ламбер», имамат Шамиля.

Keywords: gortsy, captured Poles, Polish emigration, insurgents, legionnaires, British "sponsors", "Lambert" hotel, Shamil's imamate.

В ракурсе преподавания в высшей школе курсов по выбору о формировании историко-культурного партнерства народов Кубани важно указать и на то, что в процессе историко-культурного взаимодействия в северо-западно-кавказском регионе, особенно такой его части, как территория Кубани, известную роль сыграли представители польского народа.

К оценке значения польской эмиграции в историко-культурных и т. д. процессах на Кубани недавно обратились известные северокавказские ученые-историки Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян. Их работа продолжает затронутую ими ранее тему нахождения военнослужащих польского происхождения среди горцев, враждебных России. Если первое исследование было посвящено, прежде всего, судьбам плененных горцами поляков [6], то нынешняя работа [7] касается и тех лиц польского происхождения, которые целенаправленно вели среди народов Кавказа деятельность, направленную на подрыв позиций Российской империи в этом регионе, в конечном счете, полное устранение ее с местной политической карты.

Первый раздел «Горцы Северного Кавказа и «польская справа» рассматривает место северокавказцев в политических планах тех польских сил, которые поставили своей задачей борьбу с Российским государством. Авторы отмечают, что среди поляков, находившихся в горской среде, были как беглецы из рядов российской армии, сосланные на Кавказ за участие в выступлениях против России, рассчитывавшие продолжить борьбу с ней с помощью жителей гор, так и те, кто прибыл сюда с этой же целью из европейских стран. Исследователи полагают, что поляки, будучи носителями европейских военных традиций, были опасными противниками русских, поскольку обучали горцев более передовому военному искусству. Это суждение важно не только потому, что польские инсургенты действительно обладали потенциалом, который мог пригодиться горцам, воевавшим с российской армией. Авторы приводят свидетельство одного из видных российских военных первой половины XIX в., генерала П.Х. Граббе, который указывал, что польские дезертиры способствовали обзаведению горцами артиллерией. Примечательно то, что еще до Граббе выдающийся российский военный деятель А.П. Ермолов указывал, что если англичане доставят горцам артиллерию и научат их военному искусству (имеется в виду искусству современной европейской войны; приемами своей традиционной горно-лесной войны горцы издавна владели в совершенстве), то россиянам придется укрепляться на Дону. Другими словами, Ермолов, по сути, предвосхитил роль европейцев в наращивании боевой мощи горских формирований, воевавших с российскими войсками.

В то же время, вряд ли стоит преувеличивать значение тех же поляков в оснащении горцев артиллерией, в чем особенно себя проявил поручик Якубович, он же Якуб-хан. Его деятельность относится, прежде всего, к Черкесии, а не территории имамата [9, с. 91]. Вообще же степень участия беглых поляков в горских формированиях, верно отмечена П.Э. Граббе, который подчеркивал, что выходцы из Польши в целом отличались в Кавказской армии примерным поведением. И этот вывод в наше время подтвердился интересным исследованием О.В. Матвеева, который выявил немало примеров доблести и следования воинскому долгу со стороны российских военных польского происхождения [11, с. 200–238].

В то же время и работа Ю.Ю. Клычникова и С.С. Лазаряна является прекрасной иллюстрацией этого, польские беглецы из числа ссыльных были весьма опасны тем, что вели пропаганду, распространяя литературу патриотического содержания, переводимую на русский язык. Поляки были наиболее идейно заостренными из числа дезертиров из российской армии, многие из которых были отнюдь не «воинами-интернационалистами», воевавшими за «нашу и вашу свободу», но оказались в числе беглецов по совершенно прозаическим причинам, хорошо знакомым по контингенту пленных славян вообще (воровство, девиантное поведение, участие в рабовладельческом промысле и т. п.). [3]. Новые исследования молодого историка Н.С. Степаненко, подготовленные на материалах ГАКК, подтверждают это. При этом особым объектом польских пропагандистов было казачество. Авторы не пишут о причинах такого внимания поляков к казакам. Но, возможно, что, как польские ссыльные, так и эмиссары, действовавшие от имени «новой Италии и юной Франции», были в курсе того, что порой казаки проявляли серьезное недовольство переселенческой политикой властей, устраивая волнения, или даже бежали к горцам [3]. Но вернемся к теме казачества в польских планах ниже.

Среди поляков, действовавших на Северном Кавказе, действовали, как показано авторами, и явные авантюристы вроде некоего Полинского / Палинского, погибшего на р. Сочи от российского ядра, действовавшего в связке с хорошо известными английскими эмиссарами, Лонгвортом, капитаном Беллом и др., и возившего к горцам порох и проч.

Его фигура весьма примечательна для данной темы, как четкое свидетельство того, что услугами подобных личностей пользовался британский Foreign Office. Можно сказать, что за спиной таких польских «деятелей» угадываются очертания тогдашних «спецслужб» Его Величества, которые стремились всячески ослабить российское влияние на Кавказе. В планах англичан польские дезертиры играли, как явствует из рецензируемой книги, далеко не последнюю роль, как будущие легионеры, предшественники тех, которые действовали на Северо-Западном Кавказе несколько позднее, в середине XIX в. Поляки играли роль, как выразились авторы, ширмы для англичан, не желавших прямого столкновения с Россией.

Непосредственным координатором усилий представителей польской эмиграции в 1830-х гг. являлся известный британский резидент в Константинополе Д. Уркварт. Что же касается польской стороны, то ключевым узлом эмиграции, пытавшейся вести игру на Кавказе, была ее штаб-квартира в отеле «Ламбер» в Париже. Базой для непосредственной реализации замыслов британцев и эмигрантской верхушки должна была стать польская колония в Турции.

Исследователи шаг за шагом последовательно рассматривают деятельность ведущих фигур польской эмиграции на кавказском направлении. Планы польских революционеров были весьма масштабными. Предполагалось создание широкой коалиции польских сил с различными группами казачества, южных славян и кавказских горцев. Их конечной целью было воссоздание

Речи Посполитой в границах 1772 г., важным условием которой была революция в России. К числу ее главных сторон на кавказском направлении было создание буферных государств из Федерации мусульманских народов, Грузии и Армении. Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян совершенно правы, изначально крайне скептически оценивая эти проекты. Все те силы, на которые делали ставку польские инсургенты, были совершенно разрозненны, не имели никакой связи между собой, и, напротив, имели различные цели и интересы.

Впрочем, польские борцы против царского самодержавия, с одной стороны, понимали это. Лидеры польской эмиграции, такие как М. Чайковский и А. Чарторыйский, отлично осознавали интригующую роль тех же черкесов для российской администрации на Кавказе, которая весьма опасалась их использования европейскими силами. Но они же хорошо знали и о слабых сторонах своих горских партнеров – раздробленности и перманентной вражде между собой тех или иных группировок северокавказцев, особенно представителей верхушки, которые не желали в интересах борьбы с Россией поступаться своей независимостью, сложившимися приоритетами, авторитетом и пр. с такими лидерами как имам Шамиль и его ближайшие сподвижники, но не прочь были принимать подарки от русских властей.

Именно поэтому вожди польской «справы» делегировали на Кавказ Л. Зверковского, А. Высоцкого и ряд других польских деятелей предприимчивого, смелого и авантюрного склада, которые должны были способствовать сплочению горцев в антироссийской борьбе, а также доставляли горцам порох, снаряжение и пр. В круг обязанностей польских агентов, как указывают авторы, входили также разведка, разжигание этнорелигиозной розни, провокации, диверсии и пр. Впрочем, здесь стоило бы отметить и такую черту деятельности польских эмиссаров, как создание у горцев ощущения того, что «заграница нам поможет», с целью подпитки иллюзий о грядущей помощи извне, что в известной степени мешало части постоянно колебавшихся горцев в выработке пророссийской ориентации.

Оценивая результаты деятельности польской агентуры, исследователи стремятся выявить местную специфику среды, в которой тем приходилось действовать, что не могло не влиять на эффективность миссии европейских посланцев, не всегда понимавших мотивы поступков своих предполагаемых партнеров. Поляки, завсегдатаи стамбульских кофеен, годами ждавшие здесь сигнала о выступлении (что постепенно превратилось, на наш взгляд, в некую модную среди эмигрантов «политтусовку»), например, никак не могли взять в толк, за что дерутся казаки. Между тем, главным стержнем, олицетворяющим идентичность казачества, была православная вера [4, с. 52–53]. Казаки с огромной любовью строили и оформляли свои церкви, что (в отличие от поляков) увидели выходцы из Франции, побывавшие на Северном Кавказе (Ф. Жиль) [12, с. 268]. Нельзя не напомнить здесь, что вера была одним из ключевых звеньев в знаменитой формуле графа А.С. Уварова – «самодержавие, православие, народность». А что могли в перспективе, предложить польские инсургенты, неоднократно

пытавшиеся разыграть «казачью карту», но не желавшие понять основы мировосприятия этих сынов степей? Окаатоличивание и ополячивание? Это были вещи, категорически неприемлемые для казака.

С другой же стороны, мы думаем, что польские противники самодержавия, видимо, не располагали данными о реальных результатах политики российских властей в отношении интеграции горских обществ для лучшего управления ими (неудача Георгиевского договора 1802 г., провал миссии Хан-Гирея в 1837 г. и др.), что, возможно, помогло бы полякам более трезво оценивать перспективы своих политических замыслов в части понимания менталитета горцев, их договороспособности, желания (или нет) следовать геополитическим построениям своих иностранных союзников и т. п.

В разделе «В полном смысле кондотьер...» – политический портрет Теофила Лапиньского» авторы, опираясь на свидетельства современников, дают выразительную характеристику одной из наиболее и противоречивых и ярких фигур польской эмиграции. Лапиньский предстает перед нами, как человек умный и храбрый, но абсолютно беспринципный, военный профессионал, которому все равно, под какими знаменами воевать, не гнушавшийся самых циничных приемов, готовый продать свои услуги представителям совершенно противоположных сторон политического спектра, одновременно с этим имевший определенные политические симпатии (пристрастие к Австрии, ненависть к России). Впрочем, будучи человеком бывалым и достаточно проницательным, и он оказался, по его собственному признанию, жертвой своего доверия к представителям османского лагеря, которые сумели обвести вокруг пальца даже такого прожженного авантюриста.

Исследователи верно понимают значение Т. Лапиньского, как представителя «третьей силы», который должен был сблизить позиции таких двух главных антироссийских политических фигур Северо-Западного Кавказа середины XIX в., как Сефер-бей Заноко и наиб Шамиля Магомет-Амин. Здесь нет необходимости описывать саму деятельность Лапиньского, которая весьма наглядно представлена им самим [10]. Важно, что авторы верно указали на ключевые точки эпопеи Лапиньского на Северо-Западном Кавказе, оказавшегося здесь со своими легионерами (наконец-то эти праздные обитатели стамбульских кофеен перешли от слов к делу) между «двух огней». Сефер-бей и Магомет-Амин олицетворяли те или иные влиятельные политические группировки Кавказа и Османской империи (ряда черкесских феодалов, связанных с частью османского «истеблишмента» и верхушку имамата Шамиля), занимавшие свои ниши в общественно-политической жизни Кавказа. Бурные перипетии «одиссеи» Лапиньского, на собственном опыте увидевшего драму движения части представителей горских народов, яркой чертой которой было противостояние указанных группировок, преследовавших свои цели, подчас весьма далекие от устремлений рядовых участников народно-освободительной войны, ознаменовались, в конечном счете, уходом польского авантюриста из Черкесии. И вот здесь-то и выяснился глубокий прагматизм кондотьера

Лапиньского, который обнажил свое истинное лицо¹. Он выступил с планом покорения Черкесии, предложенным российской администрации, который отличает жесткость и последовательное стремление очистить страну от местного населения (в чем они, между прочим, совпадали с известным российским военным деятелем Н.И. Евдокимовым). При этом весьма примечательны, по крайней мере, два момента из выделенных авторами рассматриваемой книги. Лапиньский предлагал прекратить сообщение с Турцией и ликвидировать торговлю с ней (в том числе, торговлю рабами). Именно это же самое до него рекомендовали еще С.М. Броневский и А.С. Пушкин. Теффик-бей (как звали Лапиньского турки) рекомендовал предоставить все средства для очистки прибрежной полосы от автохтонного населения, которое должно было быть перемещено в Османскую империю. Именно это и было сделано вскоре российскими властями, хотя морской транспорт в основе своей принадлежал иностранным перевозчикам, которые очень обогатились за счет возникшего «работорговческого бума» [5, с. 445]. Из затеи польского авантюриста, в итоге, ничего не вышло. Но показательное то, что, будучи готовым на любые прожекты, которые могли принести ему выгоду, он, как уже говорилось выше, питал, при всем том, глубокую и непримиримую ненависть к России и стремился разоблачать геополитические планы самодержавия, реальные или мнимые.

Это вытекает из 20 главы его книги, где Лапиньский рисует довольно-таки впечатляющую картину русской экспансии на Восток, эмоциональная атмосфера которой предвосхищает произнесенное в XX в. печальное знаменитое: «Русские идут!». Она характерна чертами, которые можно расценивать, с одной стороны, как параноидальную боязнь агрессии самодержавия, которое якобы стремится завоевать Китай, неся страшную опасность миру, с другой же, интересные и верные в целом наблюдения о различии западных и русских колоний. Специфика последних такова, что они, по сути, становятся органической частью России в отличие от западных. Т. Лапиньский, по большому счету, в чем-то оказался недалек от той логики формулирования отношений России со вновь присоединенными ей территориями, которая лежит в основе концепции «российскости», возникшей в отечественной историографии около 30 лет назад [2, с. 88–101]. Но, пожалуй, самое главное, что следовало бы почерпнуть из этой части труда польского авантюриста, так это то, какую роль в формировании будущей необъятной евразийской империи играет Кавказ. По мнению этого автора, геополитический центр Российской империи сместится на Каспийское море, после чего она станет еще более могущественной, что для Европы (в том числе и для Польши) станет

¹ Еще лучше помогает понять сущность данной личности книга Т. Лапиньского [10], впервые вышедшая в 1863 г., по горячим следам черкесской эпопеи рыцаря наживы. Это глубоко лицемерная и двуличная натура. В ряде мест своего произведения он восхваляет горцев, в других же, безо всякого стеснения называет их военные формирования то бандами, то сбродом. В этой связи неясно, чем руководствовался автор послесловия к нальчикскому изданию работы Лапиньского, А.Х. Бижев, который писал о взгляде того на адыгов, как человека, не отравленного шовинистическими идеями [1, с. 454].

фатальным. Независимость Кавказа, необходимость отрыва его от России, в связи с чем нужно всячески поддерживать все те силы, которые ведут здесь антироссийскую борьбу – вот ключевое звено рассуждений Лапиньского.

Ничего удивительного поэтому нет в том, что провал миссии Теффик-бея нисколько не поколебал устремления польских эмигрантов, направленные на поддержку тех горских группировок, которые были намерены продолжать противостояние с Россией.

В заключении к книге авторы совершенно логично обращаются к рассмотрению деятельности тех эмигрантских польских (и не только) сил, которые активно включились в борьбу против России на Северо-Западном Кавказе на заключительном этапе военных действий в крае. Речь идет об организации руководством польских эмигрантских сил вкупе с все тем же Д. Урквартом новых десантов в Черкесии в 1863 г., высадка которых особенно мотивировалась восстанием в Польше в начале этого года. Они были попыткой отвлечь внимание российских военных от польских дел, впрочем, не столько сами по себе (легионеры были весьма малочисленны), сколько должны были снова создать впечатление у черкесов, что могущественные государства Запада и Востока вот-вот придут им на помощь, и действительно реанимировать сопротивление местных племен российским войскам, а это, в самом деле, могло бы оттянуть военные силы России на Кавказ. Собственно, такие ожидания и имели место в среде черкесских представителей в Стамбуле, которые, как пишут авторы, были убеждены в том, что их судьбой озабочен как сам падишах (т. е. османский султан), так и другой «падишах», французский император, причем вкупе с английской королевой. «Помощь за границы» вновь стала активно разыгрываемой картой в политических интригах противников России. Десанты 1863 г. стали последними в череде неудачных попыток польской эмиграции, вдохновляемых британскими «спонсорами». Исследователи правы, указывая, что все эти акции были изначально обречены на провал. Сплотить извне пестрый состав сражавшихся с российской властью горцев в единый поток оказалось нереально как по ряду внутренних причин, так и потому, что те же поляки-инсургенты были временными попутчиками для северокавказцев. В самом деле, последние не видели и не могли видеть в них союзников, которые пришли бороться за «нашу и вашу свободу», в чем немаловажную роль играл конфессиональный фактор. Время для таких идей еще не пришло. Черкесы чаще захватывали тех же поляков в плен и превращали в рабов, что заметно отличало такое отношение от политики, проводимой в отношении перебежчиков из российской армии в имамате, руководство которого в силу своей большей продвинутости (это было первое государство в истории горцев Северного Кавказа; ничего подобного черкесам создать так и не довелось) прекрасно понимало значение «диссидентов» из вражеского лагеря.

Наконец, в завершающей части книги можно было бы указать и на то, что именно все названные маневры английской агентуры, польской эмиграции, и черкесских активистов ставили самодержавие и российское военное руководство

на Кавказе перед фактом – завершать военные действия в крае нужно решительно и всеми имеющимися средствами. Сторонником подобной политики, как было недавно показано Ю.Ю. Клычниковым, был Н.И. Евдокимов, убедивший императора Александра II, осуществлять ее, не считаясь с серьезными людскими потерями в российской армии.

Подводя итоги нашего анализа, не можем не указать, в первую очередь на то, что исследование Ю.Ю. Клычкова и С.С. Лазаряна имеет высокую актуальность. Вся последующая история XX и начала XXI в. показывают, что внешние силы стремились и стремятся оторвать Кавказ, особенно северную его часть, от Большой России. Геополитическая роль этого региона – солнечного сплетения Евразии (А.А. Жданов) велика как никогда. Великая битва за мировые природные ресурсы и выгодные трассы газопотоков ставят проблему стабильности на Кавказе во главу угла евразийской политики. Кризисные же явления все более активизируют социальные проблемы в России и странах ближнего зарубежья, что напрямую связано с тематикой общественно-политической борьбы, особенно заостренной ныне в виде «цветных» революций. Именно поэтому и в XIX в. и ныне агентура Запада, а также эмиссары исламизма, стремящиеся использовать религию в сугубо политических целях, пытаются вбить клин между Россией и народами региона. Они, как и 150 лет назад, стремятся запугивать население своих стран русской угрозой, живописуя Россию, как агрессора и воплощение всех негативных сил (вспомним пресловутую «империю зла»), порождая тем самым маниакальный страх перед нашей страной, что особенно важно для них в периоды важных политических событий (например, президентских выборов).

Авторы сумели квалифицированно продемонстрировать роль польской эмиграции в обострении ситуации на Северном Кавказе, которая играла провоцирующую роль в западной части Региона, Черкесии, стремясь консолидировать местные политические силы для организации сопротивления Российской империи. Они показали далеко идущие планы польских инсургентов, которые не только стремились добиться восстановления польской независимости (что само по себе было важной исторической задачей польского народа), но реализации этой задачи через развал Российского государства, что принесло бы неисчислимые беды народам нашей страны¹. В то же время ученые очень точно указали на то, что планы польской эмиграции в своей основе были утопическими, поскольку она была, за редким исключением, слабо знакома со спецификой Кавказа, его социокультурным и политическим устройством, ментальностью его народов и этнических групп,

¹ В то же время в недавней статье Ю.Ю. Клычкова было показано, что среди поляков служивших, например, в российском флоте в середине XIX в., было немало таких лиц, которые, как отмечает этот ученый, «будучи призваны в ряды армии и флота России оставались верными империи и вместе с сослуживцами честно и храбро осуществляли охрану и оборону южных рубежей страны» [8, с. 59–65].

и не отдавала себе отчета в том, что центробежные силы, на которые она пыталась опираться, в целом были гораздо слабее центростремительных, что особенно ярко выявилось в событиях XX в. (В.В. Дегоев, Р.Ю. Ибрагимов).

Книга Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазаряна будет весьма полезна как историкам-профессионалам, так и всем тем, кто совершает первые шаги в науке, как работа, являющаяся примером синтеза проблематики всемирной истории и отечественного исторического регионоведения.

В ракурсе преподавания в высшей школе курсов по выбору о формировании историко-культурного партнерства народов Кубани важно указать и на то, что, как это ни парадоксально, но потомки польских эмигрантов XIX в., занимавших неодинаковые позиции по отношению к российским властям, живущие ныне на Кубани, составили основу современной польской общины края. История все расставила на свои места. Как верно отметила В.В. Цифанова, время заставило польских переселенцев направить свою энергию на обретение материального и социального благосостояния, которые были достигнуты с помощью социально-экономической, лингвистической и культурной адаптации [13]. Представители польской интеллигенции обогатили своими трудами научный потенциал России [14]. Те, предки которых были не только лояльными Российскому государству, но и боролись против него, сегодня вносят свой вклад в дело строительства новой России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бижев, А. Х. Присягнувшие свободе / А. Х. Бижев. – Текст : непосредственный // Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. – Нальчик : Эль-Фа, 1995. – С. 445–459.
2. Великая, Н. Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства / Н. Н. Великая. – Текст : непосредственный // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. – 2007. – № 45. – С. 88–101.
3. Великая, Н. Н. Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа / Н. Н. Великая. – Текст : непосредственный // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 7 / Науч. ред., сост. О. В. Матвеев. – Краснодар : Эдви, 2013. – С. 84–91.
4. Великая, Н. Н. Православные традиции и православная церковь в Закубанье в XVII – первой половине XIX века / Н. Н. Великая, С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Очерки истории мировых религий на Северном Кавказе. – Армавир–Ставрополь, 2019. – С. 39–53.
5. Дегоев, В. В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия / В. В. Дегоев. – М. : Рубежи XXI, 2009. – 560 с. – Текст : непосредственный.
6. Клычников, Ю. Ю. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа / Ю. Ю. Клычников, С. С. Лазарян. – Пятигорск, 2018. – 84 с. – Текст : непосредственный.
7. Клычников, Ю.Ю. «Польские инсургенты в рядах „немирных горцев“» / Ю. Ю. Клычников, С. С. Лазарян. – Пятигорск : ПГУ, 2019. – 90 с. – Текст : непосредственный.

8. Клычников, Ю. Ю. Польский след на черноморском фронтире Кавказа (по материалам РГА ВМФ) / Ю. Ю. Клычников. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 4. – С. 59–65.
9. Кругов, А. И. Вооруженные силы имамата горцев Северного Кавказа 1829–1859 / А. И. Кругов, М. В. Нечитайлов. – М. : Русские витязи, 2016. – 176 с. – Текст : непосредственный.
10. Лапинский, Т. (Теффик-бей). Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / Т. Лапинский. – Нальчик : Эль-Фа, 1995. – 463 с. – Текст : непосредственный.
11. Матвеев, О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру : историко-антропологические очерки / О. В. Матвеев. – Краснодар : Эдви, 2015. – 272 с. – Текст : непосредственный.
12. Соснина, Е., при участии Кристиана Пиле. Французы на Кавказе. Исторические и живописные путешествия XIII–XIX вв. / Е. Соснина. – Эссенуки : Творческая мастерская БЛГ, 2015. – 336 с. – Текст : непосредственный.
13. Цифанова, И. В. Польские переселенцы в Кавказской войне XIX в. / И. В. Цифанова. – URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5531 (дата обращения: 04.12.21). – Текст : электронный.
14. Цифанова, И. В. Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Цифанова. – Ставрополь, 2005. – 25 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Bizhev A.Kh. Prisyagnuvshie svobode [Sworn to freedom]. *Lapinskiy T. (Teffik-bey). Gortsy Severnogo Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh. Opisanie ochevidca Teofila Lapinskogo (Teffik-beya), polkovnika i komandira pol'skogo otryada v strane nezavisimyh kavkaztsev = Lapinsky T. (Teffik-bey). Gortsy of the North Caucasus and their Liberation Struggle against the Russians. Description of an Eyewitness Teofil Lapinsky (Teffik-Bey), Colonel and Commander of the Polish Detachment in the Country of Independent Caucasians.* Nalchik, El-Fa, 1995, pp. 445–459. (In Russian).
2. Velikaya N.N. Rossiyskost' kak paradigma izucheniya rossiysko-kavkazskogo edinstva [Russian statehood as a paradigm for the study of Russian-Caucasian unity]. *Aktual'nye i diskussionnye problem istorii Severnogo Kavkaza. Yuzhnorossiyskoe obozrenie = Relevant and Controversial Problems of the History of the North Caucasus.* *South Russian Review*, Rostov-on-Don, 2007, No. 457, pp. 88–101. (In Russian).
3. Velikaya N.N. Plennye slavyane v gorakh Severo-Zapadnogo Kavkaza [Captured Slavs in the mountains of the North-West Caucasus]. *Mir slavyan Severnogo Kavkaza = The World of the Slavs of the North Caucasus*, Krasnodar, Edvi, 2013, iss. 7, pp. 84–91. (In Russian).
4. Velikaya N.N., Dudarev S.L. Pravoslavnye traditsii i pravoslavnaya tserkov v Zakuban'e v XVII – pervoy polovine XIX veka [Orthodox traditions and the Orthodox Church in Trans-Kuban region in the 17th – first half of the 19th century]. *Ocherki istorii mirovykh religiy na Severnom Kavkaze = Essays on the History of World Religions in the North Caucasus*, Armavir–Stavropol, 2019, pp. 39–53. (In Russian).
5. Degoev V.V. *Kavkaz i velikie derzhavy 1829–1864 gg. Politika, voyna, diplomatiya* [Caucasus and the great powers of 1829–1864. Politics, war, diplomacy]. Publishing House "Rubezhi XXI", 2009. – 560 p.

6. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. *"Nabezhavshimi khishchnikami vzyat v plen...": polyaki v nevole u gortsev Severnogo Kavkaza* ["Captured by predators who came running ...": Poles in captivity among the gortsy of the North Caucasus]. Pyatigorsk, 2018. 84 p.
7. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. *"Polskie insurgenty v ryadakh "nemirnykh gortsev"* [Polish insurgents in the ranks of the "non-peaceful gortsy"]. Pyatigorsk, PSU, 2019. 90 p.
8. Klychnikov Yu.Yu. *Polskiy sled na chernomorskom frontire Kavkaza (po materialam RGA VMF)* [Polish trace on the Black Sea frontier of the Caucasus (based on the materials of the RSA of the Navy)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanitarian and Legal Research*, 2021, No. 4, pp. 59–65. (In Russian).
9. Krugov A.I., Nechitaylov M.V. *Vooruzhennyye sily imamate gortsev Severnogo Kavkaza 1829–1859* [Armed forces of the imamate of the gortsy of the North Caucasus 1829–1859]. Moscow, Fund "Russkie vityazi", 2016. 176 p.
10. Lapinskiy T. (Teffik-bey). *Gortsy Severnogo Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh. Opisanie ochevidca Teofila Lapinskogo (Teffik-beya), polkovnika i komandira pol'skogo otryada v strane nezavisimyykh kavkaztsev* [Gortsy of the North Caucasus and their liberation struggle against the Russians. Description of an eyewitness Teofil Lapinsky (Teffik-Bey), Colonel and Commander of the Polish detachment in the country of independent Caucasians]. Nalchik, El-Fa, 1995. 463 p.
11. Matveev O.V. *Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki* [Caucasian War: from front to frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar: Edvi, 2015. 272 p.
12. Sosnina E., Pile C. *Frantsuzy na Kavkaze. Istoricheskie i zhivopisnye puteshestviya XIII–XIX vv.* [The French in the Caucasus. Historical and scenic travels of the XIII–XIX centuries]. Essentuki, BLG, 2015. 336 p.
13. Tsifanova I.V. *Polskie pereselentsy v Kavkazskoy voyne XIX v.* [Polish settlers in the Caucasian War of the 19th century]. Available at: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5531. (In Russian).
14. Tsifanova I.V. *Polskie pereselentsy na Severnom Kavkaze v XIX veke: osobennosti protsessy adaptatsii* [Polish settlers in the North Caucasus in the 19th century: features of the adaptation process]. Cand. diss. abstract. Stavropol, 2005. 25 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев, С. Л. Польская эмиграция на Северо-Западном Кавказе в первой половине – середине XIX в. и ее место в формировании историко-культурного партнерства народов Кубани / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 149–160.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S. L. Polish Emigration in the Northwestern Caucasus in the First Half – Middle XIX Century and Its Place in the Formation of Historical and Cultural Partnerships of the Peoples of Kuban / S. L. Dudarev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 149–160. (In Russian).

УДК 93.94

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ КАЗАЧЕСТВА
НА РОССИЙСКОМ КАВКАЗЕ И В СОПРЕДЕЛЬНОМ ЗАРУБЕЖЬЕ
НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В.А. Матвеев

**USING THE EXPERIENCE OF ORGANIZING THE COSSACKS
IN THE RUSSIAN CAUCASUS AND NEIGHBORING COUNTRIES
ON THE EVE AND DURING THE FIRST WORLD WAR**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье отображен результат исследования возникшей в начале XX в. необходимости использования опыта организации российского казачества, применении его в поддержании стабильности на Кавказе и в противодействии периодически возникавшим внешним угрозам. Интерес к нему проявляло и руководство Ирана. По ходу Первой мировой войны в Российской империи официально также признавалась потребность с учетом ранее возобновлявшихся трагических обстоятельств на включенной в состав государственного пространства территории Турецкой Армении для защиты христианского населения создания зоны казачьей оседлости. С 1915 г. осуществлялась разработка проекта формирования Евфратского казачьего войска. Получил он и финансовую поддержку. Несмотря на геополитическое противостояние и цивилизационные вызовы, по мнению автора, направленность на поддержание российского варианта государственного и конфессионального сплочения при этом не нарушалась.

Abstract. The article reflects the result of the study of the need that arose at the beginning of the XX century to use the experience of organizing the Russian Cossacks, its application in maintaining stability in the Caucasus and in countering periodically emerging external threats. The Iranian leadership also showed interest in the Russian Cossacks. During the First World War, the Russian Empire also officially recognized the need, taking into account the previously renewed tragic circumstances on the territory of Turkish Armenia, to create a zone of Cossack settlement for the protection of the Christian population. Since 1915 a project for the formation of the Euphrates Cossack army has been developed; it received financial support. Despite the geopolitical confrontation and civilizational challenges, according to the author, the focus on maintaining the Russian version of state and confessional cohesion was not violated.

Ключевые слова: геополитические вызовы, Евфратское казачье войско, Первая мировая война, Персидская казачья бригада, российский Кавказ, Турецкая Армения, фактор влияния.

Keywords: geopolitical challenges, Euphrates Cossack army, World War I, Persian Cossack brigade, Russian Caucasus, Turkish Armenia, influence factor.

К опыту использования казачества как государственной опоры на окраинах Российской империи, интерес проявляли и за рубежом. Привлекательной в этой связи оказывалась военная его организация. В 1902 г. по просьбе шаха

Наср-Эддина в составе вооруженных сил Ирана, например, была сформирована при содействии назначенных из Петербурга инструкторов казачья бригада, отличавшаяся дисциплинированностью и высокой боеспособностью. Высшее руководство этой сопредельной с российским Кавказом страны рассматривало ее в качестве элитного подразделения, на которое можно положиться в случае какого-либо военного конфликта. Одна из попыток по его инициативе создания казачьей бригады в Иране предпринималась еще в 1879 г., и к ее реализации, как и в начале XX в., привлекались русские офицеры [1, с. 255].

В обязанности Персидской казачьей бригады вменялись весьма широкие функции, связанные не только со службой в резиденции шаха, но и с противостоянием беспорядкам, подавлением бунтов, подготовкой офицеров для иранской армии, воспитанных в духе воинских уставов, существовавших в вооруженных силах Российской империи [1, с. 255, 257]. Намерение создать такое подразделение в Иране оказалось весьма устойчивым и в начале XX в. вновь было обращено в практическую плоскость. Только на персидскую казачью бригаду на этот раз, наряду с охраной внутреннего порядка, возлагались и обязанности защиты от внешней угрозы. Командиром бригады являлся русский штаб-офицер, состоявший на императорской действительной службе. При нем находились несколько других офицеров, большей частью армянского происхождения, командовавших полками и батареями. Все они служили при штабе [1, с. 257].

К казачьей бригаде были прикреплены несколько русских унтер-офицеров, выполнявших функции инструкторов. Остальные командные должности в казачьей бригаде, как и в самой иранской армии, занимались местными представителями. Для производства в офицеры в Иране в тот промежуток времени не требовалось никакой особой подготовки, зато большинство персидских казачьих офицеров принадлежали к самым привилегированным слоям общества. Кроме шаха, командир казачьей бригады подчинялся еще военному губернатору Тегерана и русскому послу, но не военному министру. Этим подчеркивалась не только значительная самостоятельность положения командира бригады, в нем вместе с тем соблюдалось и политическое значение этих казаков для государственных интересов России [1, с. 257]. Организацией регулярного войска в Иране специалисты ее занимались, как было отмечено, и раньше, помогая этой стране в противостоянии колониальной экспансии Англии.

Формирование Персидской казачьей бригады при поддержке России происходило вплоть до наступления революционного кризиса в 1917 г., что само по себе показательно. Это соединение было одним из самых дисциплинированных и боеспособных в шахской армии [2, с. 55]. Намерение же перенять опыт военной организации восточнославянского казачества обусловило ограниченное военное присутствие России в Иране, что укрепило ее геополитические позиции в регионе. И сама практика, как видно, не рассматривалась в качестве пережиточной. За исключением офицеров весь личный состав Персидской казачьей бригады состоял из мусульман.

Несмотря на проводившуюся в период первой мировой войны немецкой агентурой панисламистскую пропаганду в Иране с целью вовлечения шаха и его правительства в противостояние с Россией, данное подразделение удалось использовать в интересах укрепления ее геополитических позиций. Достичь предполагавшегося результата Германии не удалось даже при весьма изощренных действиях ее посла и консула в этой стране. Они не смогли обеспечить выполнение поручений ни при помощи специально подготовленной для панисламистской пропаганды агентуры, ни подкреплениями усилий подкупом «по всем направлениям» с использованием золота. Персидская казачья бригада, как заметил в мемуарах генерал-майор Е.В. Масловский, расположенная «в самом Тегеране с русскими инструкторами... русским же начальником ее» и в период Первой мировой войны по-прежнему служила опорой для Петрограда. Правящие же круги Германии выражали недовольство «медленной работой пропаганды», не дававшей «ощутимых и быстрых результатов» [3, с. 202].

Для устранения возникновения вероятных осложнений, о чем поступали донесения от русской разведки, вступивший в должность наместник его императорского величества на Кавказе великий князь Николай Николаевич распорядился создать Персидский экспедиционный корпус из подразделений, выделенных с турецкого фронта [3, с. 202, 206]. Как главнокомандующий над находившимися там воинскими соединениями он перед ним поставил задачу, «не входя в Тегеран, занять важнейшие в стратегическом отношении пункты страны», не допустить дальнейшего «проникновение немецкой пропаганды и провоза оружия», устранить вероятность вступления в войну еще одного сопредельного государства и поднять «соответствующими мероприятиями... поколебленный» там враждебными действиями Германии «престиж России» [3, с. 206].

Отправленный с Кавказского фронта экспедиционный корпус по распоряжению его главнокомандующего усилила «Персидская казачья бригада в Тегеране», развернутая в дивизию. Приказ был исполнен неукоснительно, так как руководство ею осуществлялось, согласно уточнению генерал-майора Е.В. Масловского, русскими офицерами [3, с. 206]. Такими мерами «в короткий срок» провокационная деятельность германских агентов в Иране оказалась пресеченной. Персидская казачья бригада сыграла в тех условиях роль резервного, но очень важного подразделения. При возникшей необходимости оно оказалось востребованным к боевому взаимодействию с русским экспедиционным корпусом [3, с. 207].

Перед отправленным с кавказского фронта соединением чуть позже после передислокации ставилась также задача через Иран «выйти в район Багдада и соединиться с войсками англичан для совместных действий против Турции» [4, с. 19]. Вследствие успешных действий экспедиционного корпуса стратегические позиции России на южных рубежах усилились. Изменение же обстановки в случае переориентации Ирана на Германию привело бы к возрастанию напряженности на Кавказе и дестабилизации обстановки в ряде

его сложных по этническому составу административных субъектов. Отсутствие прикрытия казачьей оседлостью границ с Ираном и Турцией вызвало бы неизбежный отток христианского, в том числе и русского, населения. Иные сдерживающие факторы задействовать для предотвращения угрозы было невозможно.

Отсутствие прикрытия казачьей оседлостью «мирного населения... приграничной полосы от набегов» воинственных племен с территории сопредельного государства оставляло там «русскоподданных» без надежной защиты. Существовавшее изначально намерение по ее созданию в Закавказье при относительно быстром исчерпании свободных земель оказалось неосуществленным. Не обеспечивалось ограждение от разбойных нападений, как засвидетельствовано в мемуарах генерал-майора Е.В. Масловского, и «русскоподданных в пределах самой Персии». Преступные промыслы «приграничных с Россией воинственных кочевых племен» вследствие этого ежегодно оживлялись «в летний период» [3, с. 399]. Вторжения производились с иранского и турецкого направлений «со специальной целью грабежа», по констатации генерал-майора Е.В. Масловского, «мирного населения приграничных частей Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской губерний» [3, с. 400].

Предотвращать нарушения российской границы «малочисленной пограничной стражей» оказывалось не под силу. На подкрепление направлялись лишь «роты, батальоны и команды разведчиков от частей Кавказской армии» [3, с. 400]. Но для надежности, по мнению ответственных военных, необходимы были и казачьи поселения. По ходу же Первой мировой войны им неоднократно приходилось сталкиваться с массой армянских беженцев, которые «толпами» перемещались в места расположения подразделений Кавказской армии в поисках защиты. По свидетельству генерал-майора Е.В. Масловского, происходило это «в неописуемо громадном количестве». Спасаясь от угрозы уничтожения переселенцы «со стадами, с многочисленными повозками, нагруженными... скарбом», переполняя «все дороги», направлялись «в сторону русской границы» [3, с. 521].

Намечалось это именно тогда, когда отступали те или иные подразделения Кавказской армии. Смешиваясь с войсковыми соединениями, беженцы привносили «невообразимый беспорядок», мешали их перегруппировке и подготовке к последующим наступательным операциям. Но даже при складывавшихся затруднениях, по воспоминаниям генерал-майора Е.В. Масловского, «пехота и особенно конница», казачьи формирования, «обращались в прикрытие» спасавшимся от уничтожения [3, с. 521]. Трагические события первой мировой войны также способствовали закреплению в народной среде убежденности, что «откуда уходят русские, оттуда уходят и армяне».

Из-за недостаточности же земельных ресурсов на предшествующем этапе правительственный курс на утверждение численного преобладания казачества, рассматривавшегося в качестве одной из важнейших опор российской государственности в Кавказском крае, оказался нереализованным. Попытки же

исправить положение с недостаточной обеспеченностью земель предпринимались и в период Первой мировой войны. С 1915 г. под предоставившимся политическим предлогом на Кавказе так же, как и по всей стране, в соответствии с принятым правительственным решением предусматривалось ликвидировать землевладение иностранных колонистов. Направленность же данная мера имела исключительно против выходцев из Австро-Венгерской и Германской империй [5, л. 63]. Однако она оказалась нереализованной.

На ликвидацию землевладения данной категории подданных правительство Российской империи вынуждено было пойти под влиянием активизации деятельности немецкой агентуры, пропагандировавшей в расчете на поддержку идею пангерманизма [6, л. 67]. В этой связи при определенных обстоятельствах могла возникнуть угроза для тыла. Изданный 2 февраля 1915 г. закон с нацеленностью на отчуждение земель у проживавших в Российской империи выходцев из Австро-Венгрии и Германии предусматривал прежде всего «добровольную ликвидацию», на которую «оставлялись сроки от 10 до 16 месяцев». Произойти же она должна была, как предполагалось, «во всем 150-верстном приграничном районе» [7, с. 531].

На другие части Российской империи ликвидация не распространялась. Однако через «несколько месяцев» после начала первой мировой войны, по воспоминаниям С.С. Ольденбурга, «все немецкое население... оказалось взятым под подозрение». Недоверие к данной категории подданных устанавливалось как во внутренних губерниях, так и на окраинах, где в разряд неблагонадежного элемента отнесены были колонисты. Издававшиеся на немецком языке газеты закрывались. Исключение не делалось для таблоидов, выпуск которых осуществлялся, по уточнению С.С. Ольденбурга, «со времен Петра Великого» [7, с. 530–531]. Недоверчивое отношение установилось даже по отношению к сектантам меннонитам, поселившимся «на Волге» еще при Екатерине II [7, с. 530].

Те представители аппарата управления и генералитета Российской империи, кто имел объективную осведомленность о настроениях российских немцев, сразу же выступили против такой меры. Они выражали уверенность, что им вполне можно доверять, а по отдельным случаям, нельзя судить обо всех имеющих такую идентичность подданных. Так, на поступившее однажды в период Первой мировой войны предложение, направленное на устранение от службы офицеров с такой принадлежностью, адмирал А.В. Колчак резко возразил: «...у нас, в России, существует масса людей с немецкими фамилиями, которые так же, и может быть, даже больше, работали для блага родины, чем люди, носящие русские фамилии, что у нас, в России, фамилия решительно ничего не значит» [8, с. 72]. Поэтому в ограничении таких подданных в чем-либо он не видел «никаких резонов» [8, с. 72].

Возражение А.В. Колчака, обретавшего знание отечественной действительности не только в качестве адмирала, но и ученого, имело подтвержденность. Преобладающая часть «русских немцев» и при возникших угрозах

изъявляла готовность наравне со всеми защищать отечество. Еще 26 июля 1914 г. на заседании Государственной думы избранные от них депутаты выступили с патриотическими заявлениями. Л.Г. Люц передал, в частности, следующий проявившийся настрой в среде переселившихся когда-то выходцев из стран Центральной Европы: «Немцы, населяющие Россию, всегда считали ее своей матерью и своей родиной, и за достоинство и честь великой России они все, как один человек, сложат свои головы» [7, с. 530].

Отчуждение же земель российских немцев вступало в противоречие с существовавшим законодательством, предусматривавшим охрану собственности. Натолкнувшись на это и ряд других препятствий при реализации, экспроприация собственности подданных, имевших в прошлом австрийское или германское происхождение, так и не получила завершения. Для многих из них Россия так же, как и для других входивших в ее состав народов, стала отечеством. Основанные немцами колонии на Северном Кавказе, сохранились и впоследствии [9, л. 48-об.]. Намерение «ликвидировать землевладение иностранных колонистов», появившееся в период Первой мировой войны в 1915 г. оказалось не осуществленным. Поселения российских немцев на Северном Кавказе оставались нетронутыми и некоторое время спустя.

Достигавшиеся в них высокие хозяйственные результаты проясняют вместе с тем то, что привлечение для колонизации края выходцев из европейских стран являлось оправданной правительственной мерой, даже, несмотря на предоставлявшиеся существенные преимущества при обустройстве по сравнению с русскими переселенцами. Наличие образцовых колоний оказывало в той или иной степени силой примера позитивное воздействие на окружающих, предоставляло возможность заимствования опыта организации сельскохозяйственного производства.

В пределах же Османской империи по ходу Первой мировой войны за симпатии к России инспирировались неоднократно массовые погромы христианского населения. В преобладающей степени они имели направленность против армян. По отношению к ним были предприняты возобновившиеся акции геноцида, истребления по религиозным и этническим признакам. Только на этот раз они носили более массовый характер. В результате уничтожению только в 1915 г. подверглось, по самым приблизительным подсчетам, 1,5 млн армян. Лишь немногим удалось спастись, переместившись в качестве беженцев на территорию России. Прикрытие им обеспечивали подразделения Кавказской армии. Осуждение истребления армян последовало из Петрограда.

Совместные с Россией заявления по поводу геноцида сделали Англия и Франция. Одна из таких деклараций появилась 25 мая 1915 г. В ней содержалось требование о прекращении «массовых убийств и насилия против армян». Страны Антанты дали вместе с тем обещание «привлечь турецких лидеров и тех, кто принимал непосредственное участие» в их преследованиях «к ответственности» [10, с. 59]. Дипломатические усилия в 1915–1916 гг., направленные

на защиту армян, предпринимались и различными зарубежными христианскими организациями. Подключался к этому и Ватикан. Но положение существенных изменений не претерпело. Достигавшиеся результаты оказывались незначительными [10, с. 61].

Под влиянием происходивших событий в период Первой мировой войны вошло в обиход и наименование «Турецкая Армения» [11, л. 10]. Относили же к ней занятое в ходе военных действий русской армией пространство, шесть областей (вилайетов) Турции, имевших до 1915 г. христианское население [12, с. 109]. Вследствие истребления армян в них сложилось еще более существенное преобладание мусульман. Представители генералитета Кавказской армии предлагали ввести занятые ее подразделениями области в состав России и установить для них ее государственное управление. Поддерживал необходимость этого и наместник его императорского величества на Кавказе великий князь Николай Николаевич [13, с. 130], сменивший в 1916 г. И.И. Воронцова-Дашкова.

При выработке решения тогда учитывалась угроза цивилизационной переорганизации пространства, в пределах которого происходило неоднократное сокращение христианского населения. Без предоставления ему российской государственной защиты истребление его могло продолжаться. Удары наносились прежде всего по армянам, право которых на территорию опиралось на критерий принадлежности в прошлом. Против угрожающего для них положения турецкие власти не только ничего не предпринимали, но даже, напротив, потворствовали насильственным действиям против «иноверцев». Лишь незначительная часть проживавших на этой территории «не мусульман» смогла при содействии удерживавших фронт с Турцией подразделений Кавказской армии, и в частности казачьих соединений, спастись бегством под их прикрытием.

Вместе с тем во избежание возобновления случившегося, что было не исключено из-за приграничного положения отвоеванной части «исторической Армении», предполагалось и в ее пределах применить практику разделительных линий, апробированную на Северном Кавказе. Для этого и было намечено в образовавшемся с Турцией приграничье создать из малоземельных казаков различных областей Российской империи Евфратское казачье войско. В этом намерении просматриваются и религиозные интересы, которые в начале XX в. продолжали играть немаловажную роль в геополитике. На создание Евфратского казачьего войска официально были выделены средства (капиталы), ссуды и т. д., для организационной работы сформировано войсковое правление [14].

Под колонизацию же предназначались свободные, не заселенные пространства, которые при определенном приложении усилий можно было приспособить для занятия земледелием и иным сельскохозяйственным производством. Переселять выходцев из центральных губерний России не предполагалось. От этой практики отказались еще в период революции 1905–1907 гг. [15, л. 9-об.]. Не имеет подтвержденности и утверждение, что вошедшую в состав России территорию причастные к выработке политики сотрудники аппарата управления

«не собирались отдавать армянам». Опровергается это, в частности, применявшимися подходами к формированию вначале XX в. казачьих соединений в Иране, к которому без каких-либо ограничений привлекались представители этого народа, служившие в качестве офицеров в вооруженных силах империи. Учитывалось при возложении на них столь ответственной задачи прежде всего хорошее знание особенностей Востока.

У посещавших Кавказ выходцев из центральных губерний, напротив, складывалось впечатление, что политика проводится преимущественно в интересах армян, грузин и других народов края. Не замечали в ней и преобладавшей направленности на удовлетворение потребностей русского населения. Объяснение этому находили в преобладавшем «туземном» составе местной администрации [13, с. 127], которой предоставлялась высокая степень самостоятельности в решении различных проблем. Ее усилия в противодействии процессу русской колонизации Кавказа, судя по всему, не ограничивались. Предусматривавшиеся государственной политикой намерения и в этом отношении органами местного самоуправления игнорировались.

В некоторых публикациях высказывалось мнение, что вначале XX в. правящие круги России смотрели на казачество как на явление, изжившее себя и не имеющее перспективы. Формирование Евфратского казачьего войска опровергает данное утверждение. Только неблагоприятное стечение кризисных обстоятельств сорвало попытку реализации проекта. Участие же армян в нем не исключалось. Но данная возможность оставалась так же, как и проект в целом, лишь на стадии обсуждения и подготовительных мероприятий. В бывших контактных зонах, где время от времени возникали условия повышенной экстремальности, казачье население выполняло функции прикрытия для православного и всех остальных разновидностей христианского населения. Соединяя в своей субэтничности не только русские, но и евразийские свойства, оно также объединяло иноэтнические группы. При формировании Евфратского казачьего войска предполагалось сохранить эту специфику.

Укрепление же на Северном и Южном Кавказе русского присутствия способствовало преодолению многовековой вражды различных этнических групп населения, их консолидации и объединению в пределах единого государства. Создались вместе с тем предпосылки для складывания горской региональной общности, прекращению междоусобиц. Установившееся преобладание в структуре населения восточного славянства способствовало стабилизации, созданию условий для мирных цивилизационных контактов с мусульманским населением. Русские также оказались вовлеченными в процессы региональной интеграции. Складывавшаяся солидарная государственная общность повышала эффективность исторического взаимодействия.

После февральского переворота 1917 г. в Петрограде проводившаяся ранее политика, направленная на совмещение включенных в состав государственного пространства по ходу первой мировой войны ареалов Кавказа,

не претерпела существенных изменений. Между тем фронт, удерживавшийся русской армией, в условиях наметившегося революционного кризиса также оказался подверженным дестабилизации. Меры же по закреплению отвоеванной у Турции территории в составе России предпринимались и при Временном правительстве. В его постановлении «О Турецкой Армении», принятом 26 апреля 1917 г. [16], в этом отношении предусматривалось, в частности, бывшие области Азиатской Турции, занятые российскими войсками, подчинить в административном отношении непосредственно верховным органам власти в Петрограде, что существенно меняло установленный для них с 5 июня 1916 г. территориальный статус [11, л. 10]. Тем самым вводилось предлагавшееся ранее прямое взаимодействие с центром для решения местных проблем.

Постановление Временного правительства о Турецкой Армении, таким образом, свидетельствовало о сохранении, несмотря на другие дестабилизировавшие ситуацию в стране издержки его политики, преемственности в восстановлении Россией исторической справедливости по отношению к христианским народам Кавказа. Перемещение ее границ в сопредельных направлениях, как можно судить по принимавшимся решениям, подошло к завершению. Так же как и многие другие приращения российского пространства, происходившие в разные периоды до Первой мировой войны, оно вообще не предусматривалось. Ослабление вертикали власти при углублении революционного кризиса привело к изменениям в сложившейся этносфере края. В связи с возникшими угрозами христианское население вынуждено было сниматься с обжитых мест и искать возможности для обустройства в иных частях государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грулев, М. Соперничество России и Англии в Средней Азии / М. Грулев. – СПб. : Издал В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений, 1909. – 380 с. – Текст : непосредственный.
2. Д-р Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. / Д-р Руир ; пер. с фр. А. М. Сухотина. – М. : Красная новь, 1924. – 180 с. – Текст : непосредственный.
3. Масловский, Е. В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. : военные мемуары / Е. В. Масловский. – М. : Вече, 2015. – 544 с. – Текст : непосредственный.
4. Буденный, С. М. Первая Конная армия : военные мемуары / С. М. Буденный. – М. : Вече, 2017. – 464 с. – Текст : непосредственный.
5. Центральный исторический архив Грузии (далее – ЦИАГ). Ф. 224. Оп. 1. Д. 1. – Текст : непосредственный.
6. ЦИАГ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 7. – Текст : непосредственный.
7. Ольденбург, С. С. Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. – М. : Терра, 1992. – 640 с. – Текст : непосредственный.
8. Колчак, А. В. Ответы на допросы в Чрезвычайной следственной комиссии с 21 января по 6 февраля 1920 г. / А. В. Колчак. – Текст : непосредственный // Колчак: Исповедь под дулом пистолета : протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии. – СПб. : Ленинградское издательство, 2009. – 288 с.

9. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 407. Л. 48-об. – Текст : непосредственный.
10. Феферман, К. Возможности иностранного давления на страны, вставшие на путь геноцида: Армянский геноцид и Холокост / К. Феферман. – Текст : непосредственный // Кавказский сборник. – Т. 10 (42) / под ред. В. А. Захарова. – М. : Русская панорама, 2018. – 336 с. – С. 57–64.
11. ЦИАГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 227. – Текст : непосредственный.
12. Копчев, Г. И. Турецкое «наследство» и мировая война / Г. И. Копчев. – Петроград, 1917. – 110 с. – Текст : непосредственный.
13. Лурье, С. В. Российская империя как этнокультурный феномен / С. В. Лурье. – Текст : непосредственный // Цивилизации и культуры. Вып. 1: Россия и Восток: цивилизационные отношения. – М. : Институт востоковедения РАН, 1994. – С. 116–131.
14. Государственная дума. 4 созыв. Сессия 5. Заседание 1. Стенографический отчет. Ч. 4. 1 ноября 1916 г. – Текст : непосредственный.
15. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСОА). Ф. 224. Оп. 1. Д. 96 (ч. 2). – Текст : непосредственный.
16. Вестник Временного правительства. – 1917. – 25 мая. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Grulev M. Sopernichestvo Rossii i Anglii v Srednej Azii [The rivalry of Russia and England in Central Asia]. St. Petersburg, Published by V. Berezovsky, commissioner of military educational institutions, 1909. 380 p.
2. D-r Ruir. Anglo-russkoe sopernichestvo v Azii v XIX v. [Anglo-Russian rivalry in Asia in the XIX century]. Moscow, Publishing House "Krasnaya Nov", 1924. 180 p.
3. Maslovskiy E.V. Velikaya vojna na Kavkazskom fronte. 1914–1917 gg. [The Great War on the Caucasian Front. 1914–1917]. (Military memoirs). Moscow, Veche, 2015. 544 p.
4. Budennyi S.M. Pervaya Konnaya armiya [The First Cavalry army]. (Military memoirs). Moscow, Veche, 2017. 464 p.
5. Tsentralnyy istoricheskiy arkhiv Gruzii [Central Historical Archive of Georgia]. Fund 224, inventory 1, case 1.
6. Tsentralnyy istoricheskiy arkhiv Gruzii [Central Historical Archive of Georgia]. Fund 224, inventory 1, case 7.
7. Oldenburg S.S. Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II [The Reign of Emperor Nicholas II]. Moscow, Terra, 1992. 640 p.
8. Kolchak A.V. Otvery na doprosah v CHrezvychajnoj sledstvennoj ko-missii s 21 yanvarya po 6 fevralya 1920 g. [Answers to interrogations in the Extraordinary Commission of Inquiry from January 21 to February 6, 1920]. Kolchak: Ispoved pod dulom pistolet. Protokoly zasedaniy Chrezvychaynoy sledstvennoy komissii [Kolchak: Confession at gunpoint. Minutes of meetings of the Extraordinary Investigative Commission]. St. Petersburg, Leningrad Publishing House, 2009. 288 p.
9. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti [The State Archive of Rostov Oblast]. Fund R-1390, inventory 1, case 407.
10. Feferman K. Vozmozhnosti inostrannogo davleniya na strany, vstavshie na put genocida: Armyanskiy genocid i Kholokost . [Foreign pressure on the country embarked on the path of genocide: the Armenian genocide and the Holocaust] // Kavkazskiy sbornik = Caucasian collection, Moscow, Russian panorama, 2018, vol. 10 (42), pp. 57–64. (In Russian).

11. Tsentralnyy istoricheskiy arkhiv Gruzii [Central Historical Archive of Georgia]. Fund 2081, inventory 1, case 227.
12. Kopchev G.I. Tureckoe "nasledstvo" i mirovaya voyna [Turkish "legacy" and a world war]. Petrograd, 1917. 110 p.
13. Lure S.V. Rossiyskaya imperiya kak etnokulturnyj fenomen. [The Russian Empire as an ethnocultural phenomenon]. Nauchnyj almanakh "Civilizacii i kultury" = Scientific Almanac "Civilizations and cultures". Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1994, iss. 1. Russia and the East: Civilizational Relations, pp. 116–131. (In Russian).
14. Gosudarstvennaya дума. 4 sozyv. Sessiya 5. Zased. 1. Stenografi-cheskij otchet. Ch. 4. [State Duma. Convocation 4. Session 5. Meeting. 1. Verba-tim report. Part 4]. November 1, 1916.
15. Centralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. Fund 224, inventory 1, case 96 (part 2).
16. Vestnik Vremennogo pravitelstva [Bulletin of the Provisional Government]. 1917. May 25.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Использование опыта организации казачества на российском Кавказе и в сопредельном зарубежье накануне и в период Первой мировой войны / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 161–171.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. Using the Experience of Organizing the Cossacks in the Russian Caucasus and Neighboring Countries on the Eve and During the First World War / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 161–171. (In Russian).

УДК 93/94

**КОРЕНИЗАЦИЯ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–1930-е гг.**

В.Г. Шнайдер

**KORENIZATSIYA AS A COMPONENT
OF THE BOLSHEVIK NATIONAL POLICY
IN THE NORTHERN CAUCASUS IN THE 1920–1930s**

V.G. Schnaider

Аннотация. В статье рассмотрены основные мероприятия советского государства по повышению доли представителей народов Северного Кавказа в структуре местных органов власти. Рассмотрены сложности этого процесса, его последствия и значение в истории региона, а также причины свёртывания политики коренизации.

Abstract. The article considers the main activities of the Soviet state to increase the share of representatives of the peoples of the North Caucasus in the structure of local authorities. The complexity of this process, its consequences and significance in the history of the region as well as the reasons for curtailing the korenizatsiya policy are considered.

Ключевые слова: национальная политика, народы Северного Кавказа, коренизация, делопроизводство, децентрализация.

Keywords: national policy, peoples of the North Caucasus, korenizatsiya (indigenization), paperwork, decentralization.

Период 1920-х гг. стал временем наибольшего благоприятствования для развития национальных языков, культур и государственных структур. Причем для некоторых народов последнее было и вовсе внове. В целом удачно разыграв «национальную карту» в период гражданской войны, большевики продолжили свою политическую линию задабривания национальных меньшинств, главной целью которого было повсеместное укрепление советской власти.

На X съезде РКП (б) в 1921 г. была принята II-я программа партии. В сфере национальных отношений предполагалось помогать трудовым массам нерусских народов «догнать ушедшую вперёд центральную Россию». В том числе предполагалось развивать на родном языке суд, органы управления хозяйством, администрацию, прессу, школьное образование, театр, а также наполнить органы власти представителями местных национальностей [1, с. 360–370].

III съезд Советов СССР в 1925 г. конкретизировал задачу в области коренизации местного административного аппарата. На съезде было принято постановление «О национальных меньшинствах», которое предписывало вовлечение в работу местных выборных органов власти представителей национальных меньшинств [2, с. 82].

Среди задач национального строительства назывались: создание курсов, школ и профессионально-технических учебных заведений для скорейшей

подготовки кадров рабочих из числа местных людей. Этот же вопрос рассматривался и на XII съезде партии. Дополнив программу партии, съезд конкретизировал, что для ликвидации фактического неравенства, существующего между народами, требуется помощь русского пролетариата. И помощь эта требовалась прежде всего в республиках с преобладающим населением из числа «ранее угнетённых народов» для создания и развития промышленных очагов, куда нужно было привлечь максимально возможное число местных жителей [3, с. 79–87].

В данной статье мы затронем только один из аспектов описанной выше модели национальной политики – коренизацию административного аппарата в автономиях Северного Кавказа.

Если оценивать период 1920–1930-х гг. в аспекте создания большевиками условий для национального строительства народов Северного Кавказа, то он выглядит как позитивный. Именно выглядит, так как нельзя отрицать тот факт, что обстоятельства и формы территориально-административного устройства автономий были строго определены советской властью. И это притом что у местных народов отношение к самой советской власти было довольно настороженное. Это объяснялось их недоверием, в принципе, к любой центральной власти, которое сформировалось ещё в дореволюционный период.

Современный исследователь политики коренизации на Северном Кавказе М.А. Гутиева отмечает, что коренизация проходила в ряду многих мер советского государства, направленных на всесторонне развитие «национальных районов», показывавших желание большевиков любой ценой завоевать доверие местных народов [4, с. 2–5].

По мысли большевиков, советская власть должна была стать подлинно народной, но на деле получалось, что ко времени завершения гражданской войны большинство управленцев были русскими. Например, по данным комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) в аппарате Горской АССР русские составляли 57,3 %, осетины – 18,6 %, ингуши – 7,7 % [5, с. 73]. Это притом что к концу 1923 – началу 1924 гг. в Горской республике проживало русских почти в 2,5 раза меньше, чем ингушей и в 6 раз меньше, чем осетин [6, с. 56]. На протяжении всей недолгой истории Горской АССР острой проблемой была нехватка административных кадров из числа северокавказских народов. В 1924 г. А.И. Микоян, говоря о составе сотрудников республиканских органов власти ГАСР, отметил, что осетины и ингуши составляют в них менее 2 % [7, л. 4]. В Адыгее среди работников облисполкома было 30 % адыгейцев, среди технических работников – 22 %. Из 24 аулов только в половине секретарями парторганизаций были черкесы [5, с. 198].

Коренизация предполагала не только привлечение к работе в органы власти представителей автохтонного населения, но со временем возникла идея о переводе на местные языки всего делопроизводства. 10 июля 1937 г. были установлены сроки завершения такого перехода для автономий Северного Кавказа:

к началу 1932 г. ведение документации на родных языках должно было начаться в Адыгее и Северной Осетии; к июню 1932 г. – в Карачае, Черкесии и Ингушетии; к началу 1933 г. это должно было произойти в Чечне и Кабардино-Балкарии. Эти сроки, вероятно, были связаны с предполагаемым завершением коренизации, и овладением партийными и советскими работниками из числа местных народов письменной грамотностью родного им языка. Реальность показала, что не только первая, но и вторая задача не будут вполне реализованы. Например, в Северной Осетии 20 % работников госаппарата-осетин не владели письменным осетинским языком, в Адыгее ситуация была такой же, в Ингушетии не могли писать и читать на родном языке уже 60 % работников аппарата, в Черкесии – 60 %, в Карачае – 70 %, в Чечне – 80 % [8, л. 2(об)].

О проблеме недостаточного количества грамотных людей из числа местных народов пишут многие современные исследователи процесса коренизации на Северном Кавказе. Например, М.К. Нагиева приводит сведения по всему Андийскому округу Дагестана, где в 1920 г. чрезвычайный уполномоченный М. Кундухов насчитал два десятка грамотных людей, большинство из которых были беспартийными. О чём он сообщал в Ревком Дагестана [9, с. 99]. Е.В. Тауфанов обращает внимание на такую проблему как отсутствие соответствующей современному положению политической и правовой терминологии в языках северокавказских народов [10, с. 86]. На низкий процент грамотных среди реальных и потенциальных партийных и советских работников сетует и М.А. Гутиева [4, с. 4].

Ещё одной сложностью коренизации были некоторые особенности ментального свойства, характерные представителями местных этнических групп. Речь о том, что, даже заняв довольно высокое положение в системе руководства партией или органами советской власти, они не порывали тесных кровнородственных отношений, а напротив активно использовали своё положение, чем подрывали авторитет советской власти и доверие к ней местного населения. Нередко процветало неприкрытое кумовство [10, с. 86].

Политика коренизации проводилась на Северном Кавказе в условиях острых споров из-за пограничных территорий, например, между Кабардино-Балкарской АО и Карачаевским округом в 1921 г., между горской республикой и Дагестаном в 1924 г., между Чеченской АО и Дагестаном, а также Грузинской ССР [11, с. 9–11]. Вероятно, формирование новых этнических элит, полностью лояльных центральной власти, могло сгладить эти противоречия.

Кроме всего прочего, необходимо отметить также и тот факт, что коренизация была делом довольно дорогостоящим. Например, коренизация советского аппарата национальных регионов Северо-Кавказского края должна была пройти в течение 3–5 лет и стать делом весьма затратным – 383 тыс. руб. итогом чего должна была стать переподготовка 3 632 работников различного уровня: от круга до области [10, с. 86–87].

В числе проблем коренизации на Северном Кавказе, по мнению органов, курировавших коренизацию, были следующие тенденции и явления:

- низкий уровень культурного развития национальных областей;
- недостаток в кадрах работников-националов;
- бедность языка и большая разнородность по языку населяющей народности в отдельных национальных областях;
- наличие классового сопротивления кулацко-мульских и антисоветских элементов против проводимых мероприятий коренизации;
- недопонимание (а в ряде случаев сопротивление) отдельных работников аулсоветов, окружных исполкомов, областных ведомств, националов и русских значения коренизации для национальных областей [12, л. 104].

Тем не менее, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. политика коренизации партийно-государственного аппарата на Северном Кавказе достигла определенных успехов. Местными кадрами из числа ответственных работников были наполнены партийно-государственные аппараты следующим образом: Кабарда – 88 %, Северная Осетия – 82 %, Карачай – 51 %, Черкесия – 46 %, Чечня – 37 % [13, с. 175].

В 1930-е гг. коренизация продолжалась, но как бы по инерции. И главными причинами её торможения стали уже не объективные причины, названные выше, а проявление тенденции развития государства, в котором к тому моменту уверенно созрел тоталитарный политический режим. В этот период времени начинает формироваться идея «социалистического отечества». Этот, казалось бы, надэтнический образ, во-первых, надэтническим был только внешне. В действительности он всё более соотносился с русскими историческими и этнокультурными традициями [14, с. 72].

Е.Н. Бадмаева обращает внимание на мысль Сталина, высказанную им в докладе на XVII съезде ВКП(б), где он отметил, что, увлекшись борьбой с великорусским шовинизмом, партия забыла о такой проблеме как «местный национализм», в котором Сталин увидел «государственную опасность». Далее историк отмечает: «тем самым партийный вождь дал старт уничтожению национальных элит, и совсем скоро последовал „большой террор“» [15, с. 17]. Посыпались ложные обвинения в панисламизме, пантюркизме, национализме, создании террористических организаций и т. п., что чаще всего заканчивалось заключением или даже расстрелом.

Логика политической эволюции советского государства в данный период вполне укладывается в схему традиционных для России колебаний от реформ и либерализма к контрреформам и консерватизму. В данном случае мы наблюдаем второе. А для консервативных периодов не характерны признаки децентрализации власти и расширения возможностей местных этнических элит. Кроме того, явив миру образцовый, с позволения сказать, тоталитарный режим, партия должна была абсолютно контролировать все процессы, происходящие во всех сферах общественной жизни, а особенно в политической. Понятно, что дело-производство, суд и т. п. на национальных языках этому не способствовали.

В этих условиях был найден новый вариант решения национального вопроса. Главным становилось формирование социально однородного общества,

что позволило бы считать его социалистическим. Решение любой задачи завершения социалистического строительства оказывалось, таким образом, средством не столько решения национального вопроса, сколько его ликвидации имперским способом [13, с. 207].

Тем не менее, несмотря на противоречивость и незавершённость коренизации на Северном Кавказе, следует оценить этот политический проект советской власти, как в целом позитивный для местных этнических групп. Коренизация дала толчок социально-экономическому и культурному развитию региона. Формировались национальные кадры управленцев в партийном, хозяйственном руководстве. Коренизация стала одним из факторов дальнейшего развития языков северокавказских народов, стимулировала создание или развитие национальной письменности, содействовала росту грамотности. К сожалению, по мере усиления тенденций политического развития, характерных тоталитарным режимам, этому направлению в работе с национальными автономиями уделялось всё меньшее значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 16 т. Т. 2. – М. : Политиздат, 1983. – 606 с. – Текст : непосредственный.
2. Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик : сборник документов 1922–1936 гг. : в 3 т. Т. 3. – М. : Госюриздат, 1960. – 398 с. – Текст : непосредственный.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 16 т. Т. 3. – М. : Политиздат, 1984. – 494 с. – Текст : непосредственный.
4. Гутиева, М. А. Политика коренизации кадров и особенности её реализации на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. / М. А. Гутиева. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 2–7.
5. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). – Майкоп : Меоты, 1995. – 286 с. – Текст : непосредственный.
6. Гонов, А. М. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса (20–30-е годы) / А. М. Гонов. – Ростов н/Д. : РВИШ МВД РФ, 1997. – 94 с. – Текст : непосредственный.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 11. Д. 278. – Текст : непосредственный.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. – Текст : непосредственный.
9. Нагиева, М. К. Подготовка национальных кадров в Дагестане в 1920-е гг. / М. К. Нагиева. – Текст : непосредственный // Известия СОИГСИ. – 2018. – № 29 (68). – С. 97–106.
10. Туфанов, Е. В. Коренизация как инструмент формирования региональной номенклатуры на материалах Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. / Е. В. Туфанов. – Текст : непосредственный // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 3. – С. 84–89.
11. Бугай, Н. Ф. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (документы, факты, комментарии) / Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – Ростов н/Д., 1997. – 204 с. – Текст : непосредственный.

12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 127. Л. 104. – Текст : непосредственный.

13. Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект / под ред. А. И. Шаповалова. – Армавир : Изд-во АГПИ, 2002. – 368 с. – Текст : непосредственный.

14. Шнайдер, В. Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия : монография / В. Г. Шнайдер. – М.–Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 418 с. – Текст : непосредственный.

15. Бадмаева, Е. Н. Исторический опыт формирования органов управления и проведения политики коренизации в национальных автономиях Юга России в 1920–1930-е гг. / Е. Н. Бадмаева. – Текст : непосредственный // *Oriental Studies*. – 2018. – № 4 (38). – С. 11–23.

REFERENCES

1. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferentsiy i plenumov TSK [The CPSU in the resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat, 1983, vol. 2. 606 p.

2. Syezdy Sovetov Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik / Sbornik dokumentov 1922–1936: V 3 t. [Congresses of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics / Collection of documents 1922–1936: In 3 vols]. Moscow, Gosyurizdat, 1960, vol. 3. 398 p.

3. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezdov, konferentsiy i plenumov TSK [The CPSU in the resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat, 1984. 494 p.

4. Gutieva M.A. Politika korenizatsii kadrov i osobennosti yeyo realizatsii na Severnom Kavkaze v 1920–1930-ye gg. [The policy of indigenization of personnel and the features of its implementation in the North Caucasus in the 1920–1930s]. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki = Humanitarian and Social Sciences*, 2011, No. 1, pp. 2–5. (In Russian).

5. Natsional'no-gosudarstvennoye stroitel'stvo v Rossiyskoy Federatsii: Severnyy Kavkaz (1917–1941 gg.) [Nation-state building in the Russian Federation: North Caucasus (1917–1941)]. Maykop, Meoty, 1995. 286 p.

6. Gonov A.M. Severnyy Kavkaz: aktual'nyye problemy russkogo etnosa (20–30-ye gody) [North Caucasus: relevant problems of the Russian ethnos (20–30s)]. Rostov-on-Don, Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 1997. 94 p.

7. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] Fund 17, inventory 11, case 278.

8. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund 1235, inventory 125, case 118.

9. Nagieva M.K. Podgotovka natsional'nykh kadrov v Dagestane v 1920-ye gg. [Training of national personnel in Dagestan in the 1920s]. *Izvestiya SOIGSI*, 2018, No. 29 (68), pp. 97–106. (In Russian).

10. Tufanov E.V. Korenizatsiya kak instrument formirovaniya regional'noy nomenklatury na materialakh Severnogo Kavkaza v 1920–1930-ye gg. [Korenizatsiya as a tool for the formation of a regional nomenclature based on the materials of the North Caucasus in the 1920–1930s]. *Nauchnayamysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*, 2017, No. 3, pp. 84–89. (In Russian).

11. Bugai N.F., Gonov A.M. Severnyy Kavkaz: granitsy, konflikty, bezhentsy (dokumenty, fakty, kommentarii [The North Caucasus: borders, conflicts, refugees (documents, facts, comments)]. Rostov-on-Don, 1997. 204 p.
12. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund 1235, inventory 125, case 127, page 104.
13. Etnokul'turnyye problemy Severnogo Kavkaza: sotsial'no-istoricheskiy aspekt [Ethno-cultural problems of the North Caucasus: socio-historical aspect]. Ed. by A.I. Shapovalov. Armavir, ASPI, 2002. 368 p.
14. Schnaider V.G. Sovetskoye natsiyestroitel'stvo na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950-kh gg.): zakonomernosti i protivorechiya: monografiya [Soviet nation-building in the North Caucasus (1917 – late 1950s): patterns and contradictions: monograph]. Moscow–Berlin, Direct-Media, 2015. 418 p.
15. Badmaeva E.N. Istoricheskiy opyt formirovaniya organov upravleniyai provedeniya politiki korenizatsii v natsional'nykh avtonomiyakh Yuga Rossii v 1920–1930-ye gg. [The historical experience of the formation of governing bodies and the implementation of the policy of indigenization in the national autonomies of the South of Russia in the 1920–1930s.]. Oriental Studies (Vestnik Kalmytskogo institute gumanitarnykh issledovaniy RAN) = Oriental Studies (Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences), 2018, No. 4 (38), pp. 11–23. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шнайдер, В. Г. Коренизация как составная часть национальной политики большевиков на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. / В. Г. Шнайдер. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 172–178.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Schnaider V. G. Korenizatsiya as a Component of the Bolshevik National Policy in the Northern Caucasus in the 1920–1930s / V. G. Schnaider // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 172–178. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 316.3

**ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

О.А. Бакланова, И.С. Бакланов, А.Д. Похилько

**THE PROSPECTS AND PROBLEMS
OF TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT IN RUSSIA:
A SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT**

O.A. Baklanova, I.S. Baklanov, A.D. Pokhilko

Аннотация. Авторы ставят своей задачей выяснение перспектив технологического развития в России и преодоления социальных барьеров на этом пути. Рассматривается ряд проблем на пути модернизации современной России. Подчеркивается страх россиян перед социальными переменами и отмечается, что важной аксиологической проблемой является такая базовая установка российского сознания как «ренто-ориентированное мышление». В современной России, как полагают авторы, существует два взаимоисключающих запроса к власти – на модернизацию и на стабильность (консерватизм).

Abstract. The authors set the task to clarify the prospects for technological development in Russia and overcoming social barriers along the way. A number of problems on the way of modernization of today's Russia are considered. The fear of Russians before social changes is emphasized and it is noted that an important axiological problem consists in such a basic setting of Russian consciousness as "rent-oriented thinking". In modern Russia, as the authors believe, there are two mutually exclusive requests to the authorities – for modernization and for stability (conservatism).

Ключевые слова: социокультурный институт, общество, технологическое развитие, проблемы модернизации, ренто-ориентированное мышление.

Keywords: sociocultural institution, society, technological development, problems of modernization, rent-oriented thinking.

Актуальность темы заключается в необходимости выяснения перспектив технологического развития в России и преодоления социальных барьеров на этом пути. Восхищение технологиями, их безграничными возможностями, с одной стороны, и готовность к их развитию – это не одно и то же. В отличие отряда других стран, в России часто можно столкнуться с недоверием, страхом к новому, к науке и технике – с ментальными барьерами, ограничивающими технологическую повестку. Россияне чаще склоны верить в пессимистические сценарии и прогнозы, и для этого есть множество аксиологических и культурно-исторических причин.

Цель статьи – дать обзор социальных проблем технологического развития в России в философском аспекте.

В СССР сформировалась традиция представления о линейном и неуклонном социальном развитии, в котором общество, включая все его сферы, постоянно развивается и стремится к максимизации эффектов, в том числе, технологических. После его развала, в девяностые годы, такую кумулятивистскую модель теории прогресса стали опровергать, выстраивая нелинейные модели социальной динамики. Возникали и более сложные теории эволюционизма, например, А. Алчиан утверждал, что в эволюционном процессе более эффективные институты постепенно вытеснят менее эффективные, и произойдёт сближение, конвергенция – сначала социальных институтов, а потом и стран в глобализационном процессе [5, pp. 777–795]. Но оказалось, что, вопреки прогнозам, в обществе происходят также и дивергенции, деволюции, архаизации.

Теория Д. Норта и Р. Фогеля [8; 10, pp.1319–1332] во многом опровергла линейный эволюционизм и объяснила барьеры институционального развития не односторонне, а комплексно, на аксиологическом основании. В ней учитывалось, что реальные трансформации в обществе происходят не только в формальных институтах права или экономики, а в институтах культуры, в ценностных ориентациях и установках, разделяемых всеми членами общества. Для изменения социальной системы необходим перелом ценностных установок, вкусов и предпочтений. Однако изменить существующие неформальные правила игры тяжело. Это объясняется в первую очередь спецификой культуры страны, её коллективными привычками, создающими институциональные ловушки [7, pp. 332–337].

Используя методологию неоинституционализма [1], можно понять некоторые важные особенности модернизации в России, точнее, стоящие перед нею проблемы. Справедливости ради отметим, что в отечественной литературе ментальные корни архаики в России анализировал А.С. Ахиезер [2]. Отметим эти особенные проблемы очень кратко в виде следующих тезисов.

1. Первая проблема на пути технизации и модернизации России – «проблема колеи». Технологии точно так же попадают в эту ловушку, как и другие социальные институты. Возникают технологические инновации, однако их гасит неэффективная среда. Неэффективные институты нуждаются в демонтаже, но в обществе не хватает концентрации субъектов и ресурсов для их устранения. Возникает застой, не устранимый даже тогда, существуют эффективные решения, как можно их заменить.

2. Проблема вторая – ценностная, или аксиологическая. Она касается не социальных структур, а общественного сознания, не поддерживающего техногенные установки. Аксиологически Россия одновременно обращена и в прошлое, и в будущее [9], в современной России один из высочайших в мире показателей индекса толерантности к неопределённости [5]. Это означает страх будущего, в российском обществе любое изменение вызывает

тревогу и воспринимается негативно. На это есть веские исторические причины, однако на сегодняшний день именно из-за избегания неопределенности люди склонны выбирать консервативную повестку и создают запрос на «стабильность». Инновации связываются с угрозами. Интерес представляет такой вид социального страха, как ноофобия (или неофобия), страх перед новым, особенно перед наукой и техникой, перед новейшими технологиями. Крайняя форма ноофобии – это недоверие к разуму, уход в мифологию и архаику. Мы полагаем, что неофобия может быть оптимально вытеснена и отчасти скомпенсирована неофилией (любовью к новому, к творчеству) в ходе соответствующего образовательного и воспитательного процесса в семье, школе, вузе [2, с. 283–287].

3. Третья особенность – в российском обществе существует несколько взаимоисключающих видов социального запроса к власти и моделей безопасного будущего: очень серьезное неравенство российского общества существует не только в вертикальном, но и в горизонтальном, пространственном смысле: между центром страны и её периферией, порождающими разный уровень сознания и представлений о будущем [3].

4. Собственно социальная проблема – отсутствие сколько-нибудь значимого публичного пространства и нежелание различных социальных слоев оказаться за столом переговоров. О проблемах, путях их решения, о реальных перспективах решения общих проблем не ведётся серьезного диалога.

5. Из пункта 2 об избегании неопределённости следует такая особенность российского общества как короткий горизонт планирования (люди предпочитают жить сегодняшним днем, избегая длинных горизонтов планирования). Это не позволяет развиваться в стране долгосрочным проектам, требующим десятилетия для успешного развертывания.

Проблема институциональной колеи создаёт мощную инерцию, которая удерживает страну в определенной траектории, на распутье между застоем и модернизацией. Пройдя в 1990-х годах потребительскую модернизацию и насытив рынок товарами народного потребления, Россия оказалась не в состоянии пройти технологическую и промышленную модернизацию. И вернулась к консервативной повестке.

Однако даже потребительская модернизация изменила сознание российского общества существенно, постепенно изменяя линейные модели поведения на сложные. Сначала этот процесс широко произошёл в мегаполисах, потом перешел в российские регионы. И поменял представления человека о себе, включил его в глобальные сети, произвел реконструкцию культурного пространства.

6. Кроме того, ещё одной ценностной преградой технологизации является базовая установка российского сознания, так называемое, «ренто-ориентированное мышление» (которое, по-видимому, сформировалось не в XX или в XXI веке, а намного раньше и связана с социальными практиками крепостного права. За несколько сотен лет в российском обществе выработалась

коллективная привычка и представление об идеальном укладе жизни «жизни на ренту». В XX веке это превратилось в социальный запрос на ренту от продажи сырья (нефти, газа).

7. Барьером на пути технологизации России может также выступать то, что в последние два десятилетия снижается качество человеческого капитала, образование, превращенное в услугу, не дает ожидаемой самоокупаемости, а лишь неуклонно снижает качество. Преодоление этого барьера начнется с понимания, что, что образование – это не экономическое, а доверительное, социальное благо. Его результат сложно подсчитать экономически, он изначально убыточный.

8. Культурная проблема России уже продолжительное время – в «разорванности» (термин С. Хантингтона, назвавшего Турцию, Россию и Мексику «разорванными странами» [8]). Каждая из этих стран в свое время вынуждена была войти в формат западных управленческих, военных и прочих технологий. В России это произошло при Петре I, в Турции – при Ататюрке, в Мексике – в XX веке. В результате внутри каждой возник разрыв. Например, в Турции силен разрыв на «светскую и религиозную» страну (индустриальную и аграрную). Россия также оказалась в результате петровских реформ с двумя культурными ядрами. И уже больше двухсот лет не утихает спор западников и славянофилов о том, кто есть российский человек – прежде всего личность или «общинник», какие ценности – западные или восточные – ему ближе и аутентичнее.

И сегодня это ведет к формированию в России двух взаимоисключающих запросов к власти – на модернизацию и на стабильность (консерватизм). Правильно будет сказать, что в России есть и коллективистское и индивидуалистическое (и западное, и восточное) начало. Модернизационный двигатель востока коренится в коллективистской культуре, Запад развивается на ценностях индивидуалистических. Однако у России при наличии обоих этих начал складывается ситуация конфликта ценностей.

В итоге напрашивается вопрос о перспективе развития России, ответы на который можно давать следующим образом:

1. Необходимо восстанавливать социальный капитал, который начинается с доверия (всех его видов, и горизонтальных, и вертикальных). Доверие обеспечивает горизонт планирования и перспективы долгосрочного развития. Очевидно, доверие восстановить непросто, поскольку общество ещё помнит приватизацию, пенсионную реформу и некоторые другие элементы «шоковой терапии» социума. Однако это важнейший шаг.

2. Несомненно, важно сохранять и увеличивать человеческий капитал. Перед системой образования не должны ставиться экономические цели эффективности, его первой задачей должна быть задача производства грамотного специалиста, идущего в ногу со временем.

3. Необходима медленная и последовательная работа с ценностями общества в сторону отказа от ренто-ориентированного мышления и одновременного повышения ценности труда и ценности самореализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аузан, А. А. Развитие и «колея» зависимости / А. А. Аузан. – Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. – № 10. – С. 96–105.
2. Ахиезер, А. С. Россия. Критика исторического опыта: социокультурная динамика России / А. С. Ахиезер. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Новый хронограф, 2008. – 934 с. – Текст : непосредственный.
3. Бендюк, А. С. Преодоление неophobia у обучающихся / А. С. Бендюк, А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Современные научные взгляды в эпоху глобальных трансформаций: проблемы, новые векторы развития : материалы XLII Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов н/Д. : Изд-во ВВМ, 2021. – С. 283–287.
4. Зубаревич, Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода / Н. В. Зубаревич. – 6-е изд. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 251 с. – Текст : непосредственный.
5. Armen A. Alchian, Harold Demsetz Production, information costs, and economic organization. *American Economic Review*, 1972, vol. 62, pp. 777–795
6. Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies Front Cover Nancy R. Lackey, John J. Sullivan, Klas Matija Brenk, Edvard Konrad, Argio Sabadin SAGE Publications, Apr 29, 2004, Business & Economics, 818 p.
7. David, P. Clio and Economics of QWERTY. *American Economic Review*, 1985, V. 75, issue 2, pp. 332–337
8. Robert William Fogel. The Fourth Great Awakening and the Future of Egalitarianism. Chicago, University press, 2000, 322 p.
9. Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order, Simon & Schuster, 2011, 368 p.
10. Ronald, Inglehart&Welzel, Christian. (2005). Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge university pressm, 2005, 324 p.
11. Douglass C. North. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // *World Development*, 1989, vol. 17, no. 9, p. 1319–1332.

REFERENCES

1. Auzan A.A. Razvitiyei "koleya" zavisimosti [Development and "track" of dependence]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya = World Economy and International Relations*, vol. 61, No. 10, p. 96–105. (In Russian).
2. Akhiezer A.S. Rossiya. Kritika istoricheskogo opyta: (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii) [Russia. Criticism of historical experience: (sociocultural dynamics of Russia)]. Moscow, Novyy khronograf, 2008. 934 p.
2. Bendyuk A.S. Preodoleniye neofobii u obuchayushchikhsya [Overcoming neophobia among students]. *Sovremennyye nauchnyye vzglyady v epokhu global'nykh transformatsiy: problemy, novyye vektory razvitiya. Materialy XLII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Modern Scientific Views in the Era of Global Transformations: Problems, New Vectors of Development. Materials of the XLII All-Russian Scientific and Practical Conference*. Rostov-on-Don, 2021, pp. 283–287. (In Russian).
3. Zubarevich N.V. Sotsial'noye razvitiye regionov Rossii: problemy i tendentsii perekhodnogo perioda [Social development of Russian regions: problems and trends in the transition period]. Moscow, LENAND, 2015. 251 p.

4. Armen A. Alchian, Harold Demsetz. Production, information costs, and economic organization. *American Economic Review*, 1972, vol. 62, pp. 777–795.
5. Culture, Leadership, and Organizations. The GLOBE Study of 62 Societies. SAGE Publications, 2004, Business & Economics. 818 p.
6. David P. Clio and Economics of QWERTY. *American Economic Review*, 1985, vol. 75, iss. 2, pp. 332–337.
7. Fogel R.W. The Fourth Great Awakening and the Future of Egalitarianism. Chicago, University press, 2000. 322 p.
8. Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order, Simon & Schuster, 2011. 368 p.
9. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005. 324 p.
10. North D.C. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*, 1989, vol. 17, No. 9, pp. 1319–1332.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бакланова, О. А. Перспективы и проблемы технологического развития в России: социально-философский аспект / О. А. Бакланова, И. С. Бакланов, А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 179–184.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Baklanova O. A., Baklanov I. S., Pokhilko A. D. The Prospects and Problems of Technological Development in Russia: a Socio-Philosophical Aspect / I. S. Baklanov, O. A. Baklanova, A. D. Pokhilko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 179–184. (In Russian).

УДК 101.1:796.011:141.333

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОПОВЕДИ:
ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

И.Л. Бирюков

**POLITICAL CONTENT OF PREACHING:
PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL ASPECT**

I.L. Biryukov

Аннотация. Одним из актуальных вопросов христианского мира является такой вопрос: в какой мере проповедник может публично затрагивать сферу политического. Можно ли поднимать вопросы политики в проповеди? Если да, то в каких пределах? Время от времени появляются обвинения в адрес священнослужителей во вмешательстве в политику, но, с другой стороны, есть люди, которые как раз ожидают от проповедников четкой позиции по различным социально-политическим проблемам. Не имея возможности участвовать в политической борьбе, проповедник не остается на обочине политического, осуществляя целенаправленную миссию в области политической деятельности в аспекте духовного здоровья нации. Он должен формировать сознание людей и пробуждать их духовные силы для поддержки политики государства и активного участия в текущей социальной политике.

Abstract. One of the current issues of the Christian world is the following: to what extent can a preacher publicly affect the political sphere? Is it possible to raise political issues in preaching? If so, to what limits? From time to time, accusations of priests' interference in politics appear, but, on the other hand, there are people who are just expected from preachers a clear position on various socio-political problems. Without opportunities to participate in political struggle, a preacher does not remain on the side of the political, carrying out a targeted mission in the field of political activities in the aspect of spiritual health of the nation. It must form the consciousness of people and awaken their spiritual forces to support the policies of the state and active participation in the current social policy.

Ключевые слова: политическая теология, проповедь, церковь и политика, духовное здоровье, ресакрализация.

Keywords: political theology, preaching, church and politics, spiritual health, resacralization.

Сегодня актуальным становится наделение религиозными и сакральными элементами пространства политического. Многие священнослужители, говоря об исторической миссии страны, правителях, военных конфликтах, желаемом социальном мироустройстве, даже не подозревают, что затрагивают политическое содержание в своей нравственно-религиозной проповеди. В статье под политической проповедью автор понимает религиозную проповедь духовенства, которая содержит социально-политическое содержание. Политическая проповедь священников соотносится с идеями и действиями патриотического и социального значения. Целью статьи является выявление философско-теологического аспекта политической проповеди. Новизна в авторской оценке заключается

в выявлении проблемных сфер «политической проповеди» на основе рассмотрения различных форм христианской проповеди.

Проповедь является спасительным событием. Проповедь – это название, определяющее провозглашение слова Божьего как во время христианского богослужения или же в форме увещательной беседы, которая направлена на обращение и поклонение Богу. Более того, провозглашение Слова Божьего вне литургии дает возможность выбирать разнообразные риторические средства и использовать современные технологии [1]. Он создает условия для развития миссии и веры, которая «рождена от слышимого, а слышимое есть слово Христово» (Рим. 10:17).

Понятие «политическое» имеет значение для рассматриваемой темы. В узком смысле – оно включает в себя стремление к власти, партийную и административную работу, деятельности правительства, отношений между государствами. В широком смысле термин *πολιτεία* используется для описания стремления к общему благу и связан с коллективной жизнью всех граждан, «с достоинством, правами человека и социальной справедливостью» [4, с. 335–350]. Право проповедовать в дискурсе политического имеет свое богословское оправдание в пророчествах. Пророки, проповедуя суд и наказание, увещевали людей к обращению, провозглашая Царство Божье. В библейском смысле политическая проповедь направлена против угнетения и несправедливости в мире. Она является голосом угнетенных и безмолвных, всегда предлагая принятие решения без насилия.

Общую специфику христианской политической проповеди можно проследить в работах В.В. Милькова «Политический элемент в нравственно-религиозной проповеди епископа новгородского Луки Жидяты» [8]; Л.И. Журовой «К вопросу о нравственном богословии митрополита Даниила» [5]; Р.В. Тупикина «Общественно-политические взгляды епископа смоленского Иоанна (Соколова)» [11]; К.Д. Бугрова «Политическое богословие и легитимация екатерининского переворота 1762 года: «слово торжественное» Константина (Борковского)» [3]; Г.А. Корнеевой «Политизация духовенства сибирских епархий в контексте историографии консолидации сил и оформления монархического движения в регионе в период первой русской революции (1905–1907 гг.)» [6]; М. Богачёва, К. Сорвина «Политика в церкви: за кого агитируют православные священники?» [2] и других работах.

Воспринимается ли проповедь как политическая, определяется не только ее содержанием, но и контекстом высказываний. Речь, произнесенная в одном контексте, не вызовет восторгов или возмущений, а в другом контексте может быть воспринята как поддержка или критика политического курса. Иеремия призывал к молитве в ситуации, когда народ находился под чужеземным правлением. Эти тексты являются источником для проповедника, который может подчеркнуть, что христиане верят в Божье провидение, и знают, что даже в самых сложных политических ситуациях можно жить по Евангелию [13, с. 106–107]. Как ни парадоксально, именно в самых сложных

ситуациях можно ощутить наиболее глубокое присутствие и действие Бога в своей жизни. Такую интерпретацию действительности можно предложить в проповеди. Служение Господа Иисуса также осуществлялось в политическом контексте. Его народ находился под римской оккупацией, и Он Сам пострадал, став жертвой политических и религиозных объединений.

Согласно Юргену Цимеру, каждая христианская проповедь потенциально является политической, поскольку она публична. На этой основе выделяют три типа политических проповедей [14, с. 29–31]:

1. В описательной политической проповеди проповедник говорит как представитель определенного сообщества. Такая проповедь может быть реакцией на какое-то политическое событие, будь то похвала, плач, благодарность, досадный проигрыш или несчастный случай. Она также может быть приурочена к какой-либо важной дате или годовщине событий. Ценность такой проповеди заключается в том, что она основана на опыте проповедника и обращена к реальностям жизни своих слушателей. Она призывает к серьезному и ответственному отношению, излагая позицию Церкви по проблемам общественной жизни. Ее опасность в злоупотреблении торжественными восхвалениями и некритическим настроением по отношению к существующей реальности.

2. Оценочная политическая проповедь содержит критическую оценку текущего социального и политического положения общины верующих в свете Слова Божьего. Это проповедь суждения, она предоставляет необходимую информацию и служит для того, чтобы углубить осведомленность аудитории, помогая людям осознавать несправедливости, влияющие на все сообщество. Задача такой проповеди показать несправедливость, помещая в центр повествования драматическую судьбу людей, например, пострадавших в результате определенных действий или событий. Она очерчивает перспективы решения проблем на основе солидарности в духе Евангелия.

3. Проповедь как напоминание представляет собой описание социально-политических изменений, несовместимых с Евангелием. Такое провозглашение является неким продолжением пророческих провозглашений, напоминающим речи пророков Амоса и Исайи, Иоанна Крестителя и Господа Иисуса Христа о Царстве Божьем. Такая проповедь, помимо пророческой критики, призывает к действию и определенной социальной позиции. В Священном Писании есть много страниц, описывающих утешение, силу и исцеление, которые исходят от Господа. Она является эхом слова Божьего в контексте человеческих страданий, страхов и надежд. Это происходит вследствие того, что проповедник слушает людей, в дальнейшем вещая от их лица.

Проповеднику стоит учитывать, что его слова имеют социальное воздействие. Он интерпретирует человеческую жизнь в свете слова Божьего, чтобы помочь слушателям распознать Его присутствие и действие как в их жизни, так и в глобальных событиях, происходящих в мире. Проповедь предназначена для того, чтобы привести людей ко Христу или укрепить их в вере [10]. Если проповедь понимается как провозглашение слова Божьего,

тогда очевидно, что здесь нет места агрессивной риторике. «Не стоит наполнять проповедь абстрактными речами, оторванными от реальности. Политические вопросы не всегда могут быть предметом проповеди как минимум по трем причинам:

1. Бог не является Покровителем одной из политических сил. Он Творец и Господь мира. Он – Властелин, и им нельзя манипулировать. Его всемогущество не может ограничиваться лоббированием узкопрофильных интересов. Светские власти могут попытаться использовать Церковь для поддержки своих идей, ища своего союзника в проповедях иерархов. Иногда политики берут на себя роль религиозных лидеров. Задача представителей Церкви – четко дистанцироваться от любых попыток подобных манипуляций, партийных властей и идеологий, которые хотят найти легитимность своих временных политических действий в Церкви и ее богословии. Элементы религиозной проповеди в политическом пространстве можно обозначить в наделении сакральным началом светские категории, предавая им священный аспект, например «правам человека», «всеобщей безопасности» и даже «во имя мира на Земле».

2. Как граждане земного общества, слушатели Слова Божьего имеют свободу выбора в соответствии со своей совестью и убеждениями. Ни проповедник, ни Церковь в целом не ставят перед собой задачу указать конкретные решения во временных вопросах, которые Бог оставил на свободный и ответственный выбор каждого человека. Возникновение земного государства должно быть понимаемо не как изначально богоустановленная реальность, но как предоставление Богом людям возможности устроить свою общественную жизнь, исходя из их свободного волеизъявления с тем, чтобы таковое устройство, являющееся ответом на «искаженную грехом земную реальность» [9, п. III.1].

3. Задача проповедников – строить общину и укреплять братские связи со всеми людьми, а не вносить разделения и раздоры. «Церковь должна вести диалог по вопросам принятия решений, имеющих отношение к жизни Церкви, церковно-государственному соработничеству и сферам общественной обеспокоенности Церкви» [9, п. III.9]. Такое определение хорошо описывает построение проповеди перед политическими событиями в контексте того, что «перед лицом политических разногласий, противоречий и борьбы Церковь проповедует мир среди людей, придерживающихся различных политических взглядов [9, п. V.2].

Однако ничто не мешает проповедникам размышлять над политическими вопросами в более широком смысле в ракурсе социального или межличностного диалога и «допускает наличие различных политических убеждений среди ее епископата, клира и мирян, за исключением таких, которые явно ведут к действиям, противоречащим православному вероучению и нравственным нормам церковного Предания [9, п. V.2]». Через призму политической теологии они могут интерпретировать реальность для осуществления конкретных жизненных

решений. Проповедник злоупотребляет авторитетом, когда ведет явную агитацию, призывает к принятию определенного выбора и указывает, кого нужно поддерживать. Эти действия имеют все признаки манипулирования. Стремление проповедника формировать социальное сознание людей, которое будет отражаться в их действиях, более трудная задача [12]. Пастырский аспект – это возможность учить слушателей занимать рациональную, политически разумную и теологически адекватную позицию.

Стоит обратить внимание на рекомендации проповеднику [15, с. 205], который хочет затронуть в проповеди международные или межличностные вопросы политики. Если он захочет овладеть необходимыми навыками, то ему нужно научиться размышлять на обозначенную тему. Постараться вникнуть в ситуацию с разных сторон, чтобы углубить свое понимание проблем, а не упрощать их [7, с. 36–43]. Полезно переговорить со специалистами для различения политических и психологических нюансов, о которых он может не догадываться или быть недостаточно информирован. Также следует подчеркнуть первооснову Евангелия, поскольку оно определяет рамки социальных действий для всех христиан.

Подготовку проповеди выстраивают, исходя из следующих положений. Во-первых, нужно понять: достаточно ли проверена информация; в чем состоит проблема; как выглядят земные проблемы в свете библейских божественных истин и другие вопросы. Готовясь к проповеди, нельзя забывать о ее сути как спасительного увещания, которое напоминает нам о том, что Бог никого не отвергает и хочет всем спастись (1 Тим. 2:4). Проповедь становится нецелесообразной, когда она ставит перед слушателями этические и политические проблемы, которые невозможно осуществить в обществе.

Одним из важных элементов политической проповеди можно обозначить реализацию в ней принципов национального духовного здоровья как отдельного проекта социальной политики. Важной социальной проблемой является проблема формирования человека здорового телесно-физически и духовно-нравственно. Процесс сплочения светской и религиозной духовности отвечает на вопрос об «экологии души» и морально-нравственной ответственности. В аспекте духовного здоровья это отражается в факторах оптимистической надежды, способствующей развитию индивидуальных и социальных качеств личности, ее стрессоустойчивости.

Эсхатологический образ будущего, наполненный позитивным смысловым содержанием, дарует и сообщает человеку внутреннюю свободу. Личность, применяя методологию аскетизма в приобретении духовной автономии, как своеобразной победы, в конечном итоге оказывает влияние на духовную жизнь общества. Мировоззренческая парадигма духовного здоровья представляет собой не только концепты или идеи в виде готовых форм, но, прежде всего, сам процесс их духовного производства, дальнейшего распределения и потребления в социуме.

Таким образом, ответ на вопрос, можно ли поднимать политико-теологические вопросы в проповеди, является положительным и находится

в миссионерском дискурсе. Важно, чтобы проповедь не превращалась в светскую речь о политическом. Формально по Конституции РФ Церковь отделена от государства, но она ни в коей мере не отделена от политики. Политическое пространство религиозной деятельности выражается в социальных формах служения. Перед священником стоит непростая задача: как поднимать социально-политические вопросы в проповедях и размышлять над ними в свете Слова Божьего, не допуская прямой агитации. Политика не способна построить Царство Божье на земле, но с помощью медиативных функций способна уменьшить зло в обществе, сформировав ценности, снизить конфликтность, повысить плодотворность взаимодействия и консолидации социальных групп.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков, И. Л. Спортивная духовность в ресакрализации феномена политического / И. Л. Бирюков. – Текст : непосредственный // Современная наука и инновации. – 2021. – № 1 (33). – С. 154–162.
2. Богачёв, М. «Политика в церкви: за кого агитируют православные священники?» / М. Богачёв, К. Сорвин. – Текст : непосредственный // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2020. – Т. 38. – № 3. – С. 331–361.
3. Бугров, К. Д. «Политическое богословие и легитимация екатерининского переворота 1762 года: «слово торжественное» Константина (Борковского)» / К. Д. Бугров. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2020. – Т. 30. – № 1. – С. 18–25.
4. Гаррет, С. Богословие и справедливость наций: поиски неуволимой справедливости в политически многообразном секулярном мире / С. Гаррет. – Текст : непосредственный // Политическое богословие. – М. : Изд-во ББИ, 2019. – С. 335–350.
5. Журова, Л. И. «К вопросу о нравственном богословии митрополита Даниила» / Л. И. Журова. – Текст : непосредственный // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2016. – № 4 (16). – С. 63–83.
6. Корнеева, Г. А. Политизация духовенства сибирских епархий в контексте историографии консолидации сил и оформления правомонархического движения в регионе в период первой русской революции (1905–1907 гг.) / Г. А. Корнеева. – Текст : непосредственный // Молодежь: свобода и ответственность : материалы и доклады Межрегиональной научно-практической конференции. – М., 2019. – С. 60–83.
7. Лункин, Н. Р. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет современное общество / Н. Р. Лункин. – М. : Нестор-История, 2020. – 504 с. – Текст : непосредственный.
8. Мильков, В. В. Политический элемент в нравственно-религиозной проповеди епископа новгородского Луки Жидяты / В. В. Мильков. – Текст : непосредственный // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2019. – № 1 (11). – С. 6–27.
9. Основы социальные концепции Русской Православной Церкви. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/> (дата обращения: 15.12.2021). – Текст : электронный.
10. Сила нации – в силе духа. Книга размышлений Святейшего Патриарха Кирилла. – Мн. : Белорусская Православная Церковь, 2009. – 400 с. – Текст : непосредственный.

11. Тупикин, Р. В. «Общественно-политические взгляды епископа смоленского Иоанна (Соколова)» / Р. В. Тупикин. – Текст : непосредственный // Церковь и время. – 2018. – № 1 (82). – С. 169–183.
12. Шишков, А. В. Протесты Навального и православная а-политическая теология / А. В. Шишков. – URL: https://vk.com/wall-111677185_129213 (дата обращения: 20.12.2021). – Текст : электронный.
13. Michaud T. Demokracja potrzebuje religii // Wyzwania współczesnej demokracji "Człowiek w Kulturze". 2008. № 20. Ss. 101–111.
14. Sławiński, H. Problematyka polityczna w Kazaniu. // "Polonia Sacra" XVI (XXXIV). 2012. № 31 (75). Ss. 17–39.
15. Thiele M. Geistliche Beredsamkeit. Reflexionen zur Predigtkunst, Stuttgart 2004, Ss. 367.

REFERENCES

1. Biryukov I.L. Sportivnaya dukhovnost v resakralizatsii fenomena politicheskogo [Sports spirituality in the resacralization of the political phenomenon]. *Sovremennaya nauka i innovatsii = Modern Science and Innovations*, Stavropol, Pyatigorsk, 2021, No. 1 (33), pp. 154–162. (In Russian).
2. Bogachev M., Sorvin K. Politika v tserkvi: za kogo agitiruyut pravoslavnyye syvashchenniki? [Policy in the church: who are agitating for Orthodox priests?]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion, the Church in Russia and Abroad*, 2020, vol. 38, No. 3, pp. 331–361. (In Russian).
3. Bugrov K.D. Politicheskoye bogosloviye i legitimatsiya yekaterininskogo perevorota 1762 goda: «slovo torzhestvennoye» Konstantina (Borkovskogo) [Political theology and the legitimation of Catherine d'état in 1762: "a solemn word" by Constantine (Borkowski)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya = Bulletin of Udmurt University. Series "History and Philology"*, 2020, vol. 30, No. 1, pp. 18–25. (In Russian).
4. Garrett S. Bogosloviye i spravedlivost' natsiy: poiski neulovimoy spravedlivosti v politicheski mnogoobraznom sekulyarnom mire [Theology and justice of the nation: the quest for elusive justice in politically diverse secular world]. *Politicheskoye bogosloviye = Political Theology*, Moscow, Publishing House BBI, 2019, pp. 335–350. (In Russian).
5. Zhurov L. K voprosu o npravstvennom bogoslovii mitropolita Daniila [On the moral theology of Metropolitan Daniel]. *Vestnik Yekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii = Bulletin of Ekaterinburg Theological Seminary*, 2016, No. 4 (16), pp. 63–83. (In Russian).
6. Korneev G.A. Politizatsiya dukhovenstva sibirskikh yeparkhiy v kontekste istoriografii konsolidatsii sil i oformleniya pravomonarkhicheskogo dvizheniya v regione v period pervoy russkoy revolyutsii (1905–1907 gg.) [The politicization of the Siberian diocese clergy in the context of the historiography of consolidation of forces and design of the right monarchy movement in the region during the First Russian Revolution (1905–1907)]. *Molodezh': svoboda i otvetstvennost'. Materialy i doklady Mezhrregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii = "Youth: Freedom and Responsibility". Materials and Reports of the Inter-Regional Scientific-Practical Conference*, 2019, pp. 60–83. (In Russian).
7. Lunkin N.R. Tserkvi v politike i politika v tserkvyakh. Kak sovremennoye khristianstvo menyayet sovremennoye obshchestvo [Churches in politics and politics in churches. The way modern Christianity is changing modern society]. Moscow, Nestor Istoria, 2020. 504 p.

8. Milkov V.V. Politicheskiy element v nравstvenno-religioznoy propovedi yepiskopa novgorodskogo Luki Zhidyaty [The political element in the moral and religious sermons of Bishop of Novgorod Luka Zhidyata]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* = *Paleorussia. Ancient Rus: in Time, Persons, Ideas*, 2019, No. 1 (11), pp. 6–27. (In Russian).

9. *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Basics of the social concept of the Russian Orthodox Church. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/>]. (In Russian).

10. *Sila natsii – v sile dukha. Kniga razmyshleniy Svyateyshego Patriarkha Kirilla* [The strength of the nation is in the power of the spirit. Book of thoughts of His Holiness Patriarch Kirill]. Minsk, Belarusian Orthodox Church, 2009. 400 p.

11. Tupikin R.V. Obshchestvenno-politicheskiye vzglyady yepiskopa smolenskogo Ioanna (Sokolova) [Socio-political views of the bishop of Smolensk Ioann (Sokolov)]. *Tserkov i vremya* = *Church and Time*, 2018, No. 1 (82), pp. 169–183. (In Russian).

12. Shishkov A. *Protesty Naval'nogo i pravoslavnaya a-politicheskaya teologiya* [Navalny's protests and Orthodox apolitical theology]. Available at: https://vk.com/wall-111677185_129213. (In Russian).

13. Michaud T. Democracy needs religion. Challenges of contemporary democracy. *Man in Culture*, 2008, No. 20, pp. 101–111.

14. Sławiński H. Political issues in Kazan. *Polonia Sacra XVI (XXXIV)*, 2012, No. 31 (75), pp. 17–39.

15. Thiele M. Spiritual eloquence. Reflections for preaching. Stuttgart, 2004. P. 367.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бирюков, И. Л. Политическое содержание проповеди: философско-теологический аспект / И. Л. Бирюков. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 185–192.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Biryukov I. L. Political Content of Preaching: Philosophical and Theological Aspect / I. L. Biryukov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 185–192. (In Russian).

УДК 171: 328.185

ИНСТИНКТ САМОСОХРАНЕНИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Э.Р. Глечян

THE INSTINCT OF SELF-PRESERVATION AS A DETERMINANT OF LEGAL CONSCIOUSNESS

E.R. Glechyan

Аннотация. Рассматриваются проблема реализации права на самооборону как социальной рефлексии на инстинкт самосохранения. Дается в правовая и философская интерпретации данной проблемы. Значимость данной проблемы состоит в ключевой роли права на самозащиту в системе личных прав и одновременно – в несовершенстве российского нормативного регулирования права на самозащиту. С одной стороны, закон допускает проявление необходимой обороны, но с другой стороны, этот закон в практическом аспекте не выходит за пределы формальности.

Abstract. The problem of realization of the right to self-defense as a social reflection on the instinct of self-preservation is considered. It is presented in terms of the legal and philosophical interpretation of the problem. The significance of this problem lies in the key role of the right to self-defense in the system of personal rights and, at the same time, in the imperfection of the Russian normative regulation of the right to self-defense. On the one hand, the law allows the manifestation of the necessary defense, but on the other hand, this law in a practical aspect does not go beyond formality.

Ключевые слова: инстинкт самосохранения, самооборона, право, естественное право, позитивное право, самоубийство, страх смерти.

Keywords: self-preservation instinct, self-defense, law, natural law, positive law, suicide, fear of death.

Актуальность проблемы права на самооборону заключается в несовершенстве нормативного регулирования. С точки зрения естественного права основания для самозащиты дает инстинкт самосохранения. Проблема заключается в том, какова должна быть социальная рефлексия на это естественное право индивида. Почему это право должно быть поддержано обществом и государством?

Выдающийся ученый, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине И.И. Мечников был уверен, что общественный инстинкт человека дисгармоничен и несовершенен по той причине, что со времени относительно недавнего его [общественный инстинкт] приобретения он не пришел в достаточное равновесие [8, с. 135]. Даже если условия жизни являются нормальными, инстинкт самосохранения, по мнению И. Мечникова, недостаточно выражен в молодости. Этим ученый связывает частые риски жизнью из-за мелких причин. «Молодость, – пишет И. Мечников, – возраст самых бескорыстных жертв, но также и разнообразных злоупотреблений –

алкоголем, половыми отправлениями и т. д. ...Но молодые люди, с их еще мало развитым инстинктом жизни, очень требовательны. Испытываемые ими наслаждения слабы, в то время как страдания, вызванные малейшей неприятностью, очень остры. При этих условиях они легко становятся или эпикурейцами, в грубом смысле слова, или же склонными к самому крайнему пессимизму...» [8, с. 138].

В философско-правовом контексте инстинкт самосохранения можно и нужно исследовать и интерпретировать, в том числе, в формате естественного права самосохранения. Но исследование этих вопросов не может быть объективным, если обойти стороной юридические, психологические и социологические аспекты, поскольку самосохранение от угрозы или агрессии реализуется путем рефлексии на угрозу.

Задачей данной статьи является теоретическое осмысление парадоксов самозащиты (самообороны) в аспекте социального и биологического, общественного и индивидуального.

Соотнося инстинкт самосохранения с правом самозащиты, мы, прежде всего, должны иметь в виду, что право самозащиты является как естественным, так и находит свое отражение в позитивном праве. И если важность первого вида права вряд ли вызовет у кого-то сомнения в ее абсолютности, то интерпретация самозащиты в формате позитивного права в различных географических просторах нашей планеты крайне противоречива. Противоречия состоят, прежде всего, в разности культур, различий в отношении общества к человеку как к высшей ценности. Например, в США посягательство на личность и на имущество с угрозой причинения вреда, имевшему место на частной территории, может пресекаться практически любыми способами, в том числе, и причинением вреда здоровью нападавшему. Однако в России такое право самозащиты является во многом иллюзорным, хотя нормами права, формально, самозащита регламентируется. Д.М. Васин отмечает, что «необходимая оборона по североамериканскому праву носит субсидиарный характер, поэтому причинение посягающему вреда должно быть единственным способом предотвращения или отражения посягательства...» [2, с. 92–102]. В России же такое понятие как «мой дом – моя крепость» слишком размытое, а судебная практика показывает, что суды в основном встают на сторону агрессора, не принимая во внимание доводы обороняющегося лица. Советник Федеральной Палаты адвокатов Евгений Рубинштейн предположил, что принцип «Мой дом – моя крепость» может появиться в российском законе только после громкой трагедии [9].

И.С. Горшков в своих исследованиях справедливо связывает понятие «самооборона» с биологическим инстинктом самосохранения человека [4]. В этом смысле, надо признать, что самооборона является следствием, а детерминанты возбуждающие инстинкт самосохранения – причиной. И.И. Мечников утверждал, что страх смерти и есть проявление инстинкта самосохранения [8, с. 140]. Иначе говоря, инстинкт самосохранения, как психологическое явление, служит

своего рода некой крепостью, задерживающий человека в бытии, заставляющий его на уровне инстинктов бороться и сопротивляться агрессии и угрозе его существованию.

Однако что такое страх и как страх способствует проявлению инстинкта самосохранения? В связи с этим вопросом, возникает и другой: можно ли выработать единую правовую концепцию, одобряющую во всех смыслах проявление самозащиты? В психологической науке страх интерпретируется как отрицательная эмоция, возникающая в результате реальной или воображаемой опасности, угрожающей жизни организма, личности, защищаемым ею ценностям (идеалам, целям, принципам и т. д.) [10, с. 656]. Инстинкт самосохранения, по мнению С.И. Ворошилина, как один из важнейших инстинктов, обеспечивает человеку стремление выжить в любых условиях и при любых обстоятельствах. Это стремление проявляется в готовности человека жить дальше даже при любых критических обстоятельствах: как социально-психологических (потеря работы, имущества, близких, эмиграция, тюремное заключение и т. д.), так и медицинских (неизлечимое заболевание, беспомощность, обезображивание и т. д.) [4, с. 40].

А.Ф. Кони утверждал, что человеку, как существу нравственно-разумному присуще чувство самосохранения. По утверждению А.Ф. Кони, человек стремится к самосохранению «с одной стороны, инстинктивно, а с другой — сознавая свое право на существование. В силу стремления к самосохранению человек старается избежать опасности и принимает все меры к её отращиванию. Он имеет на это право, и притом право, которое должно быть рассматриваемо как прирожденное (*Urrecht*). Сознавая свое право на существование, человек ограждает это право от всякого чуждого посягательства, от всякого неправа» [6, с. 3].

Исследования проявления инстинкта самосохранения способом самообороны от агрессии в правовом формате имеют свою традицию. Трактовки, интерпретации, умозаключения различных мыслителей заслуживают внимания, ибо способов агрессии, детерминирующих самооборону в целях самосохранения также много.

Интерес представляет концепция, предложенная Дж. Локком. Мыслитель уточнил, когда и в каких ситуациях можно причинить вред, защищаясь от посягательства / агрессии, подробно отразил пределы самообороны. С одной стороны, Дж. Локк констатирует, что человек должен всегда находиться в состоянии свободы, что проявляется в неограниченной свободе распоряжения своей личностью и собственностью, а с другой стороны, он не должен находиться в состоянии своеволия, поскольку лишен свободы уничтожать себя или какое-нибудь иное существо, которое находится у него во владении, «за исключением тех случаев, когда это необходимо для более благородного использования, чем простое его сохранение» [7, с. 264]. Дж. Локк считал, что проведение в жизнь закона природы находится в руках каждого человека, и поданной причине любой человек вправе наказать

правонарушителя, но в пределах необходимых, чтобы пресечь правонарушение. В одном случае, локковская концепция о «естественном состоянии» подразумевает тот факт, что естественное состояние человека позволяет ему приобретать некую власть над другим [правонарушителем], а в другом, данная концепция исключает проявление деспотизма при распоряжении с преступником, когда последний находится под влиянием некоего аффекта – «вспышки страстей или безграничной фантазии своей собственной воли». Власть над преступником должна проявляться при спокойном рассудке и совести, «чтобы это соответствовало его нарушению, а именно настолько, что бы это служило воздаянием и острасткой» [7, с. 265]. Наказание Дж. Локком обосновывается тем, что один человек законно может причинить зло другому человеку, совершая наказание за преступление. Дж. Локк предвидит профилактику преступления на определенном примере для других людей от подобных злодеяний [7, с. 266].

Томас Гоббс закон самосохранения именовал как эгоизм, обосновывая тем, что «каждый стремится к тому, что является для него благом, и избежать того, что является злом, прежде всего величайшего из зол, существующих в природе, – смерти; и все это происходит с той же природной необходимостью, с какой камень падает вниз» [2, с. 101–102]. А Спиноза, среди прочего, право избегания смерти относит к естественным правам индивида, которые не могут быть переданы государству [2, с. 261–262].

Анализируя труды многих исследователей, чьи позиции по данному проблемному вопросу, где-то разнятся, а где-то сходятся, нам приходится предположить, что самооборона – это не право человека, а обязанность, и человек обязан, во всяком случае, пресекать действия всякого агрессора, и неважно то, какой статус имеет агрессор. Человек не должен нарушать законы природы и идти против воли Создателя. Жизнь человеку дана Создателем, и человек обязан беречь её от всякого посягательства, в том числе и от посягательства самим субъектом на свою собственную жизнь. Здесь мы имеем в виду парадокс суицида.

Э. Дюркгейм, говоря о самоубийстве, разумел, прежде всего, то, что «всякий смертный случай, является непосредственным или опосредствованным результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [5, с. 17]. Это определение в некотором отношении применимо и к нашему исследованию. Моделируя ситуацию, предположим, что у человека была возможность оборониться от действий агрессора, но он этого не сделал, вследствие чего поплатился жизнью. Не является ли пассивность жертвы видом суицида, если он осознавал, что его жизнь в опасности и мог бы проявить некую активность для сохранения своей жизни? По всей видимости, это парадоксальная форма суицида, напоминающая пассивную форму эвтаназии.

Фроммовская концепция дает нам интерпретацию самозащиты в виде агрессии, но агрессии доброкачественной, или биологически адаптивной

агрессии. Такая доброкачественная агрессия мотивирована тем, что представляет собой реакцию на угрозу витальным интересам индивида; она заложена в филогенезе; она свойственна как животным, так и людям; она носит взрывной характер и возникает спонтанно как реакция на угрозу; а следствие ее – устранение либо самой угрозы, либо ее причины [11, с. 243].

Современная проблема самообороны определяется субъектностью агрессора и защищавшегося. Действия защищавшегося субъекта вполне ясны и подлежат разбору (правовому) только лишь со стороны способа самозащиты и неважно, какой социальный статус имеет агрессор. Разумеется, если мы говорим о ситуациях, случившихся в подлинно правовом государстве. К сожалению, личность и социальный статус агрессора, по крайней мере, для российского права и правоприменителя имеет существенное значение, что, в свою очередь, детерминирует политику правоприменения в формате двойных стандартов. И такая юридическая концепция как «все равны перед законом» не имеет ничего общего с реальностью и в случае права на самозащиту. Она остается концепцией игры в правовое государство. Одно дело если самооборона будет в формате *человек-агрессор – человек-самообороняющийся*, и другое дело, если это, к примеру, *правоохранитель-агрессор – человек-самообороняющийся*. Современные реалии говорят нам, что суды неоднобразны в правоприменительной практике. Нельзя современному российскому человеку насилием отразить, к примеру, заведомо незаконный натиск агрессивного правоохранителя. И даже, если необоснованная жестокость будет очевидна, вряд ли дело в отношении этого агрессора дойдет для разбора в орган правосудия. Последнее время следственная и судебная практика свидетельствуют о том, что всякая агрессия правоохранителя находит поддержку не только в судах, но и у верховной власти. В одном из интервью российский политик высшего ранга заявил, что «за раненого омовца печень митингующих надо размазать по асфальту».

Однако эти же самые должностные лица не дают никакой критической оценки тому, что омовцы / правоохранители, можно сказать, «размазывают печень» людям, которые не являются агрессорами. Вот тут и возникает дилемма: с одной стороны, право на самооборону как бы институализировано, но с другой стороны, это право бесполезное, выхолощенное. Политика не в состоянии защитить общество от какого-то ни было агрессора, потому что общество критически разделено, нет общей правовой «идеологии», которая бы удовлетворяла потребности всего общества. Надо признать, что простой человек в современной России становится все меньшей ценностью. Подлинную же ценность приобретает элитарность. Элитарные субъекты могут свободно пользоваться своим правом на самооборону, даже если нет никаких для этого предпосылок. Есть еще субъекты, для которых сформирована иллюзионная ценность. Это субъекты, наделенные некими властными полномочиями, относящиеся к правоохранительной и карательной системе. Их ценность ограничена во времени. Как правило, во времени их службы.

По окончании срока службы их статус уравнивается со статусом человека массового общества.

Когда идет речь о праве на самооборону, имеется в виду, прежде всего, то, что это право юридически одно и для всех, однако, практически оно имеет иерархическое отношение к сложившейся «кастовой» системе субъектов права. В этом смысле актуальным является идея развития диалогического права, – людского / народного права. Ныне в обществе действует монологическое право, которое никогда не защитит общество, то есть простых людей от произвола; но это право как броня защищает маленький процент элитарного общества. Иными словами современное право нацелено на защиту элиты от всего общества. Монологическое право, будучи гетерономным и репрессивным, детерминирует общественный страх, и, внедряясь в разум, постепенно ослабевает волю к сопротивлению. И по данной причине мы можем наблюдать ситуации, когда на улице, в метро и т. д., несколько людей могут избивать одного человека, и никто из проходящих мимо людей не заступится за потерпевшего. Люди осознали и понимают, что если они заступятся и причинят вред агрессорам, то скорей всего, не агрессоры будут наказаны, а заступники подвергнутся наказанию. Гражданское общество сформировано по принципу «моя хата с краю, меня это не касается».

Таким образом, можно утверждать, что проявление индивидуального права на самооборону, будучи естественно-правовой и психологической рефлексией на инстинкт самосохранения, есть отражение права общества на свое самоутверждение в качестве подлинно правового, гуманистического здорового общества. Автономность правового сознания индивида, воспринимающего право на самозащиту от агрессии одновременно и как обязанность, служит основой для формирования гражданского общества и правового государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батиев, Л. В. Политические и правовые учения XVII века / Л. В. Батиев. – СПб. : Юрический центр Пресс, 2006. – 348 с. – Текст : непосредственный.
2. Васин, Д. М. Необходимая оборона имущества как обстоятельство, исключаящее преступность деяния по уголовному праву США / Д. М. Васин. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 92–102.
3. Ворошилин, С. И. Самоповреждения и влечения к модификации тела как парциальные нарушения инстинкта самосохранения / С. И. Ворошилин. – Текст : непосредственный // Суицидология. – 2012. – № 4. – С. 40–52.
4. Горшков, И. С. К вопросу о проблемах административно-правового регулирования оборота гражданского огнестрельного оружия в целях самообороны в Российской Федерации / И. С. Горшков. – Текст : непосредственный // Административное право и процесс. – 2021. – № 4. – С. 74–78.
5. Дюркгейм, Э. Самоубийство / Э. Дюркгейм. – М. : АСТ, 2018. – 448 с. – Текст : непосредственный.
6. Кони, А. Ф. О праве необходимой обороны : рассуждение студента Анатолия Кони, написанное для получения степени кандидата по юридическому факультету / А. Ф. Кони. – М. : Унив. тип. (Катков и К°), 1866. – 107 с. – Текст : непосредственный.

7. Локк, Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3 : [пер. с англ. и лат.] / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – 668 с. – Текст : непосредственный.
8. Мечников, И. Этюды о природе человека / И. Мечников. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 320 с. – Текст : непосредственный.
9. Мой дом – моя крепость? Советник ФПА РФ Евгений Рубинштейн в телеэфире рассказал, в чем сложность квалификации обороны как необходимой. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/moy-dom-moya-krepost/> (дата обращения: 03.12.2021.) – Текст : электронный.
10. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с. – Текст : непосредственный.
11. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2016. – 624 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Batiyev L.V. *Politicheskiye i pravovyye ucheniya XVII veka* [Political and legal doctrines of the seventeenth century]. St. Petersburg, Legal Center Press, 2006. 348 p.
2. Vasin D.M. Neobkhodimaya oborona imushchestva kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushcheye prestupnost' deyaniya po ugolovnomu pravu SSHA [Necessary defense of property as a circumstance excluding the criminality of an act under US criminal law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal = Russian Journal of Law*, 2012, No. 3, pp. 92–102. (In Russian).
3. Voroshilin S. I. Samopovrezhdeniya i vlecheniya k modifikatsii tela kak partial'nyye narusheniya instinkta samosokhraneniya [Self-harm and attraction to body modification as partial violations of the instinct of self-preservation]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2012, No. 4, pp. 40–52. (In Russian).
4. Gorshkov I.S. K voprosu o problemakh administrativno-pravovogo regulirovaniya oborota grazhdanskogo ognestrel'nogo oruzhiya v tselyakh samooborony v Rossiyskoy Federatsii [To the issue of the problems of administrative and legal regulation of the circulation of civilian firearms for self-defense in the Russian Federation]. *Administrativnoye pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2021, No. 4, pp. 74–78. (In Russian).
5. Durkheim E. *Samoubiystvo* [Suicide]. Moscow, AST, 2018. 448 p.
6. Koni A.F. *O prave neobkhodimoy oborony: Rassuzhdeniye studenta Anatoliya Koni, napisannoye dlya polucheniya stepeni kandidata po yuridicheskomu fakul'tetu* [On the right of necessary defense: The reasoning of the student Anatoly Koni written for a candidate's degree at the Faculty of Law]. Moscow, University Publishing House, 1866. 107 p.
7. Locke J. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl, 1988, vol. 3. 668 p.
8. Mechnikov I. *Etyudy o prirode cheloveka* [Etudes about the nature of man]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 320 p.
9. *Moy dom moyaya krepost'? Sovetnik FPA RF Yevgeniy Rubinshteyn v teleefire rasskazal, v chem slozhnost' kvalifikatsii oborony kak neobkhodimoy* [Is my home my castle? Evgeny Rubinshtein, adviser to the FPA of the Russian Federation, spoke on television about the difficulty of qualifying defense as a necessary measure]. Available at: <https://fparf.ru/news/fpa/moy-dom-moya-krepost/>. (In Russian).

10. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1983. 840 p.

11. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow, AST, 2016. 624 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Глечян, Э. Р. Инстинкт самосохранения как детерминант правового сознания / Э. Р. Глечян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 193–200.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Glechyan E. R. The Instinct of Self-Preservation as a Determinant of Legal Consciousness / E. R. Glechyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 193–200. (In Russian).

УДК 316.3

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ
(ЧАСТЬ 1)**

Н.Н. Равочкин

**THE METHODOLOGICAL ROLE OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM
IN THE RESEARCH OF POLITICAL AND LEGAL INSTITUTIONS
(PART 1)**

N.N. Ravochkin

Аннотация. Рассматривается методологический потенциал социального конструктивизма для политико-правовых институциональных исследований. Выявлены истоки и сущность оформившегося в постмодернистской философии конструктивистского подхода. Репрезентированы основные теоретические подходы к пониманию конструктивизма. Обнаружена тесная связь между деятельностью и наделением смыслов окружающей реальности и создаваемых в ней объектов усилиями индивидов. Приведена классификация «социальных конструкций» как одного из базисных понятий рассматриваемого направления. С позиции конструктивизма уточнен характер формирования политико-правовых институтов. Показан исследовательский инструментарий конструктивизма и предъявляемые к методам требования. Обозначены три основных методологических установки, которые используются социальными конструктивистами.

Abstract. The methodological potential of social constructivism for political and legal institutional research is considered. The origins and essence of the constructivist approach that took shape in postmodern philosophy are revealed. The main theoretical approaches to understanding constructivism are represented. A close link between activity and giving meaning to the surrounding reality and the objects created in it by the efforts of individuals has been found. The classification of "social constructions" as one of the basic concepts of the considered direction is given. From the standpoint of constructivism, the nature of the formation of political and legal institutions has been clarified. The research tools of constructivism and the requirements for methods are shown. Three main methodological guidelines that are used by social constructivists are outlined.

Ключевые слова: социальный конструктивизм, политико-правовой институт, общество, смысл, метод, дискурс, культура.

Keywords: social constructivism, political and legal institution, society, meaning, method, discourse, culture.

Проблематика социальных трансформаций, в том числе касающихся политико-правовой институциональной архитектоники, выступает одним из важнейших объектов философской рефлексии. В неявном виде ее можно обнаружить еще в Античности, но особую значимость она приобретает именно в связи с проработкой (меж)дисциплинарных институциональных направлений. Теоретики отмечают, что социальные институты подвергаются

глубоким онтологическим изменениям под влиянием многочисленных факторов. Разумеется, в своих попытках объяснения процессов формирования нового облика национальных государств и становления качественно иных институтов как абстрактных идеальных категорий исследователи придерживаются разнообразных подходов, каждый из которых по-своему стремится выявить и понять причины и механизмы изменений.

Истоки формирования социального конструктивизма усматриваются в достижениях советской психологии [11; 19], однако его становление в русле философии относится ко второй половине XX столетия и связано с именами П. Бергера и Т. Лукмана [1; 14]. Справедливо полагать, что конструктивизм как сознательное преобразование индивидами социальных институтов напрямую связан с планомерным и ориентированным на перспективу характером человеческой деятельности [12, с. 113]. Получается, что мы можем зафиксировать различные степени имманентного присутствия данного направления в философских дискурсах на протяжении практически всей истории их разворачивания. Принимая во внимание относительно недавнюю историю оформления течения и «постмодернистский дух времени», вряд ли мы смеем надеяться на единство в понимании конструктивизма. Вдобавок к этому, его теоретико-методологическое обоснование находится в стадии разработки, а значит, возможности, перспективы и трудности использования конструктивистских методов в исследовании институциональных трансформаций выглядят не иначе как фрагментарными. Формируется противоречие, обусловленное очевидным ростом научного интереса к моделированию социокультурного пространства и недостаточной изученностью плюрализма методов социального конструирования применительно к политико-правовым институтам. Для этого представляется целесообразным проанализировать потенции, перспективы и трудности применения конструктивистских средств к исследованию институциональных изменений в целом.

Социальный конструктивизм как направление постмодернистской философии. Прежде всего, остановимся на выявлении сущности социального конструктивизма как одного из философских направлений. В научной литературе конструктивистский подход зачастую интерпретируется как теория, «в соответствии с которой все знания и, следовательно, реальность как таковая зависят от человеческих практик, и создаются во взаимодействиях между индивидами и их жизненными мирами, а развиваются и передаются преимущественно в социальном контексте» [20, с. 356]. В другой трактовке конструктивизм выступает как «парадигма, сосредоточенная на процессах социального влияния на представления людей и способах их деятельности» [10, с. 189]. Наконец, очередной аспект рассматриваемой методологии раскрывается в том, что «знания и смысл всегда организуются в историко-культурных измерениях в рамках бесчисленных процессов intersubjectивных взаимодействий» [23]. Иными словами, в основании конструктивизма лежит понимание того, что формирование социальной реальности осуществляется не столько реальными

предметами и объективными процессами, сколько самим индивидом, системой его поведенческих стратегий и аксиологием, основанных на их интериоризации: «Действительность конструируется социально, в процессе своего генезиса объединяя интерпретативную активность индивида с исторически сложившимися контекстами и динамикой социума» [6, с. 138]. Конструирование социальной реальности происходит благодаря ее познанию и последующему наделению мира значениями посредством придания тем или иным фрагментам реальность определенных смыслов. Таким образом, все то, что окружает человека, является результатом интеракций, что и подтверждается самим Т. Лукманом: «Человеческие дела – это социальные дела, что социальные дела – это исторические дела и что отличительной особенностью исторических дел является комбинация целенаправленной человеческой деятельности и в некоторой степени случайности» [5, с. 44].

По словам Е.О. Труфановой, социальное конструирование является наиболее ярким отражением «социального поворота», тем самым все создаваемое человеком приобретает смысл(ы) и формируется для него [13, с. 31]. Конечно, это несколько затрудняет разграничение того, что существует объективно и тех объектов, которые были созданы и/или означены им. Более того, процессы объективации социокультурной действительности сопровождают человечество на протяжении всей истории его существования, а поскольку они протекают перманентно, далеко не всегда осознаются индивидами, но представляет собой особую форму участия личности «в создании смыслов, «фактичности» и превращении субъективного в нечто более осязаемое» [20, с. 357]. Необходимо сказать, что конечный результат объективации проявляется в достижении такого уровня сформированности социокультурной реальности, при которой мир перестает восприниматься как сотворенный руками человека. Характерно, что сами «создатели» мира отныне воспринимают себя в качестве его «продукта», в то время как деятельность трансформируется в эпифеномен так называемых «нечеловеческих процессов» [7]. Получается, человек создает реальность, которая впоследствии отрицает его.

Одним из ключевых понятий рассматриваемого подхода выступает «социальная конструкция»: 1) «искусственное образование со служебными операциональными функциями» [3, с. 270]; 2) «продукт определенной культуры или общества, существующий исключительно в силу того, что члены данного социума или социальной группы согласны считать его реально существующим и согласны следовать по отношению к нему определенным социально сконструированным правилам» [13, с. 35]; 3) процесс, в котором восприятие людьми реальности детерминруется придаваемыми ей значениями и смыслами [23].

На создание социальных конструкций оказывают влияние разнородные факторы: 1) ментальные: накопленный экзистенциальный опыт, боль, желания, ощущения, счастье, депрессия; 2) социальные: традиции, дружба, жестокость по отношению к другому; 3) институциональные: язык, деньги, религия,

государство [22]. Взаимодействия между этими факторами способствуют формированию многочисленных совокупностей социальных конструкций, которые могут быть сведены к следующим типам [13, с. 35–37]:

1. Объекты, которые выступают результатом развития общества (семья, государство). Конструкции этой группы выступают средством регуляции взаимоотношений между людьми, придавая окружающей действительности некоторую упорядоченность.

2. Воплощения абстрактных понятий (например, справедливость, равенство, вера), имеющие ярко выраженный лингвистический характер, а их суть по преимуществу раскрывается посредством словесных дефиниций [13, с. 36].

3. Конструкции, придающие дополнительные значения и смыслы объектам социокультурной реальности. Важно понимать, что смыслами выступают те кристаллизованные в результате взаимодействия различных практик продукты, которые сформированы в рамках определенных культурных моделей [17, с. 83]. Здесь мы имеем дело с реально существующими объектами, которые могут быть естественными или созданным руками человека, однако такие структуры могут быть маркированы как «мертвые», если они не будут «оживляться» в реальном человеческом поведении, восприятии и оценивании, по мере утраты дополнительных смыслов и значений, вследствие чего они не будут легитимированы [14, с. 93].

В отличие от конструкций третьего типа, придающих социальные смыслы объектам материального мира, объекты, относящиеся к первой и второй общностям, не связаны с ним. Соответственно, в действительности различия между объектами, существующими вне человека, и между объектами, созданные человеком, попросту стираются, а сами конструкты материального мира попадают в центр внимания человека исключительно при их «означивании».

Возвращаясь к интересующим нас политико-правовым институтам, следует отметить, что в определенной степени они сочетают в себе признаки всех рассмотренных типов социальных конструкций. Так, возникновение любого политико-правового института можно рассматривать в качестве результата исторического развития общества, поскольку его функционал – это прежде всего регуляция и обеспечение нормализации социальных взаимодействий. Ранее мы неоднократно отмечали, что в основании любого института лежит конфигурация идей как абстрактных понятий, сами политико-правовые установления не что иное, как практические воплощения синтезов ментальных конструктов, реализованных с учетом аксиологических модусов и экспектаций населения конкретного общества и являющихся средством устранения актуальных недостатков [9]. Обращаясь к пониманию политико-правового института как воплощению определенных идей, резонно отметить, что формирование их смыслов основывается на коллективном признании того, что конкретный институт является надежным способом преодоления той или иной проблемы, обладающей потенциальной стать регулярной угрозой эволюционному варианту общественного развития [14, с. 86].

Политико-правовые институты способны не только придавать дополнительные смыслы объектам социокультурной среды, но и управлять различными процессами, эффективность которых детерминирована структурно-функциональными условиями и ресурсами. В конце концов, данные структуры сочетают реальное и идеальное, одновременно выступая и функционирующей в эмпирическом контексте социальной конструкцией, и вещью-самой-по-себе. Социальный смысл института является системным. Иными словами, в логике конструктивизма политико-правовой институт может рассматриваться следующим образом – это социальная конструкция, возникшая в результате исторического развития общества, выступающая воплощением абстрактных понятий о более совершенном устройстве (на данном этапе), направленная на регуляцию intersubjectивных взаимодействий благодаря приданию дополнительных смыслов наличным объектам и процессам.

Процессы формирования дополнительных смыслов осуществляются посредством использования знаков семиотических систем. Активная роль отводится языковой системе, вследствие чего основными средствами выражения социального контекста становятся язык и языковые практики, созданные в рамках отдельной культурной модели. Именно эти инструменты открывают возможности для формулирования и принятия коллективных решений, согласования отношений в процессе функционирования социальных конструкций, относящихся к первому и второму типу, и совместной выработки оценок при формировании дополнительных смыслов конструкций третьего типа. Язык, как считают П. Бергер и Т. Лукман, является средством объективации экзистенциального опыта, накопленного личностью и конкретным языковым сообществом, делая его доступным для всех членов данного образования и являясь основой создания уникального запаса знаний. Именно язык дает возможность выйти за пределы «здесь-и-сейчас», де-факто «соединяя различные зоны реальности повседневной жизни, и интегрирует их в единое смысловое целое» [1, с. 68]. Язык формирует триаду «прошлое – настоящее – будущее», конституирует отношения на уровне «Я – социум». Уникальность языковых систем заключается еще и в том, что они отвечают целям поддержания стабильности и одновременно с этим выступают проводниками бесконечных трансформаций социокультурной реальности в соответствии с перманентно меняющимися потребностями. Отсюда следует, что языки лежат в основе аналитики повседневности, регулярно открывая новые слои смыслов при употреблении терминов, тем самым реконструируя субъективную реальность индивида [14, с. 172].

Высокая значимость лингвистической составляющей позволяет разграничить «конструктивизм (как таковой)» и «социальный конструктивизм». Именно вторая позиция позволяет понять, что конструирование реальности представляет собой результат коллективной деятельности, но никак не отдельных субъектов. Окружающая реальность – это интегральный результат деятельности многочисленных субъектов, вследствие чего смыслами наделяются

все социальные конструкции, в том числе и политико-правовые институты. Примечательно, что сама реальность всегда будет являться вариативным и постоянно меняющимся образованием, а процессы ее конструирования реальности вплетены в повседневную деятельность акторов и множество осуществляемых ими практик [18, с. 80]. Поскольку реальность конструируется, она будет неодинаково восприниматься и интерпретироваться представителями различных социальных групп, что неизбежным образом порождает множество конкурирующих друг с другом смыслов [14;23]. Применительно к политико-правовым институтам это означает, что так или иначе данный конфликт смыслов затронет проблему власти. Выходит, что в определенном обществе легитимацию получит та из конфликтующих реальностей, которую выберет правящая группа в зависимости от сочетания множества факторов, в том числе собственных интенций и занимаемой позицией по отношению к населению. Еще раз отметим особую значимость ведущей роли языка и языковых символов в процессе формирования социальных конструкций, поскольку именно высокая лингвистическая составляющая конструктивизма дает возможность понять его погруженность в дискурсы и определить выбор методов.

Методология социального конструктивизма. Как уже отмечалось, конструктивистская методология находится на этапе своего развития. При этом в научном сообществе до сих пор не проведены демаркационные линии, которые бы четко отделили «конструктивистские» методы от «социально-конструктивистских». Р. Неймейер и Х. Левитт считают, что социально-конструктивистская направленность метода скрыта не столько в логике используемых исследовательских стратегий процедуры, сколько в очерченных данной философией целях, достичь которые она намеревается, используя те или иные средства [21, с. 2651]. Соответственно, к социально-конструктивистским методам необходимо отнести такие инструменты, которые имеют направленность на изучение особенностей формирования и функционирования социальных конструкций на основании выявления особенностей «означивания» тех или иных практик в языковой системе. Говоря иначе, дискурсы – вот определяющий материал для исследователей-конструктивистов. Закономерно, что используемые данным направлением методы исследования должны помочь в изучении социальных конструкций на основании изучения языковых знаков, символов и формирующих дискурс практик, тем самым репрезентируя «характеристику особой ментальности и идеологии, которые выражены в тексте, обладающем связностью и целостностью и погруженном в жизнь, в социокультурный, социально-психологический и другие контексты» [2, с. 670]. Можно сказать, что социально-конструктивистские методы имеют своей целью выявление ментальности, которая кроется в лингвистических знаках и закреплена в них. Главным образом, их изучение играет инструментальную роль для понимания того, каким образом ментальность влияет на формирование социальных практик и смыслов создаваемых в эмпирических контекстах объектов. Вообще используемые в социальном конструктивизме методы нацелены на выявление

и установление взаимосвязей между объективированными в обществе макроскопическими смыслами и способами, при помощи которых эти смыслы становятся реальностью для различных акторов [14, с. 96]. Можно резюмировать, что в своей обращенности к политико-правовым институтам данные методы позволяют обнаружить социальные корни политико-правовых институтов, а также выявить особенности их отражения в сознании отдельных групп.

Также считаем необходимым привести перечень основных требований, которые Р. Неймейер и Х. Левитт предлагают предъявлять к методам социального конструктивизма, дополнив его эскизом приложения средств к политико-правовой институциональной тематике [21]:

1) нацеленность на объяснение «локальных», а не «универсальных» значений и практик. Иными словами, социально-конструктивистские методы направлены на выявление смыслов, придаваемых политико-правовым институтам в рамках отдельных культурных моделей;

2) акцент на предполагаемых моделях построения смысла. Исследователь должен сфокусироваться именно на дополнительных смыслах, которые возникают в процессе социальных взаимодействий, но не на материальной сущности политико-правовых институтов;

3) значимость рассмотрения знания, полученного в процессе применения, именно как производной от социальных и личностных смыслов на микроуровне. В этом социальный конструктивизм подчеркивает субъективность любых реализованных в институциональном воплощении идей, подразумевая фокусировку на процессах интерпретации и смыслообразования [8];

4) ориентация на прагматическую составляющую института и его функциональность, нежели на действительность как таковую. Конструктивизм подчеркивает важность выполняемых институтами действий, способствующих выживанию, стабилизации и развитию общества, но никак не на институт, изолированно существующий сам-по-себе, или вне социальной системы без связи с другими структурами [21, с. 2651].

Считается, что на сегодняшний день в инструментарий социального конструктивизма входят три метода, которые в большей мере соответствуют перечисленным выше требованиям (хотя на деле есть и другие версии их классификации): 1) методика репертуарных решеток; 2) нарративный анализ; 3) дискурсивный анализ.

Как известно, эти средства направлены на изучение социальной реальности на основании изучения знаков языковой системы, на «выявление путей, с помощью которых индивидуумы и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими реальности» [4, с. 52]. В дополнение к этому, они участвуют в конструировании действительности и формулировании суждений о ней. Тем самым эти методы способны предложить целостную картину мира, в результате чего акцент исследований смещается с описаний социальной реальности на объяснение механизмов ее конструирования.

В заключение первой части исследования укажем, что по своей сути применение социально-конструктивистских методов отвечает веберовской

максиме, согласно которой основная задача исследователя заключается в построении интерпретаций и объяснений социальных действий и их возможных последствий. При этом конструктивисты избегают указаний на то, какими должны быть эти действия. Понимание и прогнозирование – но ни в коем случае не агрессивное навязывание – вот процедуры, которые созвучны логике преодоления «теоретического токенизма» [16, с. 496]. Сама процедура исследования представляет собой одновременно процесс творчества, создания и конструирования новых смыслов, знаний [15; 18]. Мы видим, что в отличие от традиционного восприятия метода как строго регламентируемой процедуры, социальный конструктивизм поощряет новаторство. Принимая во внимание ограниченные рамки исследования, в следующей части мы подробнее остановимся на трех методологических инструментах применительно к теме политико-правовых структур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Academia-центр, Медиум, 1995. – 334 с. – Текст : непосредственный.
2. Гутнер, Г. Б. Дискурс / Г. Б. Гутнер, А. П. Огурцов // Новая философская энциклопедия : в 2 т. Т. 1. – М. : Мысль, 2000. – С. 670–671. – Текст : непосредственный.
3. Зуева, Т. М. Методологические постулаты социального конструктивизма в анализе властных отношений / Т. М. Зуева, Е. М. Шкилева. – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 3. – С. 267–270.
4. Ищенко, Н. С. Проблема становления социального конструктивизма / Н. С. Ищенко. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2010. – № 8-1. – С. 48–55.
5. Лукман, Т. Замечания об описании и интерпретации диалога. Онтологические допущения, методологические следствия / Т. Лукман, А. Корбут. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3. – № 3. – С. 41–52.
6. Молокова, О. В. Социальный конструктивизм как решение проблемы рационального в постнеклассической эпистемологии / О. В. Молокова. – Текст : непосредственный // Антропологічні виміри філософських досліджень. – 2014. – № 6. – С. 133–141.
7. Новикова, О. В. Поиск методологических оснований философско-исторического познания как эпистемологическая проблема / О. В. Новикова. – Текст : непосредственный // Проблемы управления. – 2006. – № 1 (18). – С. 97–104.
8. Равочкин, Н. Н. Роль операционализации понятий для понимания, идентификации и практической реализации социальных идей / Н. Н. Равочкин. – Текст : непосредственный // Вестник Калмыцкого университета. – 2021. – № 3 (51). – С. 158–166.
9. Равочкин, Н. Н. Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов: теоретико-методологические и прикладные аспекты : монография / Н. Н. Равочкин. – Кемерово : КузГТУ, 2021. 258 с. – Текст : непосредственный.
10. Смагина, М. В. Социальный конструктивизм в российской социальной психологии: особенности и перспективы / М. В. Смагина. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 15. – № 39. – С. 188–193.

11. Тарарухина, М. И. Техника репертуарных решеток Дж. Келли / М. И. Тарарухина, М. В. Ионцева. – Текст : непосредственный // Социология: Методология, методы, математические модели. – 1997. – № 8. – С. 114–138.
12. Токарева, С. Б. Методология социального конструирования и социальный конструктивизм как методология / С. Б. Токарева. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 2 (14). – С. 113–118.
13. Труфанова, Е. О. Субъект и познание в мире социальных конструкций : дис. ... д-ра филос. наук / Е. О. Труфанова. – М. : ФГБУН Институт философии Российской академии наук, 2017. – 298 с. – Текст : непосредственный.
14. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality. – London : Penguin Books, 1991. – 233 p.
15. Charmaz K. Constructionism and the grounded theory method // Handbook of constructionist research. – New York : The Guilford Press, 2008. – Pp. 397–412.
16. Eberle T. A new paradigm for the sociology of knowledge: "The social construction of reality" after 25 years // Schweizerische Zeitschrift für Soziologie. – 1992. – Vol. 18. – № 2. – Pp. 498–502.
17. Galbin A. An Introduction to Social Constructivism // Social Research Reports. – 2014. – Vol. 26. – Pp. 82–92.
18. Grand, S., von Arx, W., Rüegg-Stürm, J. Constructivist paradigms: Implications for strategy-as-practice research // Cambridge Handbook of Strategy as Practice. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – Pp. 78–94.
19. Kim M. S. Doing social constructivist research means making empathic and aesthetic connections with participants // European Early Childhood Education Research Journal. – 2014. – Vol. 22. – № 4. – Pp. 538–553.
20. Klapper R. G. George Kelly's Repertory grids in Social Constructionist research in the French Context Management & Avenir. – 2011. – Vol. 3. – № 43. – Pp. 354–371.
21. Neimeyer R., Levitt H. Constructivism / constructivist methodology // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences: Elsevier Science, 2001. – Pp. 2651–2654.
22. da Silva A. B. The relationship between social constructivism and qualitative method. – URL: https://www.researchgate.net/publication/311650502_The_relationship_between_social_constructivism_and_qualitative_method.
23. Zhao H. Explicating the social constructionist perspective on crisis communication and crisis management research: a review of communication and business journals // Journal of Public Relations Research. – 2020. – Vol. 32. – № 3–4. – Pp. 98–119.

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social Construction of Reality]. Moscow, Academia-center, Medium, 1995. 334 p.
2. Gutner G.B., Ogurtsov A.P. Diskurs [Discourse]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya V 2 t. = New philosophical encyclopedia in 2 volumes*. Moscow, Mysl, 2000, vol. 1, pp. 670–671. (In Russian).
3. Zueva T.M., Shkileva E.M. Metodologicheskiye postulaty sotsial'nogo konstruktivizma v analize vlastnykh otnosheniy [Methodological postulates of social constructivism in the analysis of power relations]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Socio-Educational Thought*, 2014, No. 3, pp. 267–270. (In Russian).

4. Ishchenko N.S. Problema stanovleniya sotsial'nogo konstruktivizma [The problem of the formation of social constructivism]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchennykh = Bulletin of Volgograd State University. Series 9: Young Scientists Research*, 2010, No. 8–1, pp. 48–55. (In Russian).
5. Luckmann T., Korbust A. Zamechaniya ob opisani i interpretatsii dialoga. Ontologicheskiye dopushcheniya, metodologicheskiye sledstviya [Notes on the description and interpretation of the dialogue. Ontological assumptions, methodological consequences]. *Sociologicheskoe obozrenie = Sociological Review*, 2003, vol. 3, No. 3, pp. 41–52. (In Russian).
6. Molokova O.V. Sotsial'nyy konstruktivizm kak resheniye problemy ratsional'nogo v postneklassicheskoy epistemologii [Social constructivism as a solution to the problem of the rational in post-nonclassical epistemology]. *Antropologicheskie izmereniya filosofskikh issledovaniy = Anthropological Measurements of Philosophical Research*, 2014, No. 6, pp. 133–141. (In Russian).
7. Novikova O.V. Poisk metodologicheskikh osnovaniy filosofsko-istoricheskogo poznaniya kak epistemologicheskaya problema [The search for methodological foundations of philosophical and historical knowledge as an epistemological problem]. *Problemy upravleniya = Management Issues*, 2006, No. 1 (18), pp. 97–104. (In Russian).
8. Ravochkin N.N. Rol' operatsionalizatsii ponyatiy dlya ponimaniya, identifikatsii i prakticheskoy realizatsii sotsial'nykh idey [The role of operationalization of concepts for understanding, identification and practical implementation of social ideas]. *Vestnik Kalmykского universiteta = Bulletin of Kalmyk University*, 2021, No. 3 (51), pp. 158–166. (In Russian).
9. Ravochkin N.N. Rol' idey v stanovlenii i transformatsii politiko-pravovykh institutov: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty [The role of ideas in the formation and transformation of political and legal institutions: theoretical, methodological and applied aspects]. Kemerovo, KuzSTU, 2021. 258 p.
10. Smagina M.V. Sotsial'nyy konstruktivizm v rossiyskoy sotsial'noy psikhologii: osobennosti i perspektivy [Social constructivism in Russian social psychology: features and prospects]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, vol. 15, No. 39, pp. 188–193. (In Russian).
11. Tararukhina M. I., Iontseva M. V. Tekhnika repertuarnykh reshetok Dzh. Kelli [Technique of J. Kelly's repertory grids]. *Sociologiya: Metodologiya, metody, matematicheskie modeli = Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Models*, 1997, No. 8, pp. 114–138. (In Russian).
12. Tokareva S.B. Metodologiya sotsial'nogo konstruirovaniya i sotsial'nyy konstruktivizm kak metodologiya [Methodology of social construction and social constructivism as a methodology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii = Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2011, No. 2 (14), pp. 113–118. (In Russian).
13. Trufanova E.O. *Subyekt i poznanie v mire social'nykh konstruktsiy* [Subject and cognition in the world of social constructions]. Doct. diss. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2017. 298 p.
14. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality. London, Penguin Books, 1991. 233 p.
15. Charmaz K. Constructionism and the grounded theory method. *Handbook of constructionist research*, New York, The Guilford Press, 2008, pp. 397–412.

16. Eberle T. A new paradigm for the sociology of knowledge: "The social construction of reality" after 25 years. *Schweizerische Zeitschrift für Soziologie*, 1992, vol. 18, No. 2, pp. 498–502.
17. Galbin A. An Introduction to Social Constructivism. *Social Research Reports*, 2014, vol. 26, pp. 82–92.
18. Grand, S., von Arx, W., Rüegg-Stürm, J. Constructivist paradigms: Implications for strategy-as-practice research. *Cambridge Handbook of Strategy as Practice*, Cambridge, Cambridge University Press, 2015, pp. 78–94.
19. Kim M.S. Doing social constructivist research means making empathic and aesthetic connections with participants. *European Early Childhood Education Research Journal*, 2014, vol. 22, No. 4, pp. 538–553.
20. Klapper R. G. George Kelly's Repertory grids in Social Constructionist research in the French Context. *Management & Avenir*, 2011, vol. 3, No. 43, pp. 354–371.
21. Neimeyer R., Levitt H. Constructivism / constructivist methodology. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, Elsevier Science, 2001, pp. 2651–2654.
22. da Silva A. B. The relationship between social constructivism and qualitative method. Available at: https://www.researchgate.net/publication/311650502_The_relationship_between_social_constructivism_and_qualitative_method.
23. Zhao H. Explicating the social constructionist perspective on crisis communication and crisis management research: a review of communication and business journals. *Journal of Public Relations Research*, 2020, vol. 32, No. 3–4, pp. 98–119.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Равочкин, Н. Н. Методологическая роль социального конструктивизма для исследований политико-правовых институтов (часть 1) / Н. Н. Равочкин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 201–211.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ravochkin N. N. The Methodological Role of Social Constructivism in the Research of Political and Legal Institutions (Part 1) / N. N. Ravochkin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 201–211. (In Russian).

УДК 17.035.1

**ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ АКМЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ
ДОСТИЖЕНИЯ ВЕРШИН САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

А.М. Руденко

**A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE ACMEOLOGICAL FOUNDATIONS
OF ACHIEVING THE PEAKS OF PERSONAL SELF-REALIZATION
IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY**

A.M. Rudenko

Аннотация. В статье с позиций философской антропологии и философии культуры раскрываются акмеологические основы достижения вершин самореализации личности в предпринимательской деятельности. Автор показывает, что самореализация человека как личности – это важнейший процесс и результат воплощения человеком своей социокультурной сущности. При этом предпринимательская деятельность в теоретическом и практическом отношении предоставляет уникальные возможности для самореализации личности, поскольку построена на принципе взаимовыгодности. Центральной идеей статьи является то, что акмеологической основой достижения вершин самореализации личности в индивидуальной предпринимательской деятельности в современных отечественных условиях является построение многоуровневой, многогранной и многофакторной стратегии профессионально-личностного развития.

Abstract. In the article the acmeological foundations of achieving the peaks of personal self-realization in entrepreneurial activity are revealed from the standpoint of philosophical anthropology and philosophy of culture. The author shows that personal self-realization is the most important process and the result of the person's embodiment of his socio-cultural essence. At the same time, entrepreneurial activity in theoretical and practical terms provides unique opportunities for personal self-realization since it is based on the principle of mutual benefit. The central idea of the article is that the acmeological basis for achieving the peaks of personal self-realization in individual entrepreneurship under modern national conditions is the construction of a multi-level, multifaceted and multifactorial strategy of professional and personal development.

Ключевые слова: человек, личность, индивидуальность, самореализация, предприниматель, акмеология, общество, культура.

Keywords: human, personality, individuality, self-realization, entrepreneur, acmeology, society, culture.

Кризис предпринимательской деятельности, начавшийся весной 2020 года, вызванный пандемией COVID-19, загубил очень многие мелкие коммерческие организации, которые оказались совершенно неприспособленными существовать и конкурировать в сложившихся условиях. Далеко не все предприниматели смогли справиться с вызовом, инициированным опасным заболеванием. И, несмотря на определенные меры поддержки со стороны государства, в условиях

нестабильной эпидемиологической и социально-экономической ситуации, многие предприниматели сегодня либо оказываются банкротами, либо вынуждены кардинально менять вид деятельности. На этом фоне стремительное развитие сетей гипермаркетов безжалостно вытесняет предпринимателей из бизнеса и зачастую в буквальном смысле заставляет их выживать. Все это требует от современного предпринимателя высокого уровня профессионализма, достижения высокой планки личностно-профессионального развития, наличие хороших профессиональных знаний и навыков в своей области. Но реальная практика предпринимательской деятельности такова, что многие предприниматели, зафиксированные на максимизации прибыли, не осознают необходимости саморазвития, самосовершенствования и профессионального роста. Они не всегда имеют полноценное образование, им некогда читать книги, проходить реальные курсы повышения квалификации, впитывать новации и учитывать передовые социокультурные тенденции. Это приводит к тому, что более удачливые и образованные конкуренты опережают, обгоняют их, оставляют позади. Выход один: либо кардинально менять вид деятельности, либо расти в профессионально-личностном отношении, и добиваться не максимизации прибыли (это должно стать эпифеноменом), а максимальной самореализации личности.

Современная философская антропология и философия культуры позволяют утверждать, что самореализация человека как личности – это важнейший процесс и результат воплощения человеком своей социокультурной сущности. Человек, как известно, являясь социобиологическим существом, может рассматриваться как индивид, индивидуальность и личность.

Понятие «индивид» характеризует биологическую природу человека. Все мы рождаемся индивидами, наследуя определенные генетические признаки от своих родителей. Однако биологическое в человеке всегда соотносится с социальным. И все социальное в человеке описывается другим понятием – понятием личности. Личность – это все то, что формируется в человеке в результате социализации и инкультурации и воплощается в результате самореализации. Таким образом, ключевыми понятиями, помогающими раскрыть сущность понятия личность, являются понятия «социализация», «инкультурация», «самореализация», «личностный потенциал», «личностные достижения». Связаны эти понятия следующим образом: человек как личность формируется в результате социализации и инкультурации, которая позволяет человеку сформировать личностный потенциал, который, в свою очередь, является основанием для самореализации человека в том социокультурном пространстве, в котором он живет. Современные ученые убеждены: «Единый процесс инкультурации и социализации с неизбежностью приводит к росту самосознания и самоидентификации, что становится залогом ощущения человеком собственной осознаваемой субъектности. Процессуальность и результативность реализации целевых установок, порожденных сформированным самосознанием в ракурсе выбранной самоидентификации, и есть процесс самореализации личности» [3, с. 34]. Итогом самореализации являются

личностные достижения, которые в случае полноценной творческой самореализации имеют шанс «пережить» человека как индивида. Примеры выдающихся личностей, чье творчество составляет сокровищницу мировой культуры, подтверждают это правило. Таким образом, у человека как личности всегда есть также шанс на относительное бессмертие. Иными словами, принцип здесь следующий: всякий живущий человек, достигая определенного возраста, как личность всегда является носителем личностного потенциала и личностных достижений. После смерти исчезает одна из двух составляющих структуры личности (личностный потенциал), но остается вторая (личностные достижения). Именно это позволяет личности достигать относительного бессмертия в культуре. Но возникает вопрос: почему творчество одних личностей переживает их границы биологического существования, а других – нет?

Ответ на этот вопрос кроется в третьем ключевом понятии, позволяющем дать полную характеристику человеку. Это понятие индивидуальности, которое можно применять и по отношению к индивиду, и по отношению к личности. Индивидуальность – это непохожесть, своеобразие, самобытность человека. Мера отличия одного человека от другого. Все люди разные, и это разницу между людьми как раз описывает понятие «индивидуальность». Вот только степень этой дифференциации между людьми неодинакова. Когда мы говорим об индивидуальности индивида, то прежде всего имеем в виду биологическую, природную индивидуальность человека: у каждого человека свой темперамент, свой тип телосложения, внешность и т. п. Когда же мы говорим об индивидуальности личности, то имеем в виду меру уникальности его личностного потенциала и личностных достижений. Чем она больше, тем значимее человек как личность. Однако это правило работает только при определенных условиях:

1) во-первых, уникальность личностного потенциала должна быть продуктивно и творчески реализована в социокультурном пространстве. Иначе, если человек, имея уникальный креативный потенциал, не имеет субъективной (например, в силу проблем со здоровьем или в силу элементарной лени) или объективной возможности его воплощения (например, в неблагоприятных социально-политических, культурных, экономических, эпидемиологических и т. п. факторов), значимость человека как личности будет отсутствовать;

2) количество и качество творческих достижений личности должно соотноситься с мерой их востребованности в социокультурном пространстве (иначе будет изобретение велосипеда).

В случае соблюдения данных условий индивидуальность личности имеет одно из ключевых значений в достижении продуктивности самореализации. Это дает основание заключить, что личность формируется не только под воздействием социализации, которая в отличие от адаптации имеет всегда активный и избирательный характер, но и тесно связанной с ней индивидуализации, которая представляет собой процесс и результат роста субъектности человека на основе социализации. Важность индивидуализации состоит в том, что именно она выступает тем фактором, который запускает

пусковой механизм трансформации личностного потенциала в личностные достижения.

Самореализации личности предпринимателя, безусловно, тяготеет к профессиональной самореализации личности. Кроме профессиональной, как известно, можно также в самом обобщенном виде выделить семейную (частную, приватную) и досуговую (связанную с отдыхом и развлечениями) самореализацию. Как любой вид профессиональной самореализации, профессиональная самореализация предпринимателя подчиняется как общим закономерностям и принципам, так и имеет свои специфические особенности. Предприниматель – это человек, который, принося пользу обществу в форме оказания услуг, торговли или производства товаров, преследует свой интерес в виде получения прибыли. Деятельность, которой он занимается, носит название предпринимательской. Сущностью и спецификой предпринимательской деятельности является то, что она:

- 1) является самостоятельной деятельностью человека;
- 2) осуществляется на свой страх и риск: повышенная рискогенность предпринимательской деятельности;
- 3) представлена в формах: пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг;
- 4) направлена на систематическое получение прибыли, которая представляет собой положительную разницу между суммарными доходами и затратами.

Как видно из сущности и специфики, предпринимательской деятельности, она в теоретическом и практическом отношении предоставляет уникальные возможности для самореализации личности, поскольку построена на принципе взаимовыгодности. Предприниматель реализует себя, принося пользу обществу и получая за это вознаграждение в виде прибыли. В данном случае предприниматель, если он занимается любимым делом, к которому у него есть способности, всегда потенциально имеет не только внешнюю (связанную с прибылью), но и внутреннюю мотивацию (связанную с удовольствием от мысли о том, что он приносит пользу людям).

Однако далеко не каждому предпринимателю удастся эффективно реализовать себя как личности. Причин этому множество, причем как объективных, так и субъективных. Чтобы предприниматель успешно реализовывал себя, ему необходимо постоянно развиваться. Причем это развитие должно быть многоплановым и сбалансированным. Развитию должны подвергаться все индивидуально-личностные аспекты жизнедеятельности предпринимателя. Достичь эффективности профессиональной самореализации индивидуального предпринимателя помогают акмеологические знания. Как известно, акмеология (от древнегреческого «акме» – вершина, острие, расцвет, зрелость, лучшая пора высшая степень чего-либо и «логос» – учение) – это раздел возрастной психологии который «изучает факты и закономерности, механизмы и способы развития человека на этапе его зрелости, включая профессиональное самосознание, самосовершенствование и саморегуляцию

личности» [4, с. 5]. Стоит согласиться с мнением ученых, считающих, что «важнейшей задачей акмеологии как раздела психологии развития, изучающего механизмы и закономерности достижений вершин личностного развития зрелого человека, является вооружение человека практическими знаниями, умениями и навыками, которые бы позволили бы ему прожить свою жизнь с наибольшим «коэффициентом полезного действия», успешно и полноценно реализовать свой личностный потенциал» [6, с. 591]. Иными словами, акмеологические знания позволяют не только достичь эффективности предпринимательской деятельности, но и способствовать максимальной профессиональной самореализации в этой области деятельности. Основные критерии эффективности предпринимательской деятельности различны: размер прибыли, увеличение рыночной стоимости предприятия или организации, и рост деловой репутации (гудвилла) предпринимателя и его организации – это нематериальный критерий эффективности предпринимательской деятельности, который представляет собой оценку его деятельности с точки зрения деловых качеств. Гудвилл представляет собой бренд фирмы, который позволяет вычислить уровень репутации организации в самых разных масштабах.

В процессуальном плане эффективность профессиональной самореализации предпринимателя в зрелом возрасте определяется рядом факторов:

1. Степень оригинальности, востребованности и продуманности изначальной предпринимательской идеи. Акмеологическим условием успешности реализации данного фактора является наличие у предпринимателя таких качеств, как креативность (творческие способности, нестандартность мышления), практичность (деловитость, ориентация на достижение результата), умение стратегически мыслить (дальновидность, это необходимо для того, чтобы выстраивать долгосрочные цели), отсутствие волонтаризма (умение доверять мнению экспертов). Идеальным, но не всегда обязательным, завершением данного этапа формирования предпринимательской деятельности является создание бизнес-плана – документа, содержащего план конкретных предпринимательских целей и мероприятий, а также ожидаемых расходов и доходов, который можно представить потенциальному инвестору.

2. Размер стартового капитала. Очевидно, что чем его больше, тем лучше для успеха индивидуального предпринимательства. Акмеологическим условием успешности реализации данного фактора является наличие у предпринимателя таких качеств, как конгруэнтность (согласованность слов, мыслей, жестов и поступков), честность, порядочность, реализм, решительность, коммуникабельность, уверенность в своих силах, гибкость, развитые ораторские способности, умение отстаивать свою точку зрения, развитую коммуникативную культуру и наличие знаний в области практической и социальной психологии.

3. Успешность и быстрота регистрации и лицензирования индивидуального предприятия, решение всех формальных организационных вопросов, связанных с предпринимательской деятельностью. Акмеологическим условием

успешности реализации данного фактора является наличие у предпринимателя таких качеств, как самообладание, выносливость, терпеливость (поскольку часто приходится подолгу ждать), педантичность и скрупулезность (она важна при заполнении разного рода документации, связанной с предпринимательской деятельностью), обучаемость (так как в любом случае придется учиться новому), настойчивость и вера в себя (так как она часто теряется именно в процессе решения всех трудностей и формальностей).

4. Успешность рекламной деятельности, профессионализм в организации и проведении рекламных акций и кампаний. Рекламная деятельность малых предприятий имеет свою специфику и сопряжена с определёнными трудностями. Малые предприятия не имеют таких возможностей для финансовых вложений в рекламную деятельность, как крупные компании. В этой связи проблемы её эффективности в условиях ограниченных возможностей стоят весьма остро.

В случае успешности ведения индивидуальной предпринимательской деятельности на первый план в дальнейшем выходят задачи расширения производства или сферы оказываемых услуг. Возможно слияние и поглощение конкурентов, появление добавочного капитала, появление желания продать имеющийся бизнес и купить готовый. Все это также требует от предпринимателя наличия важных деловых и личностных качеств. Помимо вышеперечисленных, это такие качества, как скромность (несмотря на то, что богатые люди редко ведут себя скромно, именно скромность является часто показателем развитости ума и умения мыслить здраво, быть справедливым и уважительным по отношению к другим людям), способность к эмпатии (работа с людьми требует от предпринимателя умения сопереживать своим коллегам и клиентам, умения поставить себя на место другого человека), умение брать на себя ответственность (чем больше власти, тем должно быть больше и ответственности) и гуманность (человечность, которую часто утрачивают предприниматели в погоне за основной целью – прибылью). Но именно наличие этих качеств – акмеологический показатель зрелости любого человека, в том числе и предпринимателя.

Самореализация предпринимателя в современных отечественных условиях имеет свою довольно ярко выраженную специфику. Широко известно, что современный тип российского предпринимательства складывался в сложные для нашей страны переломные 90-е годы XX века. И именно с тех пор в общественном сознании россиян сформировалось довольно негативное общественное мнение о деятельности предпринимателей. Кроме этого, наблюдается некая отчужденность предпринимательства, стремящегося к прибыли за счет потребителей, от, собственно, самого населения с его проблемами и заботами, что породило довольно низкий статус предпринимателя в массовом общественном сознании. В нем образ предпринимателя формируется скорее негативный, чем позитивный: это делец, который ради прибыли готов пойти на все, зачастую пренебрегающий нормами светской и религиозной морали, провоцирующий деструктивные конфликты с конкурентами,

органами власти, а иногда и любыми другими людьми, встающими у них на пути. Безусловно, прошедшие два десятилетия XXI века несколько смягчили эти представления, но не искоренили их. Образ предпринимателя в массовом сознании россиян стал более сложным и дифференцированным.

Для всех типов предпринимательства в России характерны некоторые общие тенденции, которые стали актуальными в последние десятилетия: сравнительно большая зрелость предпринимательского сознания по сравнению с 90-ми годами XX века, увеличение материально-финансового разрыва между предпринимателями крупного и малого бизнеса, сокращение свободного времени индивидуальных предпринимателей и дифференциация аксиосферы предпринимателей в зависимости от уровня материального положения.

Личность современного предпринимателя, достигая высшего уровня развития, позволяющего раскрыть свою индивидуальность, осуществляет полноценное и максимальное самовоплощение, самовыражение и самореализацию, обретает объективную значимость в продуктивности и субъективную удовлетворенность. Это приводит к росту его субъектности. При этом, как верно отмечает А.А. Деркач, «личности как субъекту присуща способность разрешения противоречий; оптимальный способ такого решения ведет к ее развитию и совершенствованию» [1, с. 109]. При этом предпринимателю приходится максимально использовать свои личностные и психические ресурсы как средства оптимального и эффективного разрешения проблем, возникающих в индивидуальной предпринимательской деятельности.

Какие качества нужны для этого? По мнению американского экономиста П. Самуэльсона, успех предпринимательской деятельности определяется креативностью предпринимателя, поскольку деятельность должна быть новаторской, а новаторство требует оригинальности мышления [8]. С его точки зрения, именно предприниматели в основном внедряют в общество новые идеи, и именно это становится залогом успешности наиболее эффективного и быстрого накопления богатства предпринимателями, которые умеют рисковать, используя новые подходы в решении проблем экономики. Аналогичных взглядов придерживаются и многие другие исследователи.

Еще одним фактором достижения вершин самореализации личности в предпринимательской деятельности является преодоление социальной незрелости личностью и достижение ею зрелости. Исследователи выделяют несколько условий, необходимых для достижения этого [7, с. 586–590]:

- 1) формирование условий для полноценной социализации личности предпринимателя;
- 2) формирование условий для получения качественного, реального и полноценного образования на всех уровнях обучения;
- 3) формирование условий для обеспечения гармоничной самореализации в профессии, семье и досуговой деятельности.

При этом критериями сформированности социальной зрелости индивидуального предпринимателя можно считать: наличие четких принципов,

идеалов и убеждений, стремление к самосовершенствованию, адекватность самооценки, позитивность мышления и оптимизм, развитое самообладание, умение ставить разумные цели и доводить начатое до конца, ориентацию на творчество, трудолюбие, высокую нравственность и духовность, развитое самосознание и коммуникативную компетентность.

Отечественные специалисты В.Л. Василёнок и Е.И. Алексашкина [2] полагают, что достижению вершин самореализации личности в индивидуальной предпринимательской деятельности способствует полноценность реализации функций предпринимательства, важнейшими из которых являются:

1) новаторская функция, которая позволяет формировать новые технические, управленческие и организационные идеи;

2) организационная функция, которая способствует внедрению новых методов и форм организации производства и оказания услуг, новых методов стимулирования работников, новых способов организации управленческого процесса в предпринимательстве;

3) хозяйственная функция, которая позволяет предпринимателю эффективно использовать материальные, трудовые, интеллектуальные и информационные ресурсы;

4) социальная функция, которая связана с тем, что предпринимательство позволяет изготавливать товары и оказывать услуги, в которых нуждается общество;

5) личностная функция, которая связана с чувством удовлетворенности предпринимателя от результатов своей работы и обретением материальной независимости.

И, несмотря на то, что критерием успешности предпринимательства чаще всего называют достижение максимальной прибыли, сами предприниматели субъективно оценивают не только это, но и достижение большей свободы, азарт победы и желание выразиться творчески [5, с. 119]. Поэтому индивидуальный предприниматель выступает в современном российском обществе как производитель необходимых материальных и духовных благ, активный носитель различных видов созидательной деятельности, субъект позитивных изменений в обществе и двигатель технического, экономического, духовного и социального развития общества.

Акмеологические факторы достижения вершин самореализации личности в индивидуальной предпринимательской деятельности чрезвычайно многогранны, многоуровневые и многоплановы. Важнейшими акмеологическими факторами успешности и полноты личностно-профессиональной самореализации предпринимателя являются: совершенствование имиджа руководителя, совершенствование социально-психологической культуры общения и взаимодействия предпринимателя с сотрудниками и клиентами, проведение мероприятий по повышению качества обслуживания, применение методов профилактики профессионального стресса, эффективное предотвращение и разрешение конфликтных ситуаций и эффективное повышение конкурентоспособности.

Таким образом, акмеологической основой достижения вершин самореализации личности в индивидуальной предпринимательской деятельности в современных отечественных условиях является построение многоуровневой, многогранной и многофакторной стратегии профессионально-личностного развития. Данная стратегия включает в себя как субъективные факторы, касающиеся развития соответствующих деловых и личностных качеств, так и объективные факторы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акмеология : учебник / под общ. ред. А. А. Деркача. – М. : Изд-во РАГС, 2002. – 650 с. – Текст : непосредственный.
2. Василёнок, В. Л. Развитие предпринимательства и факторы его определяющие / В. Л. Василёнок, Е. И. Алексашкина. – Текст : электронный // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2013. – Вып. 1 (12). – URL: http://economics.ihtb.ifmo.ru/ru/article/6983/razvitie_predprinimatelstva_i_factory_ego_opredelyayuschie.htm (дата обращения: 14.11.2021).
3. Ворожко, Ю. А. Философия самореализации личности в современной культуре : монография / Ю. Н. Ворожко, Е. Е. Несмеянов, А. М. Руденко. – Текст : непосредственный // Донской государственный технический университет. – Новочеркасск : Лик, 2015. – 168 с.
4. Кашапов, М. М. Акмеология : учебное пособие / М. М. Кашапов ; Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2011. – 112 с. – Текст : непосредственный.
5. Комаров, Е. И. Измерение мотивации и стимулирования «человека работающего» / Е. И. Комаров. – М. : РИОР: ИНФРА-М, 2010. – 250 с. – Текст : непосредственный.
6. Руденко, А. М. Акмеологические основы достижения вершин самореализации личности в современной культуре / А. М. Руденко, Д. Р. Чаава, Ю. Г. Корчагина. – Текст : непосредственный // Форум молодых ученых. – 2018. – № 8 (24) . – С. 591–596.
7. Руденко, А. М. Акмеологические факторы преодоления социальной незрелости личности в условиях XXI века / А. М. Руденко, А. В. Савельев, С. В. Пизов. – Текст : непосредственный // Форум молодых ученых. – 2018. – № 8 (24) . – С. 586–590.
8. Самуэльсон, П. Экономика / П. Самуэльсон, В. Нордхаус. – М. : Вильямс, 2014. – 1360 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Akmeologiya: Uchebnik* [Acmeology: a textbook]. Ed. by A.A. Derkach. M.: RASS Publishing House, 2002. 650 p.
2. Vasilenok V.L., Aleksashkina E.I. Razvitiye predprinimatel'stva i faktory yego opredelyayushchiye [The development of entrepreneurship and its determining factors]. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Ser. "Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment" = Scientific Journal of SRI ITMO. Series "Economics and environmental management"*, 2013, iss. 1 (12). Available at: http://economics.ihtb.ifmo.ru/ru/article/6983/razvitie_predprinimatelstva_i_factory_ego_opredelyayuschie.htm. (In Russian).
3. Vorozhko Yu.A., Nesmeyanov E.E., Rudenko A.M. *Filosofiya samorealizatsii lichnosti v sovremennoy kul'ture: monografiya* [The philosophy of self-realization of personality in modern culture: monograph]. Novocherkassk: Lik, 2015. 168 p.

4. Kashapov M.M. *Akmeologiya: Uchebnik* [Acmeology: a textbook]. Yaroslavl, YarSU, 2011. 112 p.
5. Komarov E.I. *Izmereniye motivatsii i stimulirovaniya "cheloveka rabotayushchego"* [Measuring the motivation and stimulation of a "working person"]. Moscow, RIOR: INFRA-M, 2010. 250 p.
6. Rudenko A.M., Chaava D.R., Korchagina Yu.G. Akmeologicheskiye osnovy dostizheniya vershin samorealizatsii lichnosti v sovremennoy kulture [Acmeological foundations of achieving the peaks of personal self-realization in modern culture]. *Forum molodykh uchenykh = Forum of Young Scientists*, 2018, No. 8 (24), pp. 591–596. (In Russian).
7. Rudenko A.M., Savelyev A.V., Pizov S.V. Akmeologicheskiye faktory preodoleniya sotsial'noy nezrelosti lichnosti v usloviyakh XXI veka [Acmeological factors of overcoming social immaturity of personality in the conditions of the XXI century]. *Forum molodykh uchenykh = Forum of Young Scientists*, 2018, No. 8 (24), pp. 586–590. (In Russian).
8. Samuelson P., Nordhaus V. *Ekonomika* [Economics]. Moscow, Williams, 2014. 1360 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Руденко, А. М. Философский анализ акмеологических основ достижения вершин самореализации личности в предпринимательской деятельности / А. М. Руденко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 212–221.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Rudenko A. M. A Philosophical Analysis of the Acmeological Foundations of Achieving the Peaks of Personal Self-Realization in Entrepreneurial Activity / A. M. Rudenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 212–221. (In Russian).

УДК 1:304.2

ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

В.Н. Фомин

VALUES IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PERSONALITY AND SOCIETY

V.N. Fomin

Аннотация. С методологических позиций ценностного подхода рассматриваются взаимосвязи общества и ценностей. Показана ценностная детерминация личности обществом. Проанализировано влияние ценностей и их переоценки, в контексте номинализма и реализма, на ценностное и контрценностное поведение индивида. Раскрыто понимание институтов как наиболее общего образа мышления во взаимоотношениях личности и общества. Автором сделан вывод о том, что институты, сформированные в прошлом на основе прежних ценностей, не согласуются с современным состоянием общества в связи с переоценкой ценностей, в связи с чем нуждаются в постоянном реформировании.

Abstract. The relationship between society and values is considered from the methodological standpoint of the value approach. The value determination of personality by society is shown. The influence of values and their revaluation on the value and counter-value behavior of the individual in the context of nominalism and realism is analyzed. The understanding of institutions as the most general way of thinking in the relationship between the individual and society is revealed. The author concludes that the institutions formed in the past on the basis of former values are not consistent with the current state of society due to the reassessment of values, and, therefore, need constant reforming.

Ключевые слова: общество, культура ценности, личность, индивид, ценностный подход, номинализм, реализм.

Keywords: society, culture of value, personality, individual, value approach, nominalism, realism.

В современном российском обществе в связи с трансформационными процессами догоняющего экономического развития все чаще проходит тема целесообразности данной интенции, так как предпринимаемые усилия не дают в полной мере должного результата, в виде высоко развитой индустриальной, а затем и постиндустриальной экономики. Существует мнение, что данная проблема может решаться в рамках изменения современной структуры личности в контексте доминирования духовных потребностей, вместе с тем неразрывно связанных с массовой системой субъект-объектной структуры рыночных отношений [8, с. 9]. Однако, по нашему мнению, в подобных рассуждениях не всегда учитывается влияние ценностей, детерминирующих деятельность личности и поведение индивидов, составляющих общество. Для более детальной разработки данной проблемы мы в контексте ценностного

подхода рассматриваем общество и ценности, ориентирующие личность в ее деятельности.

Целью статьи является сопоставление номиналистического и реалистического подхода к ценностям во взаимоотношении личности и общества.

В первую очередь мы рассматриваем более общие понятия общества через совместную форму «деятельности людей по производству материальных и духовных ценностей» [7, с. 43]. Г. Спенсер отмечает, что возникновение всей промышленной организации, для которой характерны разделение труда и высокое производство, происходило спонтанно без каких-либо законодательных актов и руководства. Промышленная организация появилась в результате удовлетворения человеческих нужд и деятельностей. Постепенно и незаметно развиваясь, общество стало представлять собой сложное сочетание «взаимно зависящих друг от друга деятелей» [10, с. 266].

Т. Гоббс причинами искусственного построения государства полагает соперничество, недоверие и жажду власти, порождающие войну «всех против всех» [6, с. 87]. В подобной гипотетической ситуации только сильная власть может оградить человека от нападения. Без развитого государства индивид пребывает в постоянном страхе при отсутствии всякой деятельности. При отсутствии государства отсутствуют как наука, литература и ремесла, так и само общество. В подобных условиях человек испытывает одиночество, а его жизнь протекает вне всякой интеллектуальности, она материально не обеспечена и «кратковременна» [6, с. 87].

Если вышеприведенные нами примеры классической интерпретации общества как продукта общественного договора фундируются на взаимодействии индивидов, то Р.К. Мертон подчеркивает ценностное понимание общества. По мнению мыслителя устойчивая и высокая стабильность общества способствует распространению конформности, как основному типу приспособления к институциональным средствам, а также культурным целям, обеспечивающим общественную преемственность. Сложная суммарность ожиданий конституирующих порядок в социуме, а также поведение, ориентированное на базовые ценности общества выявляют наличие самого общества, в котором запас ценностей, воспринимаемых взаимодействующими индивидами, представляется как основной признак отличный от многочисленных беспорядочных социальных взаимоотношений людей и их взаимодействий [9, с. 256].

Следуя вышеизложенной аксиологической интерпретации общества, нам при исследовании общественных отношений следует выяснить наличие определенного набора ценностей показывающих отличительные черты какого либо общества, детерминирующих в нем действия индивидов и смыслы ценностной деятельности личности. В данном контексте нам следует определиться с понятием ценностей. В.П. Тугаринов дает определение понятия ценности в качестве предметов и явлений с определенными свойствами, которые являются необходимыми, а также полезными, приятными и иными, являющимися востребованными членами общества, отдельного класса, личности в качестве

удовлетворения различных потребностей и интересов. Идеи, цели, идеалы и побуждения также относят к категории ценности [11, с. 261]. В данной связи мы отмечаем разность в изучении социальных явлений научно-социологического (естественно-научного) и отличного от него ценностного подхода. В научно-социологическом подходе различные явления как ценностного, так и негативного характера, рассматриваются одновременно, учитывая их значение для развития общества. Ценностный подход, напротив, производит оценку явлений, отсеивая все негативное, принимая исключительно полезное и нужное к построению нового общества [11, с. 279]. Ценности, относящиеся к обществу, фундируют определенные жизненные смыслы как человека, так и всего человечества, они представляются в качестве только положительных явлений и значимых событий. Ценности устанавливают различные отношения человека к миру, к другому и собственному «Я», являясь основанием построения мировоззренческого базиса отдельной личности [1, с. 179].

К. Шмитт интерпретирует философию ценностей в качестве философии точки. Данный контекст можно понимать как исходную точку зрения, а также центра внимания и перспективы выявляющей ценность, имеющую определенный ранг в иерархической системе ценностей. Общество человек, сама жизнь и другие ценности без всяких усилий постоянно подвергаются переоценке, что всегда соответствует изменяющемуся уровню развития общества. В связи с тем, что разные точки зрения создают видимость толерантности и нейтральности, мыслитель выявляет обратную сторону ценности, опосредованную имманентной агрессивностью, подчеркивая двойственную и вирулентную природу ценности в ее отношении к другим ценностям. Разные оценки и введение иных высших ценностей пока не явились доказательством для инакомыслящих, что свидетельствует о непреодоленной субъективности в теории ценностей. Интенция ценности к актуализации и выходу в действительность неуклонно и оно приводит к полемике тех, кто стремится переоценить, недооценивать, оценивать и использовать ценности [13, с. 41–47]. Ценность нивелирует неценность, а наиболее высокие ценности к низким ценностям имеют отношение как к неполноценным. К. Шмитт показывает опосредованную реализацию ценностных установок, приводя в пример войны. Так, если против противника ведется борьба за наивысшие ценности, то противник перестает быть ценностью. В данном случае направленность на воплощение ценностей обращается к принуждению непосредственной реализации ценностей [13, с. 51–52].

Н. Гартман в подобном ключе показывает детерминирующую значимость ценностей. По мнению мыслителя, ценности оказывают непосредственное влияние на волю, которая в своих поступках свободна как принимать, так и отвергать ценность. Но «схваченное» какой-либо ценностью ценностное чувство не может быть свободным. В то время когда воля и ценностное чувство вступают в противоречие, в человеке просыпается обличение совести. Мыслитель приходит к выводу о том, что ценностное чувство не в состоянии

изменить собственная воля. Это особо подчеркивает детерминирующую силу ценностей, в качестве реальных сущностей [5, с. 603]. Следует отметить, что в интерпретации ценностей с позиций номинализма, К. Шмитт не наделяет ценности категориями бытия, но подчеркивает их интенцию к актуализации и переходу в действительность [13, с. 35–36]. Однако Н. Гартман, интерпретируя ценности в контексте реализма, подчеркивает наличие идеального бытия ценностей и их значимости в контексте исторического процесса меняющего оценки, мнения и предпочтения людей. Данное предпочтение счастья или жертвенности, любви, героизма и иных ценностей зависит от развития общества конкретной эпохи.

Но ценности, выпавшие из оценочных суждений данного периода времени, в своем бытии останутся неизменны. В данном контексте поведение индивида будет ценным или антиценным, в связи с тем что ценность отлична от того, что принято считать ценным. Человек не может в отношении ценностей занимать нейтральную позицию, так как ценности имеют свойство давать ориентиры, определенные позиции, различные симпатии, антипатии, и оценивание переживаемого. Но ценностная «схваченность» ограничена. Каждая ценность стремится охватить человека в его целостности, а в случае когда единственная ценность является наполнением и определением жизненного смысла и содержания человека, то подобная интенция приводит к фанатизму [5, с. 604–607]. Но личность также может влиять на ценностные ориентиры общества. Профессор Гарвардского университета Гуго Мюнстерберг подчеркивает, что страстная действенная личность ищет себя и ценности, пытаясь придать ценностям печать собственного конкретного поступка, что порождает новые оценки. Эта мощная энергия личности в своем творчестве ведет некую борьбу с бесцветным шаблонным обществом. Но чистые ценности от этого не изменяются, в отличие от оценки и содержания оцениваемых отношений, которые должны измениться, чтобы мировая воля могла усиливаться от стадии к стадии [12, р. 418].

В качестве примера трансформации оценок и ценностей можно привести переход от классического понимания классового общества к современному пониманию общества безопасности. У. Бек отмечает, что с изменением форм общественной жизни изменяются общественные ценности и, как следствие, экономические принципы. В данном контексте мыслитель подчеркивает социокультурный метод М. Вебера и Т. Веблена, связывавших преобразования в сфере техники и экономики с системой культуры, формирующих нормативность «ожиданий и ценностных ориентаций людей» [2, с. 302]. В переходный период оценки равенства трансформируются в оценки безопасности, а ценности общества неравенства трансформируются в ценности общества безопасности [2, с. 59]. Иными словами, по мнению мыслителя, классовое общество, где бытие определяет сознание, трансформируется в современное общество риска, где сознание определяет бытие [2, с. 64].

М. Вебер понимает задачи социальной философии как в контексте понимания целей, идеалов и их осуществления, так и в выявлении важнейших ценностных аксиом индивида, принятых им к руководству. Мыслитель подчеркивает, что эмпирическая наука учит не тому, что делать, а указывает на то, что ценностные установки индивида детерминируют его к тому, что он может или хочет совершить. В контексте личности ценностная детерминация носит несколько иной характер, фундирующей на ее объективно ощущаемых базовых пластах в форме последних суждений, имеющих оценочный характер, определяющих не поведение, но повеление и смысловое значение жизни человека. В данном ключе достоинство личности опосредованно ценностями, иногда латентными, включенными в жизнь [3, с. 349–350].

С позиций социокультурного подхода Т. Веблен дает определение социальной эволюции как процессу отбора и адаптации мышления и темперамента к изменившейся жизни общества, а развитие институтов определяет в качестве более общего приспособления образа мышления [4, с. 219]. Веблен понимает институты в качестве наиболее общего образа мышления взаимоотношений личности и общества и их частных функций, а также в качестве системы с доминирующей духовной позицией или представления сложившегося образа жизни формирующими наиболее распространенный тип характера [4, с. 201–202]. Институты формируются в прошлом, не согласуясь с современностью, в связи с чем появляется потребность реформ общества. Данные реформы не находятся в противоречии с интересами и ценностями среднего класса, легко меняющего ценностные приоритеты и виды деятельности. Но «праздный класс», занимающий высшее положение в обществе, ориентирован ценностями консерватизма, что является препятствием реформирования общества. Низший класс не имеет сил и времени ввиду нищенского существования, поддерживаемого «праздным классом», тоже является препятствием на пути реформирования общества [4, с. 202–213].

Таким образом, можно говорить о том, что с позиций ценностного подхода рассмотрение общества ввиду конформности индивидов к социальным институтам и культурным целям, в контексте ожиданий и поведения ориентированного на базовые ценности, определяет наличие самого общества. Ценности определяются в качестве предметов и явлений, идей, целей, идеалов имеющих свойства полезности, значимости и т. д. Ценности являются только положительными категориями, имея, однако, двойственную оценочную интерпретацию, так как высшие ценности подавляют низшие ценности. Рассмотрение ценностей в контексте номинализма (несуществующие ценности, актуализируясь, стремятся в действительность) и реализма (ценности всегда существуют, но разные эпохи дают им разную оценку) дают более объективную картину ценностного и контрценностного поведения индивида и личности. Опытная наука указывает на ценностные аксиомы индивида, определяющие поведение, тогда как метафизика указывает на «повеления» личности, опосредованные

оценочными суждениями и бытийными смыслами. В данном контексте институты являются наиболее общим образом мышления во взаимоотношениях личности и общества, формирующиеся в прошлом и несогласующиеся с современностью, в связи с чем нуждаются в постоянном реформировании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алехина, О. В. Ведущие ценностные ориентации в семейной жизни, проблемы современных семей / О. В. Алехина. – Текст : непосредственный // Система ценностей современного общества. – 2012. – № 23. – С. 179–183.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. – Текст : непосредственный.
3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с. – Текст : непосредственный.
4. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М. : Прогресс, 1984. – 367 с. – Текст : непосредственный.
5. Гартман, Н. К основоположению онтологии / Н. Гартман. – СПб. : Наука, 2003. – 639 с. – Текст : непосредственный.
6. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 2001. – 478 с. – Текст : непосредственный.
7. Гобозов, И. А. Введение в философию истории / И. А. Гобозов. – М. : ТЕИС, 1999. – 363 с. – Текст : непосредственный.
8. Евстигнеева, Л. П. Догоняющее развитие: современная трактовка / Л. П. Евстигнеева, Р. Н. Евстигнеев. – М. : Институт экономики РАН, 2012. – 45 с. – Текст : непосредственный.
9. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с. – Текст : непосредственный.
10. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер. – Мн. : Современный литератор, 1999. – 1408 с. – Текст : непосредственный.
11. Тугаринов, В. П. Избранные философские труды / В. П. Тугаринов. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1988. – 344 с. – Текст : непосредственный.
12. Munsterberg H. The eternal values by Hugo Munsterberg. Boston and New York, Houghton Mifflin Company; The Riverside Press Cambridge, 1909. 468 p.
13. Шмитт, К. Тирания ценностей / К. Шмитт. – Берлин : Дункер унд Хумблот Ферлаг, 2011. – 91 с.

REFERENCES

1. Alekhina O.V. Vedushchie tsennostnye orientacii v semeynoy zhizni, problem sovremennykh semey [Leading valuable orientations in family life, problems of modern families]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva = The Value System of Modern Society*, 2012, No. 23, pp. 179–183. (In Russian).
2. Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk society. On the way to another modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000. 384 p.
3. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress, 1990. 808 p.
4. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [Leisure class theory]. Moscow, Progress, 1984. 367 p.

5. Hartmann N. *K osnovopolozheniy uontologii* [Towards the founding of ontology]. St. Petersburg, Nauka, 2003. 639 p.
6. Hobbes T. *Leviafan* [Leviathan]. Moscow, Mysl, 2001. 478 p.
7. Gobozov I.A. *Vvedenie v filosofiyu istorii* [Introduction to the philosophy of history]. Moscow, TEIS, 1999. 363 p.
8. Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. *Dogonyayushchee razvitie: sovremennaya traktovka* [Catching up development: a modern interpretation]. Moscow, The Institute of Economy RAS, 2012. 45 p.
9. Merton R. *Socialnaya teoriya i socialnaya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow, AST:AST MOSKVA: HRANITEL, 2006. 873 p.
10. Spenser H. *Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie* [Scientific, political and philosophical experiments]. Minsk, Sovremennyy literator, 1999. 1408 p.
11. Tugarinov V.P. *Izbrannye filosofskie trudy* [Selected philosophical works]. Leningrad, Publishing House of Leningrad University, 1988. 344 p.
12. Munsterberg H. *The eternal values* by Hugo Munsterberg. Boston and New York, Houghton Mifflin Company; TheRiberside Press Cambridge, 1909. 468 p.
13. Schmitt C.C. *Tiraniya tsennostey* [Tyranny of values]. Berlin, Duncker&Humblot, 2011. 91 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Фомин В. Н. Ценности в контексте взаимоотношений личности и общества / В. Н. Фомин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 222–228.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Fomin V. N. Values in the Context of the Relationship Between Personality and Society / V. N. Fomin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 222–228. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абдулаева Ильмира Абдурегимовна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в городе Кизляре (г. Кизляр); e-mail: ilmira.abdulaeva@mail.ru

Abdulaeva Ilmira Abduragimovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic, Legal and General Educational Disciplines, Kizlyar Branch of Dagestan State University (Kizlyar); e-mail: ilmira.abdulaeva@mail.ru

Алдакимова Ольга Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: aldakimova.olga@mail.ru

Aldakimova Olga Viktorovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social, Special Pedagogy and Psychology, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: aldakimova.olga@mail.ru

Аристова Ирина Владимировна – преподаватель строительного-политехнического колледжа Воронежского государственного технического университета (г. Воронеж); e-mail: aiv1107@mail.ru

Aristova Irina Vladimirovna – Lecturer, Construction and Polytechnic College of Voronezh State Technical University (Voronezh); e-mail: aiv1107@mail.ru

Багдасарян Сусанна Джамиловна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Международного юридического института (г. Москва); e-mail: pravo_17@mail.ru

Bagdasaryan Susanna Djamilovna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of Law and State-Legal Disciplines, International Law Institute (Moscow); e-mail: pravo_17@mail.ru

Бакланов Игорь Спартакович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь); e-mail: baklanov72@mail.ru

Baklanov Igor Spartakovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Humanitarian Institute of the North-Caucasus State University (Stavropol); e-mail: baklanov72@mail.ru

Бакланова Ольга Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь); e-mail: mikeeva@yandex.ru

Baklanova Olga Aleksandrovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Humanitarian Institute of the North-Caucasus State University (Stavropol); e-mail: mikeeva@yandex.ru

Баранюк Надежда Михайловна – старший преподаватель Военного института физической культуры Министерства обороны Российской Федерации (г. Санкт-Петербург); e-mail: nm9184@yandex.ru

Baranyuk Nadezhda Mikhailovna – Senior Lecturer, Military Institute of Physical Culture of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg); e-mail: nm9184@yandex.ru

Бирюков Игорь Леонидович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: birukoff26@gmail.com

Biryukov Igor Leonidovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: birukoff26@gmail.com

Бурцева Екатерина Дмитриевна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: ekatburc@yandex.ru

Burtseva Ekaterina Dmitrievna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: ekatburc@yandex.ru

Галустов Амбарцум Робертович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: rektoragpu@mail.ru

Galustov Ambartsum Robertovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Pedagogy and Educational Practice, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: rektoragpu@mail.ru

Гараев Илья Александрович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: gia1987@yandex.ru

Garayev Ilya Aleksandrovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: gia1987@yandex.ru

Геворгян Гаяне Аршалуйсовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: karaxanyan-73@mail.ru

Gevorgyan Gayane Arshaluisovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: karaxanyan-73@mail.ru

Гладченко Виктория Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: gladchenko-viktoria@mail.ru

Gladchenko Victoria Evgenyevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Technologies of Pre-school and Primary Education, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: gladchenko-viktoria@mail.ru

Глечян Эдуард Русланович – кандидат философских наук, адвокат коллегии адвокатов «Ника» АПКК; e-mail: glechyan1980@mail.ru

Glechyan Eduard Ruslanovich – Candidate of Philosophical Sciences; lawyer of the Nika Bar Association; e-mail: glechyan1980@mail.ru

Головлёв Алексей Алексеевич – доктор географических наук, г. Самара; e-mail: dudarev51@mail.ru

Golovlyov Alexey Alekseevich – Doctor of Geographical Sciences, Samara; e-mail: dudarev51@mail.ru

Готова Рузана Руслановна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: ruzana.gotova@mail.ru

Gotova Ruzana Ruslanovna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: ruzana.gotova@mail.ru

Гришина Татьяна Михайловна – старший преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Международного юридического института (г. Москва); e-mail: pravo_17@mail.ru

Grishina Tatyana Mikhailovna – Senior Lecturer of the Department of Theory of Law and State-Legal Disciplines, International Law Institute (Moscow); e-mail: pravo_17@mail.ru

Дворников Геннадий Сергеевич – преподаватель кафедры тактики Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны (г. Москва); e-mail: helmut2005@yandex.ru

Dvornikov Gennady Sergeevich – Lecturer of the Department of Tactics, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense (Moscow); e-mail: helmut2005@yandex.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dudarev51@mail.ru

Dudarev Sergey Leonidovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dudarev51@mail.ru

Зуев Вячеслав Анатольевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: zuevslava@mail.ru

Zuev Vyacheslav Anatolyevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: zuevslava@mail.ru

Карабахцян Сергей Карапетович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: karabahtsyansergej@yandex.ru

Karabakhtsyan Sergey Karapetovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: karabahtsyansergej@yandex.ru

Костин Александр Александрович – старший преподаватель кафедры автомобилей бронетанкового вооружения и техники Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии (г. Саратов); e-mail: churik1983@yandex.ru

Kostin Aleksander Aleksandrovich – Senior Lecturer of the Department of Armored Vehicles and Equipment, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of National Guard Troops (Saratov); e-mail: churik1983@yandex.ru

Лоба Всеволод Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник филиала Дагестанского государственного университета в городе Кизляре (г. Кизляр); e-mail: vsevolodka@inbox.ru

Loba Vsevolod Evgenievich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Researcher, Kizlyar Branch of Dagestan State University (Kizlyar); e-mail: vsevolodka@inbox.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Matveev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the 20–21st Centuries (SSC RAS Basic Department), the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Потяев Павел Юрьевич – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры тактики Дальневосточного высшего общевойскового командного ордена Жукова училища имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского (г. Благовещенск); e-mail: reab77@yandex.ru

Potyaev Pavel Yuryevich – Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer of the Department of Tactics, Far Eastern Higher Combined Arms Command Order of the Zhukov School named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky (Blagoveshchensk); e-mail: reab77@yandex.ru

Похилько Александр Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Pokhilko Alexander Dmitrievich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (г. Кемерово); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Ravochkin Nikita Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Associate Professor of the Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy (Kemerovo); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Рубан Дарья Алексеевна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России» (г. Ставрополь); e-mail: dasha.ruban90@mail.ru

Ruban Darya Alekseevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer of the Department of State and Civil Law Disciplines, Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol); e-mail: dasha.ruban90@mail.ru

Руденко Андрей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в городе Шахты (г. Шахты); e-mail: amrudenko@list.ru

Rudenko Andrey Mikhaylovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Institute of Services Industry and Business (branch), Don State Technical University in Shakhty (Shakhty); e-mail: amrudenko@list.ru

Федак Евгений Иосифович – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны (г. Москва); e-mail: reab77@yandex.ru

Fedak Evgeny Iosifovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy, Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense (Moscow); e-mail: reab77@yandex.ru

Фомин Владимир Николаевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Fomin Vladimir Nikolaevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Шнайдер Владимир Геннадьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: schneiderwg@mail.ru

Schnaider Vladimir Gennadievich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: schneiderwg@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302). **С 22.10.2021 года журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 дней** после окончательной даты приема материалов. Печатная версия рассылается в течение **30 дней** с момента рассылки электронной версии.

Срок приема статей – до 15 мая 2022 года.

Дата выхода журнала – июнь 2022 года.

Основные рубрики журнала:

Научные специальности*	Отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени*
5.6.1. Отечественная история	Исторические науки
5.7.7. Социальная и политическая философия	Философские науки
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования	Педагогические науки
5.8.7. Методология и технология профессионального образования	Педагогические науки

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);
- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста, при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **550 рублей.**

Правила оформления статьи

Объем до 16 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением **doc*.

- 1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК.
- 2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.

- 3) Заглавие статьи на русском языке.
- 4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.
- 5) Ключевые слова объемом не более 7–10 слов.
- 6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3–6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A. G., Korotovskikh V. A., Kolesnikov A. A., Timonov A. V., Kardymon D. V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo* = *Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54–57. (In Russian).

2. Lindorf L. S., Mamikonians L. G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>

9) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Приложение 1

Шифр специальности: 5.7.7.

УДК 343.9.01

**АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ
НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ**

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт,
г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

**ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS
OF NECESSARY DEFENCE**

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. *The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue*

of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defence. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defence.

Keywords: *human right to self-defence, self-defence right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. – URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. – Текст : электронный.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p.
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy* = *European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru

Представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и/или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____ (название статьи)» отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Для заметок

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 1 2022

Журнал входит в перечень ВАК

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко
Дата выхода в свет: 22.04.2022. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 28,37. Уч.-изд. л. 16,08. Тираж 300 экз.
Заказ № 9/22. *Цена свободная.*

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Издатель: ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Адрес издателя:
352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net
Адрес редакции: 352901, г. Армавир, ул. Р. Люксембург, 159, ауд. 4